

217717

кр.

БИБЛИОТЕКА СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

ИРКУТСК
1951

Анастасий Олехон

СТИХИ
И
ПОЭМЫ

(Избранное)

ИРКУТСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1951

Сборник составил

Г. Ф. Кунгуров

ПЕВЕЦ ОКРАИН МИЛОЙ ОТЧИЗНЫ

Поэтическое творчество Анатолия Сергеевича Ольхона — одна из интересных и своеобразных страниц советской литературы в Сибири. Горячий патриот, неустанный труженик, он искренне любил окраины милой отчизны, как он назвал Сибирь и её дальний север.

Печататься А. С. Ольхон начал в 1924 году. Это были стихи о комсомольской юности, поэт стремился познать мир, найти в нём своё место. Стихи этого периода — робкие поэтические попытки, они носили неглубокий агитационно-призывный характер, были слабыми по художественному воплощению; они показывали, что начинающему поэту необходимо упорно, терпеливо и много учиться. На этот путь и стал юный поэт. Через два года вышла его первая поэма «Тундра». И в этом раннем создании было немало юношески незрелого, торопливого. В поисках оригинальных поэтических средств, молодой автор щедро насытил свою поэму «оригинальными», ошеломляющими читателя словами, которые только затемняли смысл («Ухлюпы лузгают водой», «угасали небесные взгляды», «олений косец», «рассветы брызгают вёслами», «каждый куст впадает в детство»).

Но эта небольшая поэма, посвящённая человеку Заполярья тематически определила линию автора, его устойчивый интерес к северу.

Вся последующая работа А. С. Ольхона неразрывно связана с отображением в поэзии Сибири и её северных окраин.

Поэта интересуют прошлое кандалной Сибири, её революционное пробуждение, светлое советское настоящее и лучезарное будущее — коммунизм. Он целиком отдаёт свои силы изучению жизни и людей родных и любимых сибирских окраин. Совершает ряд поездок по Сибири, Якутии, Бурят-Монголии, Заполярному северу. Он внимательно знакомится с при-

родой, с подвигами русских людей, осваивающих далёкие, недоступные северные окраины: советскими мореходами — полярниками, таёжниками-звероловами, зимовщиками, рыбаками, геологами, лесорубами, оленеводами. Много внимания уделяет изучению быта и нравов коренных северных жителей — якутов, эвенков, ненцев, чукчей; увлекается их устным поэтическим творчеством.

А. С. Олехон опубликовал более 40 книг стихотворений, поэм, переводов, очерков. Многие произведения поэта стали известными и любимыми не только в Сибири, но и далеко за её пределами (поэма «Енисейская легенда» — о пребывании в Туруханской ссылке вождя трудящихся великого Сталина, «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском»).

В основу поэмы «Енисейская легенда» автор положил лучшие образцы устного народного творчества Сибири: сибирские сказы, бывальщины, легенды, сказки, предания. Поэт отобрал наиболее яркие, обобщил их в законченную поэму в виде устного сказа-легенды. Используя поэтические традиции народных эпических сказов, он каждую главу поэмы начинает строчкой-запевкой:

«На Курейке это было, на Курейке»...

Эта же строчка обрамляет каждую главу, как заключительный аккорд. Вся поэма заканчивается словами:

«Записал я эти сказы рыболовов
Белой ночью в Заполярье, на Курейке»...

В поэме рисуется образ старика-рыболова Бедняги, встреча и дружба его с товарищем Сталиным, который открыл столетнему старцу светлый мир свободной жизни — «мы народ дорогой новой поведём». Растроганный старик отвечает:

«Взяли за душу меня твои слова...
...Научи меня бороться за свободу,
За тобой, дозволю, пойду в огонь и воду!»

Сказовую напевность поэмы создает и её своеобразно построенная строфика и рифмовка. В первых и последних строфах каждой главы конечные рифмы в строчках рифмуются друг с другом, а во всех остальных строфах, за редким исключением — через строчку. Как правило, даётся чёткое чередование женских и мужских рифм. Ослабляет воздействие поэмы её некоторая идейная незавершённость. Жизнь товарища Сталина в Туруханской ссылке показана односторонне: он свя-

зан только с рыбаком Беднягой, помогает ему ловить рыбу, а «вечером при лучине» пишет. Ослабляет восприятие также излишняя стилизация автора под народный склад речи, которая нередко приводит к неточным, непоэтическим строчкам («для бочат готовил днища», «жизни нет другой: отсюда супротив идёт судьба», «быть голодну и худому», «все брыластые, щербатые лукавцы, все опричники жандармские, сквернавцы», «да с пронурой — человека выводили конвоиры» и т. д.).

В целом поэма нашла широкий отклик у читателей, она — одно из интересных и значительных произведений в творчестве А. С. Ольхона.

В поэме «Ведомость о Чернышевском» автор воссоздает образ великого русского революционера-демократа, писателя и учёного, «царского государственного преступника» Н. Г. Чернышевского, стойкого, негибаемого борца, заброшенного царскими палачами в «место отдалённое» — в страшный Вилюйский острог.

Поэт проникновенно и убедительно пишет: «Он жёг себя, не зная отречения. И слёз его кровавых не найти».

Обе поэмы выдержали несколько изданий.

Несомненным вкладом в советскую поэзию о Сибири являются итоговые сборники стихов: «Байкал», «Далеко, в стране Сибирской», «Стихи и поэмы за 20 лет» (однотомник). «Восточный сектор Арктики», «Окраины милой Отчизны», «Мои байкальские знакомцы», популярные книги для детей («О Феде и белом медведе», «Сказки тайги и тундры», «Якутские волшебные сказки»).

Много и плодотворно работал поэт над переводами якутских, бурят-монгольских, эвенкийских поэтов и прозаиков. В результате его переводческой деятельности русские читатели познакомились с интересным и оригинальным литературным творчеством этих народов. Его переводы сохраняют самобытные образы национальной поэзии, её своеобразную напевность, лексическую насыщенность, особый синтаксический строй. Наиболее ярко это отразилось в книгах: «Песни Дальнего Севера», «Северное сияние», «Источники песен», «Созвездие смелых», романе Эрилика Эристина «Марыкчанские парни» (перевод с якутского).

Последняя работа А. С. Ольхона как переводчика — повесть Николая Якутского (Н. Г. Золотарёва) «Золотой ручей» (Иркутск, 1950 г.) Жюри юбилейного литературного конкурса, посвящённого 25-летию Якутской АССР, отметило повесть первой премией. Повесть интересна, и русские читатели с

благодарностью отмечают переводческий труд А. С. Ольхона. В предисловии к ней он писал: «Повесть Н. Золотарёва можно считать новаторской в сравнительно богатой якутской советской беллетристике. Впервые писатель якут обращается к теме развития промышленности в родной республике. История открытия и первичного освоения одного из крупных золотоносных районов — такова основная тема «Золотого ручья»... Красочно показана судьба одного из эвенкийских родов. Описываемые события типичны для районов Крайнего Севера».

Перевод повести выполнен на высоком художественном уровне: полнокровно и жизненно созданы портреты героев, точный и яркий язык, живописны картины суровой природы Якутии.

По характеру своего творчества А. С. Ольхон — поэт современности, поэт нашего социалистического созидания, но в его книгах уделено много места и старой Сибири. Он изображает дореволюционную Сибирь, назвав её «Сибирь — царёва вотчина». Неслучайно он поставил эпиграфом к первой части сборника «Большая Ангара» строки из стихотворения старого сибирского поэта Шумахера: «Ой, ты горечь, злая мачеха Сибирь...» Обнажённо и ярко рисует А. С. Ольхон страшные картины Сибири каторжной, страны кандалов, страданий и слёз. Перед читателями проходят суровые образы ссыльных, людей, брошенных в каменные ящики — тюрьмы, на каторгу, на вечное поселение: арестанты, варнаки, каторжники, кандалышники, копачи, таёжные беглецы и пр. Трудно без волнения читать «Ночь в Александровском централье», «Нерча — город арестантов», «Идут варнаки по Сибири», «Песня о сухарях», «Славный корабль — омулёвая бочка», «Далеко, в стране Сибирской». В этих волнующих произведениях поэт отражает тюремную жуть в типичных картинах:

«Камера-погреб — чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках.
Ветер студёный гремит от Усолья,
Здесь даже камни бредят спросонья.
Лампы-коптилки
Бритые затылки.
 Был человек — да пропал.

Будто неживые
Ходят часовые.
 Спит Александров централ».

По художественной форме, по средствам поэтического воплощения этот цикл крайне разнообразный. Поэт использовал лучшие образцы устного народного творчества Сибири: старинные сибирские бывальщины, сказы, легенды, песни, пословицы, поговорки, приметы, тюремный фольклор.

Стихотворение «Байкал» написано по мотивам широко известной в Сибири песни «Славное море — священный Байкал». Этот мотив и проходит, как цементирующая основа, через всё произведение. В ткань стихотворения врывается диалог варнака-челдона.

«— В Нерчинске плохо.
Не сладко и здесь.
Пили мы с горя,
Что нечего есть...»

Диалог перемежается со страстной обличительной речью автора. Автор стремится воссоздать лексический колорит сибирской речи, вводит слова: Баргузин, варнак, челдон, поселенец, смастачил. В стихотворении много ярких эпитетов, сравнений, картинных обобщений («Спины сутулые греют прикладом», «здравствуй, мятежник — бездонный Байкал», «ветер грызёт паруса», «море гремит водяными буграми»).

Стихотворение «Байкал» довольно типично для поэтической манеры А. С. Ольхона в изображении старой каторжной Сибири. Ряд стихотворений этого цикла неслучайно носит названия популярных в Сибири народных песен: «По диким степям Забайкалья», «Солнце всходит и заходит», «Славный корабль — омулёвая бочка», «Далеко, в стране Сибирской», «Александровский централ».

Изображая революционное пробуждение Сибири, борьбу её лучших сынов за советы, поэт показывает могучую силу и храбрость «народа сибирского», его преданность революции. Этот цикл называется «Сибирь — партизанская родина».

Автор правдиво рисует самоотверженную борьбу трудящихся Сибири с белогвардейцами и интервентами. Особенно показательны и интересны стихотворения: «Песня байкальских партизан», «Кешка Бедолаз в партизаны идёт», «Выборы вождей», «Комиссар Багров», «Дарья-партизанка», «Баргузинская походная», «Бой на Байкале», «Памятник Хамар-дабанскому отряду», «Партизаны».

В показе Сибири революционной не вполне оправданно автор сосредотачивает всё внимание на партизанском движении; у читателей создаётся мнение, что советская власть в

Сибири — результат усилия только партизан. Роль большевистской партии, Красной Армии, рабочего класса в борьбе за становление советов в Сибири показана слабо. Это снижает идейно-художественную ценность произведений. В этом цикле автор большей частью пользуется теми же поэтическими приёмами, что и в цикле о старой каторжной Сибири. Многие стихотворения из цикла «Сибирь — партизанская родина» тематически острые, поэтически трогательные и убедительные. Автор создаёт ряд привлекательных, запоминающихся образов смелых сибирских партизан (Бесхлебных, Кешка Бедолаз, комиссар Багров, Дарья-партизанка). Поэт красочно рисует суровый сибирский пейзаж, батальные сцены, массовые сцены. Чтобы передать своеобразный быт, нравы сибиряков, местную речь, он насыщает (иногда и не в меру) свои произведения «сибиризмами». Среди них немало слов, непонятных широкому читателю, стоящих в стороне от литературной поэтической речи (голец, курья, морок, самосад, шалонник, палья, гуран, падь, прощевайте, белковье, баргузинил).

Ценную страницу вписал А. С. Ольхон в поэзию Сибири, изобразив многосторонне, ярко и правдиво советскую Арктику и её героических людей. Его сборники «Восточный сектор Арктики» (Москва), «Окраины милой Отчизны» (Москва) — лучшее, что создано поэтом за последние годы. Ему удалось передать то новое, что принесли с собой в Заполярье советские люди — смелые победители, созидатели и преобразователи суровой природы. Стихотворения о советской Арктике, поэмы: «Служба погоды», «Марь», «Депутаты тундры» — убедительно это подтверждают. Сочными, свежими красками рисует он пейзажи далёкого севера, мужественных и храбрых советских людей, отдающих свои силы на преобразование когда-то недоступного и грозного «ледового царства». В стихотворении «Навигация в Арктике» восторженно описывает поэт, как «Бурлит кипучая полярная страда», «тяжёлый шаг линейных ледоколов, пробил дорогу транспортным судам». Стихотворение заканчивается строчками полными оптимизма, устремления в лучезарное будущее:

«За журавлями следом самолёты
Над головами нашими летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим мёдом тундру напоят».

Так же светло, бодро и оптимистично заканчивается стихотворение «По следам Беринга».

«Отставших нет. Проверен путь,
Не нужен лот.
На всех путях удачлив будь,
Советский флот!»

Стихотворение «Восточно-Сибирское море» написано в виде авторского обращения:

«Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, тёмное...»
«...Ты — седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.»

Стихотворение заканчивается боевым призывом, который придаёт ему действенный характер:

«Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!»

Такой же приём авторского обращения к военно-морскому флагу использует поэт в ярком и бодром стихотворении «Подъём военно-морского флага», к бухте — «Бухта Амбарчик», к капитану «Фотокарточка капитана Битягова». Стихотворения этого цикла отличаются свежестью и оригинальностью красок, которыми поэт создаёт многоцветные картины природы Заполярья («Тусклое море дымится, сжатое грузными льдами», «мохнатый иней стынет на бортах», «в снегу закутанные сопки», «белых пиков над тундрой чудовищный взлёт», «по сухим, замороженным тучам покатился ущербный осколок луны, а гранитные глыбы к спадающим кручам припаяла, должно быть, рука сатаны»).

Прекрасно сделаны автором зарисовки далёких северных городов — Якутска, Олёкмы, Вилюйска, Петропавловска, Колымы, — полярных пристаней, радиопостов, посёлков зимовщиков и пр. Пёстро расцвеченной рисуется перед читателями необъятная тундра. Поэту удалось увидеть и показать своеобразную красоту и суровую привлекательность тундры в разные времена года. В одном из лучших произведений «Календарь оленевода» он запечатлел тундру во «время ранних теллят», «время летних пастбищ», «время оленних ночей», «время зимних стоянок». Как поэтический гимн северной природе и её богатствам звучит своеобразная и оригинальная поэма «Марь».

В сборниках «Восточный сектор Арктики» и «Окраины милой Отчизны» пейзажные зарисовки органически слиты с идейным замыслом поэта, с показом живых людей, покорителей Арктики, её хозяев, её преобразователей. На фоне живописных картин полярной природы возвышаются образы сильных, волевых, мужественных советских людей. Они несут в грозное Заполярье то новое, что заставляет отступить, смириться угрюмую и страшную стихию; они несут в Арктику жизнь, солнечное счастье советского человека. Колоритны и незабываемы образы героев советской Арктики: капитана Битягова, командира ледокола, заполярного почтальона, радистов, искателей металла и пр. Поэт показывает, как изменилась жизнь коренных обитателей севера — якутов, ненцев, эвенков, чукчей. Забитые и обречённые на вымирание при царизме эти народности влились в дружную семью советских народов, обрели своё гражданское право и человеческое достоинство. Они самоотверженно участвуют в преобразовании своего родного севера. Это новое в жизни коренных жителей севера правдиво и поэтически убедительно показано в поэме «Депутаты тундры». Поэма написана в лирическом, приподнятом тоне, образ оленегона ненца Калтана Бодонова — несомненная удача автора. Знатный гуртоправ избран депутатом.

«Повезёт он с собой в наказе
Волю сердца ненецкой тундры,
Радость жизни ненецкой новой,
И мудрейшему из мудрых
Благодарности нашей слово...»

В главе «Калтан Бодонов — оленный пастух — едет на выборы» хорошо описана прошлая тяжёлая жизнь ненцев-батраков.

«Возле дверей у чужого жилища
Вырос Калтан, неприютный и нищий.
Холодно спать у чужих очагов!
Голодно жить у кулацких шатров!»

Радостную жизнь принесла в тундру советская власть, солнце озолотило тундровые просторы, выпрямился северный человек, стал счастлив:

«Это встретил Калтан Бодонов
Праздник тундры, счастливый день...»

Краткая, но поучительная судьба Калтана Бодонова олицетворяет судьбу всех малых народностей Крайнего Севера. Поэма «Депутаты тундры» занимает в творчестве А. С. Ольхона почётное место. В ней с большим знанием показана классовая борьба в тундре, победа трудящихся над врагами и преданность трудового народа советской власти. Живописно даны быт, нравы, картины природы. От зоркого глаза следопыта-охотника ничего не ускользает:

«Соболь чует свою тропу,
Охотник читает следы,
Пастух никогда не забудет путь
К заливам Большой Воды».

Ярко описан снеговой путь по тундровой «дали голубой». Поэма написана как лирическое размышление, автор славит тружеников суровой тундры, радуется вместе с ними, гордится их большими успехами.

Особо необходимо отметить оригинальную поэму А. С. Ольхона «Служба погоды». Образ советского синоптика, героя «ледяного царства Арктики» — Багрова и его жены Людмилы, героически погибшей на фронте — яркие поэтические страницы. Поэма звучит, как исповедь её главного героя; каждая строчка согрета теплом сердца самого автора. Синоптик Багров показал необычайную силу сопротивления, он не согнулся под тяжестью личного горя (смерти любимой жены), устоял на боевом посту синоптика, выполнил ответственное задание— «торпедоносцы справились с врагом»... Святая преданность Родине оказалась той всепокоряющей силой, которая помогла Багрову мужественно справиться и со своей личной трагедией. Поэма завершается строчками, полными уверенности:

«Наш север, от Петсамо до Чукотки,
Зарницами Победы осиян.
Всё взято с бою,
Жертвами, трудами...
И, если где-то ветер посвежел,
Поднимем Солнце выше надо льдами,
Циклон остановив на рубеже».

А. С. Ольхон создал немало лирических стихотворений. Они отличаются мягкими поэтическими красками, задушевной искренностью, напевностью. Свои личные сердечные тревоги и радости поэт связал с яркой жизнью наших дней. Наибольшую известность и признание читателей получили стихотворе-

ния, переложенные на музыку: «Байкальское сердце», «Речка Паледуй», «Сибирь — советская земля» и др., а также ряд стихотворений, известных не только в Сибири, но и далеко за её пределами: «Окна в небо», «Красная смородина — тундровый виноград», «Май», «Конец августа», «Проводы друга», «Май — месяц любви», «Прощание», «Сентябрь — месяц разлуки» и др.

Поэма А. С. Ольхона «Резьба на бивне» издаётся посмертно. Поэту не удалось завершить поэму, она обрывается пометкой, сделанной рукою автора: «Не окончена». Но и то, что он успел создать, представляет не только поэтическую ценность, но и может служить убедительным показателем художественной возмужалости его творчества.

Эта поэма, как и большая часть литературных произведений А. С. Ольхона построена на близком и любимом им материале. Действие происходит в ледяном Заполярье. Поэт рисует картину полярной ночи. Поэтический рассказ ведётся от лица старого чукчи — художника-резчика на мамонтовом бивне. Образ великого вождя народов И. В. Сталина, портрет которого режет чукча на кости, зажигает и вдохновляет беспокойное сердце художника, вливает уверенность и силы:

«Я чувствовал ясность темы:
Ведь Сталин — весна и свет!
Об этом поют поэмы
И прошлых и нынешних лет».

Работа художника завершилась радостью творческой победы:

«Сквозь сеть костяных хрусталин,
В звезде пятилучевой
Взглянул задумчиво Сталин,
Прищурившись, будто живой».

Автор нарисовал незабываемый образ творца-художника — сына маленького чукотского народа, помыслы которого неразрывно связаны с ясным солнцем людей — Сталиным.

Рассказ ведётся задушевно, естественно и просто. Творческие поиски старого чукчи Альтака, — поиски беспокойного художника, передаются трогательно и проникновенно. Раскрывая душу творца, автор нашёл довольно тонко отточенные поэтические средства. Разговор автора с Альтаком, взгляды

старого чукчи-художника на сущность искусства, как на вдохновенный и самоотверженный труд, воспринимаются как откровение большого мастера:

«Гляди, завершаю дело!..»
Он поднял кусок клыка,
В котором как бы желтело
Сиянье издалека».

Поэт умело отобрал верные, точные слова — меткие сравнения, эпитеты, метафоры, крылатые иносказания: «от наших горячих трубок поплыл синеватый чад»; «любая мастера дума слышна в его резьбе», «а лезвие вкривь и вкось тянуло стальное жало, дробило тугую кость»; «пластинка прозрачной кости, резьбы кружевной виток», «и образ, почти незримый, звучал словно яркий стих», «глухому и землетрясения услышать не суждено»; «третьему крик журавлиный невнятен даже весной» и т. д.

Поэма заканчивается пламенными строчками, посвящёнными «Светачу нового века», вождю народов, гению новой жизни:

«Сила сталинской жизни
Познаётся вновь и вновь.
Отца счастливой отчизны
Славит моя любовь».

Творчество А. С. Ольхона — своеобразный и правдивый поэтический голос, который выделяется среди голосов наших лучших поэтов-сибиряков. Его голос характеризуется свежестью, смелостью и самобытностью. Как поэт, он может быть по праву назван вдохновенным певцом Сибири, её далёкого севера — певцом Окраин милой Отчизны. Отдельные, поэтически нетвёрдые и тусклые нотки не могут заслонить больших достоинств всего созданного им, как талантливым поэтом-патриотом, самоотверженным тружеником. Он свои силы без остатка отдал борьбе за благо Родины, за счастье советских людей.

Г. Кунгуров

*Енисейская
легенда*

ЕНИСЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

1. Записка про рыбака Беднягу

...На Курейке это было, на Курейке...
Жил тогда один Бедняга в зимовейке.
В зимовейке, в пустоплестье жил да был,
Туруханскую сельдьятку он ловил.

Туруханскую сельдьятку
Промышлял он по достатку;
А достаток рыбака —
Два долблёных челнока.

Много выловишь — не вынешь,
Сеть изодрана, стара;
Мало выловишь — погинешь,
Как придёт зимы пора.

Бедовал рыбак, томился,
В зимовейке горевал;
На реке весь день возился,
Рыбу в сеть подстерегал.

По весне пилил бревнища,
Вёсла к лету мастерил,
Для бочат готовил днища,
Трубку длинную курил.

Лютой стужей у печурки,
Солнца ожидаючи,
Плавника сухие чурки
Расщеплял играючи.

Словом, был он работяга,
Хоть по возрасту старик...
Жил и прозвищем — Бедняга —
Огорчаться не привык.

Толковал себе дедуня:
— Мол, живу не первый век,
С той поры, как ветер дует,
Не был счастлив человек.

Счастья нет простому люду,
Мы зовёмся: голытьба.
Жизни нет другой; отвсюду
Супротив идёт судьба.

Стало быть, и мне, седому,
Суждено так на роду —
Быть голодну и худому,
Не изжить никак беду.

Туруханскую сельдьятку
Наловлю да напорю;
Измотаюсь до устатку,
В пустоплесье и помру...

Сам с собой такие речи заводил он в зимовейке.
Это было в Заполярье, это было на Курейке.

2. Прибытие Сталина

...На Курейке это было, на Курейке...
Приставала в берег лодка к зимовейке.
Лодка с парусом, дощаная, с венцами,
Лодка царская, казённая, с гребцами.

Из той лодки выбегали конвоиры —
Хуже не было злодеев по Сибири —
Все брыластые, щербатые лукавцы,
Все опричники жандармские, сквернавцы.

Позади их вылез главный генерал,
На погонах — двоеглавые орлы.

Только вылез он на берег, заорал,
Вынул грамоту царёву из полы.

Тут из лодки, из казённой, из дощатой,
Конвоиры выводили воровато —
Всё с опаской,
Да с оглядкой,
Да с пронырой —
Человека выводили конвоиры.

Был он ростом и плечами крепок ладно
И одет был по-простому, не нарядно;
На рубахе наволочной медна пряжка,
Сапоги на нём смазные и фуражка.

Вышел на берег, на солнце улыбнулся
И спиною к генералу повернулся.
Осерчал, надулся главный генерал
И указ царёв в три глотки заорал.

Ну, известно, у жандармов сказ недолог:
Так и так, значит, царёв заклятый враг
Поселяется Иосиф Сталин на Курейке,
В этом самом, значит, дальнем зимовейке.
Поселяется отныне и навеки-навсегда:
Ни пути ему, ни тропки никуда:

Чтоб никто не смел его кормить или дарить
И речей с ним по-знакомому водить.
Пусть загинет царский неслух в зимовейке.
...На Курейке это было, на Курейке...

3. Сталин у рыбака Бедняги

...На Курейке это было, на Курейке...
Отдыхал товарищ Сталин в зимовейке,
В зимовейке поджидал он рыбака,
Ел сельдьятку туруханску с уголька.

Зимовейко грязновато, неприглядно,
Пузырём закрыта рама-наколотка.
Нара тёсаная, чурочка да складня,
Закопчёное ведро да сковородка,

Сети драные, багорчики да нитки —
Вот и все, в виду, рыбацкие пожитки.

Неприглядно зимовейко, да приветно.
Вечерком хозяин к дому подобрался,
Поклонился гостю он ответно,
Поздоровкался и вкрест поцеловался.

Угостил его духмяною ухою,
Напоил его брусничною водою,
Напоследок по-душам поговорил,
Подав трубку-таволожну: покури!..

Самосадам, енисейским корешком,
Продымили они избу с потолком:
Был горазд курить любезный гость,
А хозяину давно так повелось.

Утром гость пошел с Беднягою рыбачить,
Грѣб веслом заправски, деловито;
Принесло на тоню к ним удачи —
Осетрины и сельдятки маховито.

С той поры у них пошла такая жизнь —
Будто старые знакомые сошлись,
Нара общая и трубочка одна...

Это было, братцы, в давни времена,
Это было в самом дальнем зимовейке.
...На Курейке это было, на Курейке...

4. Зимние беседы

По зазимку бродят вьюги на Курейке,
Куропатки жмутся ближе к зимовейке.
В тёмной хате старикана-рыбака
Жарко теплится загнета камелька.

С полуночи дует сиверко-сквозняк,
Старый невод чинит вечером рыбак,
Чинит невод, крутит нитку на обмот
И беседу с гостем длинную ведёт:

— Ты скажи, о чём задумался давно?
Что ты пишешь, дорогой мой, милый гость?
Расскажи, если тебе нѣ всё равно,
Может, горюшко какое завелось?..

Гость у столика дощатого сидел, —
Вечерами при лучине он писал, —
Улыбнулся стариковской борде
И такую речь ответную сказал:

— Догадался ты, старинушка, как раз,
Горе есть одно с тобой у нас:
Горе тяжкое — народная судьба,
Дума важная — народная борьба.

Тяжело тебе, Бедняге, и другим.
Жизнь несладкая, неладная идѣт,
Всюду кичатся народные враги,
Перемучился, исплакался народ.

Вот и думаю, старинушка, одно:
Надо вывести людей на светлый путь.
И борюсь за это дело я дажно,
И не может моѣ сердце отдохнуть...

А пишу я книгу жизни новых лет.
Близко время, ждут товарищи мои.
Скоро ты, старик, увидишь свет,
Только тайну эту крепко затаи.

Слышу я, как просыпается народ,
И крестьяне, и рабочие встают:
Мать-земля мне вести подаѣт,
Ветры грозные над миром бой ведут.

Как начнѣтся буря, грянет гром,
Против нас никто не устоит:
Мы народ дорогой новой поведѣм, —
Вот о чём, старик, раздумьяца мои...

Обмахнул глаза Бедняга рукавом,
Сеть повесил перед самым камельком,
Обнял гостя и низенько поклонился:
— Ты прости, по-стариковски прослезился.

Взяли за душу меня твои слова,
Поседела от ненастья голова,
Сотню лет живу, без малого, на свете,
Не слышал речей таких, как эти...

Научи меня бороться за свободу,
За тобой, дозволю, пойду в огонь и в воду!
Пусть не сгинет жизнь моя напрасно в зимовейке...
...На Курейке это было, на Курейке...

5. Побег с Курейки

...На Курейке это было, на Курейке...
Белой ночью стало пусто в зимовейке.
Белой ночью, пустоплесьем, по протокам
К Енисею вышла лодка издалёка.
Вышла лодочка-долбянка с парусочком.
Шелестела через отмели песчочком,
По струе пробилась к югу, к Турухану,
Прямо шла она по ветру, по туману.

Оплывая на заливчиках коряги,
Шла долбянка в енисейских изворотах.
На руле её сидел старик Бедняга,
А товарищ Сталин вёслами работал.

Днём рыбачили они в затонах,
На костре уху себе варили,
Отдыхали на обрывах-крутосклонах
И ночами потихоньку дальше плыли.

В Туруханске настигала их погоня,
Лютовали полицейские-собаки,
Понадеялись, что скоро их догонят,
Объявили все их признаки и знаки.

Наградим, дескать, ловите поскорее,
Захватите их на лодочке умело...
Ну, да не было людей на Енисее,
Кто пошел бы на предательское дело.

Мать-земля сама их укрывала —
Укрывала их туманом без прогляда.

Мать-вода на шиверах им помогала —
Отводила их струёй от водопада.

Так ушли они без следу, неизвестно,
И до самого семнадцатого года
Кочевали на поселениях повсеместно
Среди бедного сибирского народа.

И до сей поры толкуют старожилы,
Енисейские ловцы и работяги,
Как давно когда-то вместе жили
Вождь народов и старик-рыбак Бедняга.

Как они когда-то жили в зимовейке.
...На Курейке они жили, на Курейке.

6. Припевка

Городок растёт на месте зимовейки.
Самолёты пролетают вдоль Курейки.
На графитных заполярных рудниках
Звонки утренние рокоты гудка.

Ледоколы вышли в новые походы.
На Игарку уплывают пароходы.
И широкой тундровой тропой
Пастухи оленей гонят к водопою.

В Заполярье жизнь шумит большая,
Оживают дебри и берлоги,
Ледовые горы разрушая,
Протянулись новые дороги.

Вечно будет солнце в нашем мире,
Не вернуться сумерки былого.
И по всем окраинам Сибири
Славят люди сталинское слово,

Славят люди сталинское дело,
Книгу жизни гордую читают.
И о том, что в бурях прогремело,
Все народы в песнях вспоминают.

И поют певцы на Енисее,
И ведут сказанья старожилы
Про того, кто тьму ночей рассеял...
(Эти сказы мы в напевы положили).

Он отцом народов назван тундрой.
Наш учитель, и простой, и величавый,
Славен он своею силой мудрой,
Вечен он своей народной славой.

Про него слагаются былины,
Сказы чудные, легенды и преданья.
Помнят чащи, и нагорья, и пустыни,
Где, когда-то, он бывал в своих скицтаньях.

Говорит одно сказанье, будто ныне
С ним в Кремле живет Бедняга старый,
И в столице, нашей родины твердыне,
На беседу к ним приходят комиссары.

— С ним народ,
И он с народом воедино.
Неразрывна эта сила в новом мире!..
Так сказал мне, расчесав свои седины,
Древний сказочник на Севере, в Сибири.

Я запомнил его дедовское слово,
Как сидели мы в ловецком зимовейке;
Записал я эти сказы рыболовов
Белой ночью в Заполярье, на Курейке.

1936—1938. Енисейская тайга — Иркутск.

*Сибирь -
Советская земля*

СИБИРСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

УСОЛЬСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

(Красноармейская бывальщина)

1

Фёдор Махов — парень brave и боец передовой.
Всем известен он, чернявый, наш товарищ боевой.

Голосистый запевала, первый песенник, плясун,
Он под пулями, бывало, пел про девичью красу,

Пел про Волгу, про Саратов (сам он раньше грузчик был),
Называл себя солдатом, по-солдатски водку пил.

Словом, был боец весёлый. Весь сибирский переход
Шёл он поступью тяжёлой, замыкая первый взвод.

Две бутылочных гранаты, штык сверкает навесу,
Сапожонки дыриваты. Сорок градусов в лесу.

А ему и горя мало, песни петь готов всегда.
И над ним всегда сияла кумачовая звезда.

Он, чудака, носил с собою кумачовый лоскуток
И всегда, готовясь к бою, забивался в уголок:

Шлем осмотрит первым делом, не слиняла ли звезда?
Если чуть-чуть потемнела — не потерпит никогда.

Бились мы в селе Усолъе. Там семёновский отряд
Забайкальское приволье грабил двадцать дней подряд.

Отступающие гады испоганили село.
Переломаны ограды, избы снегом замело.

Страх и смерть в селе Усолъе; мертвецы в сугробах спят,
Гулеванит на приволье атамановский отряд.

Нас не ждали. Мы ударом сразу выбили врага.
Облака зажглись пожаром, гулко охнула тайга.

После жаркой перестрелки враг бежал со всех концов.
Только вот задача: церковь огрызнулась на бойцов.

Чей-то злобный с колокольни поливает пулемёт,
По сугробам хлещет больно, огневую лаву льёт.

Кто-то метко и умело путь пехоте пересёк,
Целит яростно и смело, бьёт и вдоль и поперёк.

Залегли, прижались цепи на протаявшем снегу.
Пулемёт стучит, свирепит, а враги бегут в тайгу...

По команде первый взвод поднимается в обход...

Кое-как до колокольни добежали два стрелка,
Махов шепчет недовольно: — Бьёт, подлец, наверняка.

Шесть убитых там осталось, десять ранены лежат...
Отдохнул под дверью малость, глядь — в дверях замки
дрожат.

— Ах, закрылись гады, ладно! Крою вашего Христа,
Будет впредь вам неповадно!.. Бомбу поднял и привстал.

Дверь на щепки разлетелась. Махов лестницей — наверх:
— Душу выпущу из тела, упокою сразу всех!..

Разъярённый, по ступенькам мигом кверху добежал.
Пулемёт ещё протренькал, раза два продребезжал

И затих. А на площадке встретил, целясь прямо в лоб,
В шубе, в плисовой борчатке, волосатый дюжий поп.

Хлопнул выстрел. Махов — книзу, повалился. Поп прыжком
Подбегает по карнизу и внезапно... кувырком.

Фёдор Махов дал подножку и попа перехитрил.
Правда, ранен он немножко, но ещё хватило сил,

Вышиб маузер. В охапку захватил попа, скрутил,
Сбил с него соболью шапку, взворотил поверх перил,

Сбросил вниз живую тушу с колоколыни словно тиск;
Обругался крепко «в душу» и потом взглянул вокруг:

— Громче праздничных канонов колоколенка поёт...
Восемь ящиков патронов и японский пулемёт..

5

Как-то после, на привале, возле нашего котла
Про Усолье толковали, про минувшие дела.

И один боец ехидно Феде Махову сказал:
— Что-то церкви здесь не видно, ты, случайно, не видал?..

Фёдор Махов — парень честный, не смущаясь отвечал:
— Был я тёмный, вам известный, ошибался невзначай.

Ну, да нынче я довольный, кровь не даром проливал,
На усольской колокольне веру в бога потерял...

Вот моя любовь и вера, навсегда они со мной!..
Шлем, истрёпанный и серый, поднял Махов над собой.

А на шлеме том горела, нашей славою горда,
Вновь пришитая умело кумачовая звезда.

1934 – 1936. Усолье.

ВОЕНМОР В СИБИРИ

Приехал он из Балтики, столичный кавалер,
На бескозырке кантики и сбоку — револьвёр.
Сверкает куртка чёрная, трубою брюки-клёш.
И с ним пришла проворная присловица: «даёшь!»

Приехал с продотрядом он за хлебом, в Барнаул;
Нежданно и негаданно в село к нам завернул.
На сходку, по обычаю, явились мужики,
Заметил по обличью их: кто голь, кто кулаки

Шушукнулся с ревкомцами, собрание открыл:
— Ну, будемте знакомцами... и трубку закурил.
Попыхивает трубочкой и речь свою ведёт.
Девчата в новых юбочках протиснулись вперёд.

Хорош, красив, глазастький столичный кавалер.
(Винтовочка зубастая и сбоку — револьвёр).
Мы смотрим, улыбаемся, а он и не глядит.
Ручищами махается и грустно говорит:

Что там, мол, бьют рабочие буржуев разных стран,
Что в Питере рабочие ждут помощи крестьян,
Что хлеба надо нынче им отправить в Петроград.
Излишки надо вычерпать и сдать их в продотряд.

Тут кулачье кидается без шапок по домам,
А он лишь улыбается: — Известно это нам!..
Так, вот, давайте, граждане, без этих кержаков,
Спрошу у всех, у каждого, кто, сколько даст мешков?

Ну, беднота понятливей: — Записывай, — кричат.
И тятка мой, догадливый, рванулся сгоряча:
— Мешка четыре, — говорит, — а больше не могу.
Мешка четыре, друг, бери, от силы, помогу.

Я прямо даже охнула (у нас всего-то шесть!)
А морячок нахохлился и отвечает: — Есть!
Спасибо, — говорит, — друзья, не раззоряй себя,
Мы, — говорит, — одна семья, поделимся любя...

Бери, — кричат то тут, то там, — народ помочь готов!
И подписала беднота две тысячи пудов.
Моряк поднялся, шапку снял и ленточки взвились.
— Товарищи, — тепло сказал, — мы перестроим жизнь!

Сибирякам привет свой шлёт советский Петроград,
И Красный фронт, и Красный флот, и также мой отряд...
Тут бескозыркой он махнул, винтовку снял с плеча,
К столу отбросил шаткий стул, прикладом застучал:

— Теперь, даёшь — на кулаков, как указал Совдеп,
Из всех амбаров и мешков возьмём кулацкий хлеб...
И в тот же вечер, дотемна́ (глядели мы тишком)
Свезли кулацкого зерна три тысячи мешков...

Потом, поставив караул, моряк явился к нам,
Кисет с махоркой развернул и сразу к старикам:
— Позвольте переночевать, знакомы будем впредь...
Уселся с нами чаевать, стаканами греметь.

Хорош, красив, проворен он, столичный кавалер.
(Сверкает куртка чёрная и сбоку — револьвёр).
Умён, речист и ласков он, приятно посмотреть,
А я гляжу с опаскою, боюсь стыдом сгореть.

Простая девка, тёмная, не вымолвлю ответ.
И... думка неуёмная — что платья даже нет.
Дерюжка домотканная, невзрачен мой наряд,
Сижу я неприбранная. А тятка гостю рад.

И морячок, взглянув в окно, такую речь ведёт,
Что продотряд у нас зерно задаром не берёт,
Что есть товар для бедноты (но не для кулаков).
— Не пожалел, — толкует, — ты нам четырёх мешков,

А я, ведь, знаю, что у вас себе зерна в обрез...
Гвоздей дадим, железный таз и ситчику отрез!..
Сейчас республика бедна, но бедность не порок.
Придут другие времена, теперь не долгий срок...

А ситец, — хвалит, — лучший сорт. Даём лишь для друзей!
Как раз на платье подойдёт для дочери твоей...
Меня с улыбкой оглянул, за чай благодарил.
Потом собрался в караул и трубку закурил.

Недолго он гостил у нас, всего четыре дня.
Но не забыть мне серых глаз и в голосе огня.
Хорош, красив, проворен он, столичный кавалер.
(Сверкает куртка чёрная и сбоку — револьвёр).

Теперь пришла большая жизнь, счастливые века.
И, вижу я, слова сбылись балтийца-моряка.
В колхозе нашем «Новый мир», я — знатный полевод,
И вся советская Сибирь узнала мой рекорд.

Я стала грамотной давно и счастлива вполне, —
Есть муж и сын, и дочка, но... сознаться надо мне...
В моём комодe, под бельём, как голубой туман,
Лежит под шёлком и сукном линялый сарафан.

Частенько, собираясь в клуб, или на съезд куда,
Я вспоминаю чёрный чуб и давние года.
Не знаю — жив, не знаю — нет. А если встречу вдруг?
Что скажет мне теперь в привет, мечты девичьей друг?

Хороший мой, весёлый мой, столичный кавалер...
(Сверкает куртка, взор стальной и сбоку — револьвёр).

1933. Усолье-Сибирское.

МОИ БАЙКАЛЬСКИЕ ЗНАКОМЦЫ

ПЕСНЯ

Ветер, падающий с гор,
Полунощную звезду,
Кедров шумный разговор,
Блеск зари в зелёном льду,
Тонкий запах летних трав,
Щебет птиц на берегу, —
Жадной памятью собрав,
Всё на сердце сберегу.

Это мой Байкал встаёт,
Первобытный мир чудес,
Мир распахнутых высот,
Опрокинутых небес.
И повсюду предо мной
Голубая глубина,
Ветром зыблемый покой,
Отражённая волна.

Я хочу таким же быть,
Как и ты, отец Байкал,
Вечно двигаться и жить,
Сохранить, что мир мне дал.
Я хочу, чтоб голос мой
Не дрожал и не старел,
Чтобы песенный прибор
Маяком всегда горел,
Чтобы юность, закипев,
Как прозрачная волна,
Поднимала мой напев,
Горделива и сильна.

1941. Ст. Байкал.

ПОСЛАНИЕ С БАЙКАЛА

Мы вместе ходили в море,
Разматывали невода.
Для нас в ледяном заторе
Тюленьи паслись стада.

Мороз и студёный ветер, —
К ним сердце своё приучу.
Все бури, что есть на свете,
Мы встретим плечом к плечу.

В погоду и в непогоду
Добыча от нас не уйдёт.
Для нас, сквозь свирепую воду,
Густел омулёвый ход.

Для нас серебрились белки,
Гусыни кричали с гнёзд,
На отмелях, в бухтах мелких
Купались узоры звёзд.

Мы вместе на чёрных скалах
Ловили живьём соболей,
Под парусом вдоль Байкала
Прошли, не боясь камней.

О, молодость песен весною!
Мечта и любовь моя!
Удача идёт со мною,
Со мною идут друзья.

И там, где бывает туго,
Они помогают мне.

Мы держимся друг за другом,
И нет нас нигде сильней.

По крови семья не родная,
Но родственней в мире нет.
В знакомцах себя узнавая,
Не вижу чужих примет.

Над синей байкальской чашей,
Прочнее гранитных скал,
Основою жизни нашей
Колхоз промысловый встал.

И нынче в любимой теме
Ударит напев волной.
Я вас познакомлю с теми,
Кто рядом идёт со мной.

За молодость нашу, за славу,
За наш и отцовский труд
Былинный Байкал по праву
Советским теперь зовут.

ПОЛИКАРП ДВОЕДАН — СЕТОВЩИК-БРИГАДИР

Поликарп Двоедан —
Сетовщик-бригадир,
Он наследник лихих поморян...
По утрам, раздвигая байкальский туман,
Поглядеть, как на ловлю спешит Двоедан,
Молодая выходит заря.

Двоедан поднимается раньше зари.
На ущербные звёзды взглянув,
Он плывёт в челноке по рассветной волне
Омулёвую стаю искать в глубине,
Парусок над кормой развернув.

Свежий ветер попутчиком будет ему.
Двоедан объезжает залив.
По движенью, по блеску дремучей воды
Косяков омулёвых он чует следы.
Он на промысле нашем счастлив.

От отцов и от дедов — ловецкий талант
И вдобавок — смекалка своя:
На учёте он держит приметы ветров,
Знает рыбы повадки и путь косяков,
И покажет их вам, не тая.

Бригадира мы любим и верим ему.
Пусть он многих моложе из нас,
Но, когда мы закинем сетей своих стан,
Там, где нам указал бригадир Двоедан,
Знаем: будет добыча сейчас.

Много новых людей на советской земле,
Поликарп Двоедан из таких.

Он прославил рыбацье своё ремесло,
Парус, лодку, и сеть, и крутое весло.
Я ему посвящаю свой стих.

Вот каков он у нас, сетовщик-бригадир,
Гордость наших байкальских путин:
Весельчак, и затейник, и первый танцор.
Не о нём ли девицы ведут разговор,
Возвращаясь домой с вечерин?..

Говорят, нынче женится наш Двоедан,
На мысу ставит новенький дом.
Будем свадьбу крутить и вино будем пить,
Молодым пожелаем столетье прожить...
Счастье добыто нашим трудом.

Сеть у нас не бывала пустой никогда,
Парусов ураган не сбивал.
Сетеставы ведём на воде и на льду
И рыбацкую песню поём на ходу:
«Наше море, советский Байкал!»

1940. Пос. Лиственичное.

НАСТЕНЬКА-РЫБАЧКА

Хороши рыбачки на Байкале, хороши...
Молодые девушки, как сосенки,
Все такие скромные, степенные,
Ниже пояса висят тугие косыньки,
На лицо — русалки белопенные.
Хороши рыбачки на Байкале, хороши.

Поглядишь, — пожалуй, заглядишься ты.
И глаза у них у всех русалочки:
Голубые звёзды да зелёные;
Брови ровные, как крылья галочки,
Губы алым солнцем опалённые.
Поглядишь, — пожалуй, заглядишься ты...

Много сказок сложено про девушек.
Говорят, была богиня древняя,
Афродита, — в пене волн рождённая.
Может быть... Но вот былина верная:
И у нас есть на́-море найдённая...

Много сказок сложено про девушек.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.
Вот идёт в прибое наша Настенька, —
Уродилась девушка бездомная,
Раньше ей бы горе-жизнь злосчастная.
А у нас она, как дочь приёмная.
Наш рассказ не сказка и не вымысел.

Это было в годы партизанские.
На Байкале выловили лодочку
И нашли в ней лапотки крестьянские
Да девчонку чью-то, одногодочку.

Кто она без роду и без племени?
Так судьба ей, видно, насудачила.
Окрестили Настей в скором времени.
Подросла — и с нами зарыбачила.

Всем селом сиротку мы лелеяли...
Одевали — с миру по холстиночке.
Злую долю по ветру рассеяли,
Улыбнулось солнце сиротиночке.

И она росла, как зорька ясная,
Весела, пригожа и улыбчива.
Знать, была забота не напрасная,
Человечьей бедности отзывчива.

Нынче Настя — знатная колхозница.
В неводьбе за нею не угонишься.
Замуж время, девка только скромница.
Да такой ведь просто не поклонисься.

Погляди, в прибой идёт за неводом,
Волны бьют и дождик сеет частьенько,
А она... Ну, что ей волны — невидаль!..
Погляди, красива наша Настенька?

Разве хуже той богини греческой,
Афродита — девушка ловецкая?
Сам Байкал волной своей отеческой
Колыбель её баюкал детскую.

Погляди... Глаза блестят зелёные,
Под платком тугие косы спрятаны,
Щёки алы, ветром накалённые.
Рукава до плечиков закатаны.

Погляди, какие руки белые!
На ладонях тут мозоли честные.
Трудовые девушки, умелые,
По всему Байкалу всем известные.

Поклонись! Да долго не заглядывай.
Не влюбись! Любовь ведь трудно вывести...
Так и быть, скажу тебе, угадывай:
Женишок находится поблизости...

Бригадира видывал на катере?
Двоедан! Жениться собирается.
Гармонистов будет, слышишь, пятеро.
Нынче ловля свадьбой закрывается.

Пара будет — лучше и не встретится.
Поликарп и Настя, это — да!
Вот, она идёт, как зорька светится...
Не гляди-ка, друг ты мой, туда.

1941.

ОМУЛЁВЫЙ ЛОВ

Жёлтый полог небес,
Будто шёлк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре —
В серебре от зари,
От светлеющих гор.

На становье горит,
Затухает костёр.
Мы идём налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блещут,
Брызги света кругом.
Вёсла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот.
Это сеть повели
Из сверкающих вод.

Из сверкающих вод
Омулёвый нагул,
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах,
Тяжелей бечева.
Первый омуль в руках.

Сеть не рвётся едва.
Сеть добычей полна, --
Рыбы стаи густы..

Голубая волна
За кормой шелестит:
— Славься, мыс Онгурён!
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрён,
Чешуя — жемчуга;
Чешуя — жемчуга,
Омуль вешних путиц
Водяные луга,
Жатва синих глубин.

На восходе у скал
Якоря загремят:
— Славься, море Байкал,
Урожай твой богат!

1940

ЗАГОН ЛОСЯ

Хрустким шорохом по насту
Надвигается ненастье,
В луговинах пылью стелется,
Снежной россыпью метелица.

Закрутила,
Разметалась, —
Догоняй, поди...
Сосны тянут лапы хвойные:
— Не тронь, уйди!
Кедры тёмные, косматые
Гудят вдогон,
Сучья гнутся узловатые
Со всех сторон.

Разошлись лесные тропы
Вкривь и вкось.
Поступь тяжкую торопит
Старый лось...
Ледяная настовина
Режет ноги исполина,
Индевелые колышутся рога,
На загровке шерсть колюча и туга.

На ходу трясёт губою,
Бьёт лобастой головою
Сучья мёрзлые сухие,
Топчет кочки снеговые,
В перелесицах крутых
Напролом крушит кусты.

Мчится тёмный,
Мчится дикий
Всё быстрее, быстрее, быстрее.
Пар струится из ноздрей...

А по следу кровавому,
По густому бурелому,
Вьюге северной навстречу,
Полушубок сбросив в снег,
Зарядив бердан картечью,
Краснолицый,
Молодой,
На легучих скользких лыжах
Сквозь метель всё ближе, ближе
Гонит лося Зверобой.

Гонит зверя Костя Буткин —
Баргузинский следопыт.
На гоньбе — вторые сутки,
Дом и отдых позабыт.
Ветром,
Снегом,
Вьюгой сыт;
Сам как вьюга —
Костя Буткин
Кличет шутки-прибаутки,
На бегу себя бодрит...

В сатинетовой рубахе,
Пёстрый ворот распахнув,
Голой грудью гонит стужу,
Меж лесин проворно кружит,
С перевалов вихрем мчит,
Гонит,
Ухает,
Кричит...

Зверобой не знает страха.
Ветром сшиблена папаха,
И кудрявый клочок волос
Сединой покрыл мороз.

Тучи тянутся к закату,
Лютый ветер бьёт тайгу,
Лыжи лёгкие с раскату
По болотине бегут.
След кровавый прибывает:
Лёд копыта разбивает.
Лось, башкой мотая вяло,
Продирается устало
Сквозь осинник,
Сквозь ольшанник,
Сквозь кедровый
Колкий стланик —
И, взметнув горбатый лоб,
Вязнет тушею в сугроб.

Надорвавшись, хрипло дышит,
Снег крупчатый жадно лижет.
Тает льдистая кора.
Глаз — кровавый. Шерсть — мокра..
Ловит ухо... Ближе, ближе..
Подвигается на лыжах,
В сатинетовой рубаше,
С голой грудью, весь в поту,
Краснолицый без папахи, —
Вскинул дуло на лету
Победитель молодой —
Баргузинский зверобой..

Приподнялся лось упрямо,
Поднял белые рога.
Но блеснуло — с громом — пламя,
И обрушилось в снега.
И, ломая наст калёный,
Рёв раздался запалённый.
Зверь подпрыгнул и упал..

МОЯ ПРАБАБУШКА УСТИНЬЯ ИЛЬНИШНА

Знакомы вы с моей прабабкой?
Не знакомы?
И на Байкале не бывали? В первый раз?!
Так будьте гостем!
Милости прошу в хоромы,
Вы встретитесь с прабабушкой сейчас.

Я думаю, полюбите мою старушку.
Устинья Ильинишна —
На всём Байкале знатный человек...

Мой прадед здесь построил первую избушку,
Прабабушка — второй считает век.
Тут, на Байкале, люди кондовые,
По паспорту ей сто четыре,
А она
Твердит праправнукам,
Что годы молодые,
Что все моложе стали в наши времена.

Беззубая, вы говорите?
Ну так что же
Да вот у вас —
Зубные пломбы в тридцать лет...
Мне иногда прабабка кажется моложе
Душою
Многих молодых...
Фантазия, — вы скажете, — поэт.
Но бытиё Устиньи Ильинишны — это повесть,
Простая и прекрасная, мой друг.

Сто лет у ней чиста младенческая совесть,
Её не тронул гложащий недуг
Тоски или сомненья. Нет, —
Она жила недаром...

Безродная батрачка, сирота,
Она жила в соломе под амбаром,
Её кормили голь и нищета
Суровым подаяньем —
Чёрным хлебом.
(Байкальская вода была ей молоком.)
Когда весна её пришла, под звёздным небом
Сошлась моя прабабка с рыбаком.
То был мой прадед,
Поселенец ссыльный,
По слухам, из помещичьих крестьян.

Он полюбил Байкал, просторный и обильный,
И здесь, на пустыре, поставил первый стан —
Бревенчатую, мшоную хибарку.
Здесь поселился он,
И выросла семья.
На каждый год жена носила по подарку
Прапрадеду:
То дочь, то сына...
Вот вам родословная моя.

Сейчас в колхозе есть у нас бригада —
Засольщицы, старухи.
Ну, так вот:
Шесть бабушек, работающих рядом,
Мои родные,
Наш — известный род.

По всей округе ходит наше племя,
В колхозных станах ловит омулей.
И говорит прабабка: «Нынче — время,
Ещё бы народила сыновей;
Для всех теперь, глядишь, нашлось бы место
И счастье бы для каждого нашлось...»

Скромна моя прабабка.
А известно,
Как трудно ей молоденькой жилось.

Уловами чужими богатели
Лишь прасолы да скупщики.
Рыбак —
До гробовой доски от колыбели —
Подёнщиком ходил за четвертак,
Устинья Ильинишна на засолке
Работала с зари и до зари
(Наверно, плакала от мужа втихомолку,
Мозольные срезая пузыри.)

Взгляните-ка, у ней спина какая:
Полвека, видно, согнутой была
И лишь душа осталась молодая, —
Об этом говорят её дела.
Двадцатый год мы помним!
Бедовала
Тогда Сибирь.
Прабабушка моя
С отрядом партизан прошла кругом Байкала,
И вместе с нею шла её семья.

Все партизанили: отцы, дядья и деды,
Все под огнём мужали и росли.
И наши матери знамёнами победы
Грудных ребят в боях с собой несли.
И правнуков своих в боях носила
Устинья Ильинишна.
Народ
Глядел и порешил: ребята — это сила,
Тут даже трус из боя не уйдёт.
И, правда, мы не знали пораженья,
Хотя и отступали иногда.
(Как зарево — таёжные сраженья
И моего мальчишества года.)

На каменном мысу похоронила
Устинья Ильинишна мужа.
Прадед спит,
И нынче партизанская могила
Байкальское раздолье сторожит.

...А вот, мой друг, прабабушка. Знакомся!
Беззубая, седая, но у ней
Есть правнуки, и внуки, и питомцы —
Опора возмужавших сыновей.
Седые волосы — почётная примета,
А эта поросль — слава и любовь, —
Прабабушка теперь счастлива и согрета,
Её родная греет кровь.

...Устинья Ильинишна не болтлива
И сказочницей вовсе не слывет.
Но если вы не так уже спесивы,
То ласковое слово вам найдёт,
Сумеет угостить вас омулями,
Отменной малосольною икрой,
Домашними ржаными пирогами
И даст стакан настойки золотой.

«Черёмуховый цвет» — зовётся та настойка:
Целебна, говорят,
В болезнях сердца и ума.
Ильинишна — большая хлебосолка
И с гостем выпьет рюмочку сама.
Степенно, по старушечьим законам
Она оглянет вас, оценит на-глазок.
«Гостите дольше», — скажет вам с поклоном,
Потом скромненько сядет в уголок.

Прабабушка Устинья глуховата,
Но взгляд имеет зоркий и прямой.
Она житейской мудростью богата
И сразу вас поймёт, приятель мой.
Что на душе у вас сегодня,
Сердцем видит,
Что на сердце у вас,
Душой своей поймёт,
И никого напрасно не обидит,
И похвалы пустой не раздаёт.

Прабабушка ещё не — «иждивенка»,
Хотя почётный отдых ей готов.
Байкальская рыбачка-уроженка,

Она ведёт починку неводов,
Толкует нам, что скучно без работы,
И рада, что заделье по рукам.

С починкой у неё свои заботы
И всё-таки поближе к рыбакам.
Да! Шутка ли сказать,
Своё оставить дело,
Когда сроднишься с ним...
Прабабушка права.
Работает не быстро, но умело.
Покорна ей тугая бечева...
И нам с тобою надо поклониться
Пониже, попочтительнее
Ей,
Которою Байкал родной гордится,
Как лучшею из наших матерей.

1941.

ВЕЧЕРИНЫ

А. А. Кузнецовой

1

Над Байкалом веют снегопады,
Лебединый пух летит в тайгу,
Мореходок серые громады
Отдыхать легли на берегу.

На гранитных тёмных крутоярах
Леденеют лапы якорей,
Позабыты невода в амбарах,
Зимний лов начнётся в январе.

А сейчас — досужие заимки —
Время свадеб, девичьих забот.
Всюду шьют обновки да новинки.
На Байкале так из года в год.

Между двух путин, до ледостоя,
Получив сполна по трудовням,
Веселится племя холостое —
Вся моя байкальская родня.

Рыбаки, рыбачки, мотористы,
Бондаря, засольщики, гребцы —
Шутники, танцоры, гармонисты
И свои, ловецкие, певцы.

Всё народ весёлый да задорный,
Закалён ветрами и водой.

Как пойдут по улице Подгорной —
Словно лес шагает молодой.

Высоки, стройны, широкоплечи —
В три ряда по улице идут.
К ним выходят девушки навстречу,
Баянистам песню задают.

И звенит над берегом Байкала
Чей-то голос, ласковый такой,
И выходит первый запевала,
Помахавши девушкам рукой.

«Эх, ты Подгорна, ты Подгорна,
Развесёла улица!
На тебе, моя Подгорна,
Милая балуетца.

Выйдет, глянет,
Павой встанет,
Полушалок развернёт.
Говорит, что не обманет,
А руки не подаёт.

Что ж ты павой выступаешь?
Расскажи, куда идёшь?
Провожу, коль пожелаешь,
Ты дороги не найдёшь».

Распахнув цветные полушалки.
Будто стая сказочных жар-птиц,
Усмехнутся наши молодайки,
Подтолкнут застенчивых девиц.

И пойдёт навстречу баянистам,
Раздвигая плечиком парней,
И взмахнёт платочком из батиста
Та, чьи косы ночечьки темней.

Гордо топнет жёлтенькой ботинкой,
А потом, лукаво, покраснев,
Соловьём зальётся невидимкой,
И подхватят девушки припев:

«Ты, Подгорна, ты Подгорна,
Развесёла улица.
На тебе, моя Подгорна,
На меня люблютца.

Где ни встану,
Как ни гляну, —
Милый краше не найдёт.
Полюблю, так без обману,
Только... пусть он подождёт.

Вьёт метелица перины,
Широка родная падь.
Мы идём на вечерины,
Разрешаем провозать».

И пойдут по улице Подгорной
Все мои знакомцы и друзья,
Плясовую поступью проворной
Над обрывом берега скользя.

На мысу, за чёрными камнями,
Под шатровой крышей новый дом —
Клуб колхозный — светится огнями,
Там сегодня время проведём.

2

Нынче наши вечерины.
Торопитесь поскорей.
Две подруженьки-девчины
Встали около дверей.

Всех с поклонами встречают,
За рукав шутя берут —
Раздеваться приглашают...
Что ты делать будешь тут?

Непривычно это дело,
Да не станешь рассуждать.
Раньше в шубах мы сидели,
А теперь велют снимать.

Девки тешатся, голубки.
В кучу шубы, полушубки.
Куртки, шапки, рукавицы
Прибирают молодицы, —
Так-то лучше и видней,
У кого костюм модней.

Парни все в суконных «тройках»,
В пёстрых галстуках форсят,
Все в сорочках-разнокройках,
И у всех значки висят.

По два, по три, по четыре...
Вот они, сибиряки,
Что ни грудь — то выше, шире...
Ворошиловцы-стрелки,

ГТО, парашютисты...
Любо глянуть на ребят,
Принаряжены и чисты,
Вышли будто на парад.

Девки модой щеголяют,
Не уступят городским.
Щёки заревом пылают,
И румян не надо им

Все цвета и все оттенки.
Роза к лебедю плывёт.
Ну-ка, встанем, друг, у стенки, —
Начинают хоровод.

3

Лампы-молнии сверкают,
Косы девичьи взлетают,
Ленты пышные блестят,
Платья в танце шелестят.

Пара к паре,
Пара к паре.
Кто-то звякнул на гитаре,
А в углу, наискосок,
Взмыл свирельный голосок:

«Полюбила я его,
Полюбила, милая,
Для него, для одного
Всех других забыла я...»

Три кудрявых баяниста
Развели ладами враз,
И ответил голосисто
Молодой рыбацкий бас:

«Она, моя милая,
Сердце моё вынула,
Сердце моё вынула
Да в Байкал закинула...»

Тут баяны и гитары
Заиграли сразу — вдруг.
Разошлись, распались пары,
Все танцоры встали в круг.

Звонко хлопнули в ладоши,
Дружно за руки взялись.
Покачнулись,
Г'азвернулись,
Закружились,
Понеслись.
Вправо — влево,
Влево — вправо.
Плясовая мчит забава.
Баянисты-игроки
Поскидали пиджаки.

Обещанья, крики, шутки.
Взгляды милые зовут.
Смех, улыбки,
Прибаутки
Подгоняют
И несут:

Влево — вправо.
Вправо — влево.
Хоровод летит с припевом.
Все играют,
Все поют,
Гитаристы пальцы рвут.

Лампы-молнии сверкают
Косы девичьи взлетают.
Чётко топот каблуков.
Реют крылья мотыльков —
Реют девичьи косынки.
Хороши вы, вечеринки,
Жарко в сердце бьётся кровь.
Радость, молодость, любовь!

1941.

БАЙКАЛЬСКОЕ СЕРДЦЕ

Марку Азадовскому

Говорят, Байкал — седой!
Ты не верь,
Он такой же молодой
И теперь.

Это ты, мой милый друг,
Стал сесть,
И тебе уж недосуг
Песни петь.

Острова лазурной мглы
Далеки.
Стали вёсла тяжелы
Для руки.

В бурю парус озорной
Не поднять,
Серых чаек над волной
Не гонять.

Постарели мы с тобой
Навсегда.
Но шумит, поёт прибой,
Бьёт вода.

Молодой вскипает шквал
В устьях рек.
Дышит вечностью Байкал
Сотый век.

Погляди же на него,
Будь таким,
Волей сердца своего
Молодым.

Нашим мужеством сильна,
Жизнь зовёт.
Пусть же в душу седина
Не войдёт.

1944. Ст. Байкал.

ПРИБОЙ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОНЕ

Пушечный сдавленный гром,
Наковален тягучий звон.
Это байкальский шторм
Рвётся на остров Ольхон.

Полчища пенистых грив,
Взмылив крутой прибой,
Камень водой напоив,
Ревут боевой трубой.

Ударь, ударь, ударь!
Твёрд и могуч Ольхон;
Гранитом одета ярь
Его четырёх сторон.

В разбег,
В набег,
В разгон!
Раскачивая волну,
Обрушивай тысячи тонн
На каменную высоту.

Удар! Удар! Сильней!
Рушится пеной прибой.
Камень воды верней —
Он принимает бой.

Так бы и мне сгоять —
Грудью ветрам в упор,
Тёмные волны мять,
Славить родной простор.

Твёрдость у камня взяв,
Остров Ольхон, с тобой,
Бурям преградой встав,
Я принимаю бой.

1941. о. Ольхон на Байкале.

ОХОТНИК

Рысьим мехом подбиты лыжи,
Тускло блещет ружейный ствол.
По тайге, за собакой рыжей,
Вёрст с полтысячи он прошёл.

Снегопады, туман, метели,
Дымный полог ночных огней,
Крепкий сон в снеговой постели —
Лихорадка счастливых дней.

Молодая звезда отважных
Поднималась в разломы гор;
Лыжный шаг в кедрачах коряжных
Прострочил голубой узор.

Хищнозубый проворный соболь
Трое суток следы мотал,
Чёрный мех его пулей добыл
И на выдровый след попал.

Не ушла от него добыча,
Не напрасно заряд губил:
Поднимая приклад привычно,
В глаз, без промаха, белку бил.

В зимовье на распялках шкуры,
Пёстроцветный пушной подбор:
У лисицы — подшёрсток бурый,
Белка вышла — на первый сорт.

Горностаи светлы и нежны,
Россомахи — в три искры бок,
А у выдры нагул подснежный
Сединой по хребту натёк.

Год хороший для всех хороших
Мастеров огневой игры.
На тропах глубоки пороши,
Сладок дым смолевой коры.

Рысьим мехом подбиты лыжи.
Тёмной сталью сверкает ствол.
По тайге, за собакой рыжей,
Вёрст с полтысячи он прошёл.

УЛЬЯН-БЕЛКОВЩИК

В кедровых лесах отбуянил буран,
Щебечут синицы-теньковки.
Мой верный напарник, охотник Ульянов,
Готовит к работе винтовки.

Заманчиво тёмные блещут стволы,
До глянца начищены ложа,
Обшиты подстриженным мехом чехлы,
Упруга чехольная кожа.

В добротном порядке охотничья снасть!
Ульян постарался на славу:
Ему по душе промысловая страсть,
Таёжное дело по нраву.

Чуть белка «поспеет», мой парень готов:
Во сне об охоте толкует.
Парнишке всего-то шестнадцать годов,
А пятую зиму белкует.

Как выйдем по снегу в широкую падь,
Начнём огневую работу,
Ульяна не надобно мне подгонять —
Он сам меня вгонит в заботу.

И ты не гляди, что по виду он тих.
Попробуй-ка с ним потягаться!
Возьму я, к примеру, десяток бельчих,
А он настреляет — пятнадцать!

В другой пятнадцать и я принесу,
Тогда у него — два десятка.

Обшарит, кажись, все деревья в лесу,
Добычу возьмёт без остатка.

Совсем мой Ульян осрамил старика,
И всё-таки мне не обидно:
Ведь промыслу я обучил паренька, —
По выстрелу каждому видно.

Хлестнёт малопулькой — не в темя, так в глаз!
Не пустит на ветер заряда.
И шкурка выходит, по сорту, как раз
Такая, что скидки не надо.

Простите, друзья, седоусую спесь,
Ульяном горжусь и собою:
У парня приметная выучка есть —
Мой опыт, и даже с лихвою.

Недаром с подростками трудимся мы!
Оправданы наши заботы.
Скажу вам по чести, что с этой зимы
Ульян будет мастер охоты!

ТРАКТОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ ЗОЛОТОТРАНСА

1

Заря спускается с вершин,
Её давно на тракте ждут.
Колонна — двадцать семь машин.
В путёвках — скоростной маршрут.

Не отставай!
Лети! Гони!
Петляет тракт: туда, сюда.
В кювет, гляди, не подверни.
Гудрон струится, как вода.

Обманчив каждый поворот —
Дорожных знаков не прочесть,
Сухая пыль стекло дерёт...

Который час?
Должно быть, шесть...

Почти светло.
Гони! Лети!
Километраж — вчера — пятьсот!
Теперь как раз на полпути,
Спускаться надобно с высот.

Петляет тракт:
Сюда, туда.
Ущелья, пропасти, обрыв, —
Чуть что, и ухнешь без следа.
Водитель стал неговорлив.
Всю ночь калякал,
А сейчас,
За этим каменным углом,
Кепчонку сдвинувши до глаз,
Застыл, пригнувшись над рулём.

2

Часа четыре будет спуск,
Не снимешь ногу с тормозов.
Рассвет в пыли совсем потуск,
Сомкнулись прореди лесов.

Машина — что, а вот прицеп!
Как ни крутись, а десять тонн
На поводке железных скреп
Грохочут, катятся вдогон.

Подъём — пустяк:
Мотор не сдаст.
На спуске только не зевни.
Шипит, свистит гравийный пласт,

Краснеют задние огни.
Шофёры мчатся
Следом в след.
Низины сыростью дымят.
Таёжным солнцем разогрет,

Метнулся горный водопад.
Ручей дорогу пересёк,
В стекле забились стрекоза,
Мелькнул приземистый мосток...
Заскрежетали тормоза.

3

Кепчонку сдвинув набекрень,
Водитель пот смахнул со лба.
— Кажись, не плохо начат день!
Ну, как понравилась гоньба?

— Километраж? Вчера — пятьсот,
Сегодня триста за полдня...
Золототранс проверит счёт,
Конечно, тщательней меня.

Но я работу шоферов,
Ведущих скоростный маршрут,
Ценил бы званьем мастеров,
Искусством звал бы этот труд.

АНГАРСКИЙ ЛУЧКИСТ

Зима навстречу лесорубу
Ссыпает звёзды с облаков,
Плечистый лес укрылся в шубу
Из горностаевых снегов.

Заря — капризная девица —
Спешит на прорубь к Ангаре
Водой хрустальною умыться,
Сверкнуть причёской в серебре.

Но что ж ты нынче запоздала?
Ты проспала, заря... Гляди,
У самой кромки лесовала
Бригада наша — впереди!

Спеши, заря, а то отстанешь...
Слышь, на горе и у горы,
По всей тайге, куда ни глянешь,
Постукивают топоры.

Мороз. Погодка бедовая.
Но басовито, как пчела,
Гудит утеха трудовая,
Моя лучковая пила.

Заря, заря! Иди, погрею,
Вставай-ка рядом тут со мной.
Твою сонливость я развею
Стальной певучею струной.

Послушай, как поёт! Проворна,
Легка, задориста, остра,

Опилки сыплет словно зёрна
Моя таёжная сестра.

Да, да, сестра! Мы с ней родные.
А ты не веришь? Вот и зря!
У нас характеры стальные —
Вот в чём родство, пойми, заря.

СПЛАВ ЛЕСА

Пошли плоты по Ангаре.
Раздольный путь далёк.
Дымясь туманом на заре,
В голубоватом серебре
Куражится поток.

Бегут плоты за льдом во след,
Что день — то сотня вёрст.
Встречая северный рассвет,
Волна волне гремит привет.
Тепло несёт зюйд-ост.

На Енисей уходит лёд.
Нельзя, нельзя отстать!
Весна могучая зовёт,
В разгаре птичий перелёт...
Чтобы не запоздать!

На стрежень выйдя, чуть дрожит,
Как броненосец, плот:
В четыре яруса кряжи,
Рулём ворочай да держи,
А он не подведёт.

Спешат плоты и ночь и день...
Всё ширится река.
Огни прибрежных деревень,
Волны певучая крутень...
Густеют облака.

Игарка ждёт! Игарка ждёт!
Торопят маяки.

И лоцман крепче руль берёт,
И догоняют ледоход
Друзья-плотовщики.

Они упорнее ветров,
Задорны и сильны,
Громады мчащихся плотов
Ведут за самой кромкой льдов,
Как вестники весны.

ЗИМНЯЯ ПУТИНА

Зимний лов на Байкале хорош,
Хороша промысловая страсть!
После пышных декабрьских порош
Лучше дела себе не найдёшь!
Знай почаще посматривай снасть.

Я люблю это время, мой друг!
Голубые дымят берега,
Облака, уплывая на юг,
Тёплый пух осыпают вокруг.
Как невеста, нарядна тайга.

А в заливах, под скатертью льда,
Под холстинами гладких снегов,
В прорубях загустела вода,
Невидимки плывут — невода,
Урожайный снимают улов.

Закруглились сиговьи хребты,
Омулёвые жирны бока, —
Рыбы стаи нагульны, густы...
Погляди да порадуйся ты
На удачливый труд рыбака.

Возле наших колхозных шатров
Малолюдно в такие деньки.
Поварихи ворчат у костров,
Что обед самолучший готов,
Да никак не идут едоки.

Разгулялась ловецкая страсть,
И ничем ты её не уймёшь...
Время солнышку в горы упасть,
Торопись, пошевеливай снасть.
Зимний лов на Байкале хорош!

ИСКАТЕЛИ МЕТАЛЛОВ

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Ночь глухая, сухая,
Свет зарниц полыхает.
У костра-дымокура
Экспедиция спит.

Проводник под сосною
Спит и бредит весною.
Два геолога рядом
На кошме улеглись.
А начальник усталый
Лёг в траву под кустами
И не видит, как звёзды
Над тайгою зажглись.

Россыпь звёзд — астрономам,
Небеса им знакомы...
На земле для геологов
Есть работа своя:
Рёбра гор обнажили
Самородные жилы;
Сгустки ярких металлов
Перевалы таят...

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
А на шкуре добыча:
Голубая руда,
Отраженьем рассветов ---

Пестрота самоцветов,
Блеском северной ночи
Отливает слюда.

Каждый взлобок нагорья,
Каждый куст лукоморья
Перерыт, перещупан
Терпеливой рукой.
Молотки притупились,
Сапоги износились;
Путь отмечен на карте
Непрерывной чертой.

От зарницы к зарнице
Путь на север стремился,
Рудознатцы советские
Шли тайгой напролом;
От шумливых соседей
Убежали медведи
И глухарки с гнездовой
Забрались в бурелом...

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.

Только надо признаться,
Крепко спят рудознатцы,
Им сейчас не до чая —
Сон над ними летит.

ИСТОК АНГАРЫ

Взгляни, скорей взгляни сюда!
Стремительно скользит вода —
Зелёно-синяя руда;
Огромный, рвущийся поток,
Тугой, прозрачный завиток
Слюдой кипучей засверкал...
Здесь обрывается Байкал.

Упруго вздрогнув в шиверах,
Качая сосны на горах,
Вздувает волны Ангара;
Земля дрожит, вода звенит,
В песок стирается гранит...
Увидев синюю реку,
Конь застывает на скаку.

Его напрасно всадник гнал,
Потока он не обогнал,
Конь запыхался и устал.
Но не устанет никогда
Легкобегущая вода,
И никогда тяжёлый лёд
Её разбег не оборвёт.

Светла, могуча, широка,
Прекрасна ты, моя река,
Любовь и гордость рыбака...
Но я хочу чтоб твой разбег
Взнуздal упрямый человек,
Чтоб над окраиной земли
Сиянье радуги зажгли.

АНГАРА

Облака темны и гневны
Дождь несут из-за горы.
Лиственничные деревни
Возле самой Ангары.

Избы водят хороводы
По излуине реки,
Провожают пароходы,
Окна — будто светляки.

Настежь ставни расписные,
Мёдом крашены сухим;
И поют-поют резные
На воротах петухи.

Раздувает зыбкий ветер
Туч тяжёлые следы,
Шевелит рыбацьи сети
На краю седой воды.

Падуны, разбрызгав пену,
Бьются с ветром грудью в грудь;
И на каменную стену
Села чайка отдохнуть.

Хорошо мне в мире этом
Плыть с рыбацкой молодой,
Поцелуями согретой,
Между небом и водой.

1936. Усть-Уда.

СОЛДАТСКИЕ ПРОВОДЫ

(Поэма)

1

В колхозном клубе празднично.
Над входом —
Пушистые гирлянды, запах ёлки и флажки
Из тёмной зелени вздымают гребешки,
Как птицы,
Голубые и красные...

Высоким небосводом
Проходит солнце.
Влажный ветерок
Доносит в клуб певучий гром прибоя.

А в зале пусто.
Виден каждый уголок.
Мы с председателем остались двое.
Оглядываемся кругом.
Как будто всё в порядке,
И мы оценивать убранство не спешим...

Полы, промытые с песком, светлы и гладки,
Зал кажется нарядным и большим.
Гирлянды, самодельные плакаты и портреты;
Над сценой лозунг молнией прошёл.
Девической заботою согреты
Осенние цветы на окнах.
Хорошо!

Мы украшали с девушками вместе
 Колхозный клуб всю ночь,
 А на заре
 Они ушли —
 Подруги и невесты.
 И слышно было, песни пели во дворе,
 Байкальские задумчивые песни
 О милых, о разлуке, о любви...

А в зале, видел я, как Таня Беломестных
 Тихонько плакала,
 И взгляд её ловил,
 Украдкой,
 Моего приятеля, Никиту,
 Сердечную зазнобушку её.

Но парень что-то хмурился сердито
 И председателю расхваливал армейское житьё.
 Тот терпеливо слушал, слушал,
 Потом Никиту подтолкнул плечом
 И вымолвил вполголоса:
 — Хвастуша,
 Ты думаешь, тебя на фронте калачом
 Накормят с мёдом?
 Друг любезный,
 В солдатах — боевая будет жищь.
 Отведаешь её — назад придёшь железный,
 Такие нам и надобны...
 Ну, а теперь катись!
 Подумаешь, какой герой, стоит и брешет,
 А что, зачем — и сам не разберёт...
 Пошёл бы лучше девушку утешить,
 У самого, чай, на сердце скребёт.

Душевный человек наш председатель.
 Никита, видно, понял, покраснел,
 Вздохнул о чём-то мой приятель
 И незаметно к девушкам подсел.

А Таня в это время украшала
 Гирляндой листьев
 Сталинский портрет,

И полутьма увидеть помешала,
Проплакалась девчина или нет.
Но, я уверен, Сталин бы Танюшу
За девичью слезу не осудил,
Он понял бы мятущуюся душу —
Сомнений и надежды юный пыл.

Да, счастлив тот, кто чувства не утратил,
Чьи страсти движут мысли и дела.
И если слёзы, стоит ли скрывать их?
Ведь их любовь и молодость дала,
Ведь тот, кто плачет, радоваться может.
И пусть его сомнение тревожит —
Для равнодушных будущего нет.

3

Обычай советского Байкала
В колхозе нашем крепко прижились.

В моём календаре переплелись
Все праздники, в которых ликовала,
Торжеств своих от мира не тая,
Приветливая родина моя:
День Октября, и солнце Первомая,
И Новый год, и первый сетестав,
Когда гудит путина штормовая...

Чудесна жизнь! Чудесна и проста!
Прекрасны труд, и отдых, и забавы:
Веселье наших зимних вечеринок,
Лихой задор охотничьей облавы,
Могучий ход стахановских путин,
Под парусом мальчишеская гонка,
Соревнование в починке неводов,
Ремонт снастей, моторов и судов...
Шумит-живёт родимая сторонка.

Пусть здравствует и славится она,
И праздники и будни отмечая,
Год от году мужая и крепчая,
Детьми своими верными сильна.

Осенний праздник нашего колхоза —
 День проводов призывников.
 Который год
 Так повелось,
 Сейчас и не упомяну...

На берёзах
 В ту пору — листья жёлтые, как мёд,
 Утрами по низинам первый иней,
 И всех куда-то тянет далеко,
 Должно быть, вслед за птицами...
 Байкал прозрачно-синий,
 И синие над ним полосы облаков.

В рыбацких хатах всюду оживленье,
 Тревога материнская растёт.
 Призывники давно уж в нетерпенье,
 Как птицы, приготовились в отлёт.
 Побритые, приглаженные ходят.

А грудь у каждого — ну, целый арсенал!
 Каких значков ребята не находят.
 Я у дружка Никиты их пересчитал;
 Он с честью носит знак — «парашютист»,
 Имеет ГТО, как говорят, «на две ступени»,
 Он ворошиловский стрелок и альпинист, —
 Ну, это всё, конечно, без сомнений:

Я с ним охотился и знаю. Но когда,
 Когда
 Успел он стать кавалеристом? Непонятно!
 Я усомнился.
 Вышла целая беда,
 Мне подозренье взять пришлось обратно.
 Никита обозвал меня: «Отсталый элемент» —
 И объяснил,
 Что именно за этим
 (Мне был с усмешкою показан документ)
 Он в Баргузин и ездил нынче летом,
 Сдал нормы на «кавалериста», две подряд..

Да, мне пришлось постыдно извиняться!
А впрочем, я товарищески рад:
Люблю Никиту, надо вам признаться...

5

Таких парней мы провожаем каждый год.
Таким уж, видно, и такое счастье —
Берут их только или в Красный флот,
Или в пехоту, в снайперские части.
За десять лет — бракованных один.
Стыда от вас не скрою, это я!
Военный доктор, странный гражданин,
Порок нашел сердечный у меня.
Я пробовал ошибку доказать:
Позвольте, мол, товарищ, я здоров,
Так он не стал со мною рассуждать, —
Не переспоришь наших докторов.

Обида на меня свалилась вдруг
Охотника забраковали.
Вот, позор!
Я помню, как на пункте политрук
Завёл со мною мудрый разговор:

— В тылу-де тоже люди нам нужны,
Работайте да сердце берегите...
Тогда я промолчал.
Но в грозный час войны,
Товарищ политрук, хотите, не хотите —
Явлюсь и без повестки.
Пусть в обоз,
Пусть кашеваром,
Но ближе к бою.
Я тоже ведь хочу, чтоб мой колхоз
И мой отец
Могли гордиться мною...

Семь лет прошло,
Всё чаще сердце бьёт.
Подростки на глазах моих мужают.
Друзей, идущих в армию, во флот,

Я каждый год с тоскою провожаю.
Я им завидую...
Хотя и у меня
Есть ворошиловский значок,
И по мишени
Дистанцию предельного огня
Беру я стоя, лёжа и с колен,
Но... всё не то —
Не то, о чём мечталось.

Судьбы своей никак не избежать.
Одна лишь мне забота и осталась —
Друзей в поход военный провожать...

6

Задумчивость нарушил председатель:
— Ты что же, — говорит он, — задремал?
Часы не ждут, дремать теперь некстати.
Покажем-ка, чем славится Байкал!..

Два знамени скрестили мы над сценой.
И правда —
Нашу славу видим мы.
Одно, широкое, малиновою пеной
Сверкнуло в золоте кистей и бахромы.

Почётная награда вам знакома?
Отмечен ею
Победивший труд;
От имени райисполкома
За первенство её передают.
Переходящим знаменем мы горды.
В колхозе нашем третий год
Гостит переходящая награда.
Руки твёрды:
Надеемся, и дальше не уйдёт.

...Из шёлковой рубахи кто-то сшил
Второе знамя, ветхое, с заплатой.
Неведомый таёжный старожил
Его украсил надписью крылатой:

«За Власть Советов».
Пулями насквозь
Полотнице пробито не однажды;
Оно когда-то бурей рвалось
Над головами верных и отважных
Байкальцев —
Легендарных партизан.
С ним деды шли к великому походу
Через снега, огонь и ураган
И принесли нам славу и свободу.
Два знамени скрестили мы любовно.
Для всех они сегодня на виду:
Могучая народная готовность
Идущих к обороне и к труду.

7

День проводов пришёлся в воскресенье.
В избе завклубом жарили, пекли.
Готовили свежину и соленье.
Хозяйки постарались, как могли.
Хозяйничали матери и сёстры,
Невесты молодых призывников.
Всё было незатейливо и просто,
В обычае байкальских рыбаков.

Призывникам, справляя на прощанье
«Отвальную» —
Общественный обед,
Проводим мы колхозное собрание,
Передаём последний наш привет.
Колхоз на это дело не скупится,
А сверх того и каждая семья
Зажитками готова поделиться:
Призывники — родные сыновья.
Ещё в канун к завклубу приносили
Икру, творог, дичину, осетров.
(Колхозники пятнадцати фамилий
В дороженьку готовили сынов).

Потом знакомцы, кровные, родные
Тащили в клуб налимов и гусей,
Окорока медвежьи и свиные,

Варенья и копченья всех мастей.
Пятнадцать самых сдобных караваев
Сготовили подружки рыбакам
С узорами от края и до края —
Из ягод —
«ВМФ» и «РККА»...

8

Пришлось нам с предколхоза постараться,
Мы взяли на себя ярмо забот.
К полудню гости будут собираться,
Обед затянется,
А в восемь — пароход,
И с ним уедет боевая смена.

Всё надо во-время закончить и начать.
Стол в шеренгу сдвинем,
Стулья ближе к стенам.
Льняные скатерти, как снежная парча,
Разостланы без складки, без морщины.
Сто приборов!
Разнокалиберной посуды целый взвод
Со всей деревни собирали на гостины;
Тарелки есть щербатые,
Да ничего, сойдёт...
У нас не в ресторане.

Будет сыто,
И гости не обидятся на нас,
Откушав из посуды побитой, —
Колхоз еще фарфора не запас.
Не будет также водки,
Будет брага —
Густая, как весенняя смола,
Пахучая сверкающая влага —
На солоде и с мёдом пополам.
Мы с предколхоза пробуем из жбана.
— Приятно! — председатель говорит,
Хлебнувши медовухи с полстакана.
— Умеет брагу бабушка варить.

— Наверно, и сама пожелует к обеду...

— А как же, обещалась быть.

Да вот,

Никак она?

Видали непоседу?

9

Торжественно прабабушка идёт.
На ней курмушка, стёганая ватой,
Лосевые сапожки и платок,
Пуховый полушалок небогатый.
В руках,
Как будто сказочный цветок, —
Охапка огневых кистей рябины.

Не отвечая нам, она идёт.
Глаза у ней, как тёмные глубины...
(Подумать только, сто четвёртый год
Устинье Ильинишне.)
Горделиво,
Справляя свой старушечий закон,
Она идёт к портрету Сталина
И отдаёт поклон
Степенно, истово и молчаливо,
Потом уже здороваются с нами.
Мы, так же молча, кланяемся ей.

10

А в это время, хлопая дверями,
В клуб входит целая волна гостей:
Призывники толпой явились, сразу,
Ударники осенних промыслов
И, вместе с партизаном Бедолазом,
Парторг колхозный Николай Багров.
Он помахал рукою гармонистам,
Ему в ответ кивнули головой,
И грянул марш «Советские танкисты» —
Стремительный, задорный, боевой.

Зал ожил.
Оклики, рукопожатья, разговоры,
Смех девушек, басистое гуденье стариков,
Гремучие баянов переборы,
Шуршанье платьев,
Вспышки шелковых платков...
У всех сегодня праздничное настроенье,
По-праздничному и одеты нынче все.

Отцы и матери, тая своё волнение,
Как будто и спокойные совсем,
Садятся за столы.

(Тут тоже не без планов) - -
Посредине,
Под самые знамёна,
Садят в ряд
Призывников, парторга, партизанов;
Напротив них —
Родителей, ударников бригад,
Всю знать колхозную,
А дальше, за столами,
Усаживают остальных гостей.
Немного тесновато меж рядами,
Да, впрочем, так, пожалуй, веселей.
И в тесноте, да не в обиде...
Предколхоза
Постукивает вилкой о стакан
И начинает речь...

11

Язык Сибири славился издревле,
От всех наречий был особняком.
Но говорит байкальская деревня
Советским, полнозвучным языком.

И я люблю колхозные собрания,
Где выступает с речью патриот,
Волнуя сердце яростью дерзанья
И призывая к подвигам народ.

Такую речь я слышал на Байкале,
Навеки мне запомнилась она.
Притихшие сидели люди в зале,
Сосредоточенность была и тишина.
Суровые, обветренные лица.
Осенний полдень —
В окнах зыбкий свет,
Знамена, как взлетающие птицы,
И между ними — сталинский портрет.

12

Обычаем завещанное слово
Взял Стёпа Буткин —
Лучший следопыт,
Краса и гордость наших звероловов.

Он по всему Байкалу знаменит.
Взволнованный наш Стёпа поднял руку
И обещал
От имени призывников
Осваивать военную науку,
В любом бою разить любых врагов...
Тут он потряс пудовым кулачищем,
Сконфузился
И вдруг пробормотал:
— Медведя иногда щадили,
А врага отыщем —
Не пощадим...
Бить будем наповал!

Мы дружно хлопнули в ладоши...
Партизаны,
Расправив бороды и сивые усы,
Приподняли янтарные стаканы,
И, словно гром, ударили басы:

Песня под боевым знаменем

Запевайте песню, командиры,
Боевое знамя ветер вьёт!
С ним прошли походом по Сибири,
С ним пойдём и завтра мы в поход!

Запевайте песню дружным кругом,
Армия советская верна!
Ветераны, встанем друг за другом,
Молодёжь подтянет в голос нам.

Пулями пробитое, родное,
Знамя наше к подвигам зовёт,
Знамя наше реет боевое...
С ним пойдём сегодня мы в поход.

1941—1942.

ПАДУНСКИЙ ПОРОГ НА АНГАРЕ

Всё глубже, глубже синева,
Вдали остались острова.
Разлив стремительной воды
Блится россыпью слюды.
Изломом волн гремит река,
Неизмеримо широка.
Табун взбесившихся коней —
Пять тысяч яростных камней,
Поднявши головы плывут,
Гранитным голосом режут
И, словно гривы над водой,
Вскипают пеною седой.

Не канонада землю рвёт —
Поток в ущелье грудью бьёт.
Раздвинув горные хребты,
Падун стремится с высоты,
Тяжёлый, ровный, мощный гул
Глухие дебри захлеснул...

Мои друзья, фронтовики,
Приятели и земляки —
Все те, кто там бывал хоть раз,
Я эту песню спел для вас.
Когда мы с вами выйдем в бой,
Припомним наш Падун родной.

Упорство камня в нас живёт,
Неукротимо сердце бьёт.
Могучей выдержкой сильны,
Мы, наподобие волны,
Всегда готовы наступать,
И нас врагу не задержать.

У нас характер Пядуна —
Так доказала всем война.
Сибиряки в любом бою
Стоят за родину свою,
А если дан приказ — «вперёд», —
Ничто назад не повернёт.

1943.

ЯБЛОНЯ «ЖЕЛТЫЙ ЧЕЛДОН»

Если ночью на пути — мины и пурга,
Если трудно в бой идти по сухим снегам,
Если друг устанет мой
И поникнет головой,
Догоняя первый взвод,
Друга позову: — Вперёд!
Запевай-ка, милый мой, со мной...

Чтобы не скучал отряд,
На полях войны
Вспомним яблоневый сад
Сибирской стороны:
Пену ласковых цветов,
Зелень тёплую листов,
Ствол упругий и прямой.
Вспомни, друг ты милый мой:
На сверкающий простор
К солнцу яблоня рвалась,
Бурям всем наперекор...
Вспомни, что она звалась
Так же, как зовут меня,
Так же, как тебя зовут.
(Песню, листьями звеня,
Ветви нам во след поют).
Помнишь твёрдых листьев звон?
— Сибиряк ты мой, челдон,
Шлёт Байкал тебе поклон!

* «Жёлтый челдон» — зимостойкий сорт яблони, выведенный иркутскими садоводами и получивший массовое распространение в Восточной Сибири.

Если в час глухой, ночной, бомбы землю рвуг,
Если в тучах надо мной «фоккеры» плывут,
Если затоскует друг,
Скажет: — Страшен жизни круг...
Отвечаю я: — Вперёд!
Солнца завтра нас найдёт,
Унывать сегодня недосуг.

Вспомни, вспомни яблоню,
Зорьку небосклона.
Вспомни, друг мой, яблоню —
«Жёлтого челдона».
Прибайкальские сады,
Озарённые плоты.
Блеск девической косы,
Запах мёда и росы.
На сверкающий простор
Эта яблоня рвалась
Вьюгам всем наперекор.
Вспомни, что она звалась
Так же, как зовут меня,
Так же, как тебя зовут.
(Песню, листьями звеня,
Ветви нам во след поют).
Помнишь тёплых листьев звон?
— Сибиряк ты мой, челдон,
Шлёт Байкал тебе поклон!

Если шум ночных атак заглушит меня,
Если рвётся чёрный враг, лязгает броня,
С этой песней первый взвод
Выдвигается вперёд.
В бой идут сибиряки,
Бронебойщики-стрелки,
Вместе с ними песенка идёт:

Далеко, за сотни вёрст,
Дом отцовский мой.
Но земли сибирской горсть
На груди со мной.
Пусть в родимой стороне
Вспомнят нынче обо мне.

Там колхозная семья,
Там и яблоня моя.
На подножьях древних гор
Наша поросль поднялась
Бурям всем наперекор.
Вспомни — яблоня звалась
Так же, как зовут меня,
Так же, как тебя зовут...
(Песню, листьями звеня,
Ветви нам во след поют).
Слышишь твёрдых листьев звон?
— Сибиряк ты мой, челдон!
Жёлтый, крепкий мой челдон,
Шлёт Байкал тебе поклон!

1943.

СИБИРЬ—ПАРТИЗАНСКАЯ РОДИНА

СОБИРАЛИСЬ ОТРЯДЫ

Поход начинали
Шесть человек.

Шесть человек,
Ветер да снег.

Ветер да снег.
За горой гора,

Под горой, вразбег —
Река Ангара.

Река Ангара
Несёт шугу.

Ледяная кора
Плывёт в тайгу.

Плывёт в тайгу,
Парусит ладья.

Паруса в снегу.
Торопись, ладья!

Осерчал мороз,
Стеклянеет вал;

За кормой торос
В три сажени встал.

Приставай в затон,
Не найдут следа...

Падуны вдогон
Наговор гудят:

— Чтоб тайга — вразлом!
— Чтоб враскол — гора!

— Принимай гостей,
— Река Ангара!..

Перешли Ангару
Шесть человек.

Шесть человек,
Ветер да снег.

Ветер да снег,
Не бойся погонь!

Первый ночлег.
Полыхнул огонь.

В тучах повис
Заревой глухарь;

Ночью на свист
Отзывалась гарь;

Ночью на свист
Верховой скакал,

Ветер гремел
Через весь Байкал.

Кланялись кедры.
Аукал сын.

Слушал медведь
Партизанский клич.

Камни под снегом
Хрустели: «Пора!»

Вспять собиралась
Река Ангара!..

ПАРТИЗАНЫ

I

Лиственный лес — пестрядина.
Стынет снегов бирюза.

Каждая падь — пропадина,
Тайный приют партизан.

Кличут кедровки с досады,
Сосны тревогой гудят.

В каждом ущелье засады,
В каждой ложбине отряд.

Медным охотничьим рогом
Ночь зазывает в налёт.

Флаг над медвежьей залогой
Раннее зарево льёт.

Грузные тучи с востока
Ветер несёт за моря.

Где-то далёко, далёко
Встала большая заря.

II

С запада — враг!
И с востока — враг!
Солнце на полночь.

Мороз. Мрак.
Снежные деревья
Сучьём стучат,
Дрёмные деревни
Горят в ночах.

Ходит по Сибири
Метель-пурга;
Кровью по Сибири
Цветут снега.
Вот она какая
Челдонья жизнь!
Если испугает,
Пластом ложись;

Если не боишься,
Бери ружьё;
Если не боишься,
Иди с ножом.
С холоду
Да с голоду
Шагай смелей...

Песни пели смолоду:
— Жизнь не жалей...

Жизнь не жалей
И цена ей — грош!
Жизнь пожалел —
Под ярмом умрёшь...

Деды — каторжане,
Отцы — варнаки;
Дети заряжают
Дробовики.
С хлебом и солью
Семьёй в тайгу,
По снегополью
В метель, в пургу.

Лёгок в лесах
Партизанский шаг.
С запада — враг
И с востока — враг.

III

По следам горностаев
Через горы ходили,
Бородой обрастали
Из серебряной пыли.

На снегу отдыхали,
Умывались в зарницах
Ледовитым дыханьем
Опалённые лица.

У костров, на привале,
Под кедровой грядой,
Сухари запивали
Родниковой водою.

Сквозь лесные яруги
В боевой канители,
Как летучие вьюги,
Лыжным бегом летели.

Пулемётчики были!..
С красным бантом папахи,
Щёки стёклышком брили,
Чтоб любили девахи.

Пулемёты на нартах,
След в сугробах струится.
Как ударят с азарта,
Только снег задымится.

В перестрелках шалели,
Бога крыли ядрёно.
Жизнь свою не жалели,
А жалели... патроны.

Молодые ребята
Поспевали во время:
По две бомбы на брата,
Пика вставлена в стремя.

С тылу белым заедут,
Распугают обозы
И умчатся без следу,
Как таёжные козы.

А в гористых ухабах,
На гремучих низовьях,
Партизанские штабы
Заседают в зимовьях.

И оттуда по миру
Песня грянула всюду:
— В партизанской Сибири
Наших дел не забудут!

КЕШКА БЕДОЛАЗ В ПАРТИЗАНЫ ИДЕТ

Горький дым самосада,
Брезжит лампочки жёлчь.
В крутобоких зарядах
Вбита волчья картечь.

На простенке — бердана,
Рыболовный багор
И, как сталь ятагана,
Голубеет топор.

На столе — опояска
Запылённых гранат...
Баба смотрит с опаской:
Вдруг они загремят?

Сухари уложила,
Калачей напекла,
Всю неделю тужила,
Слёз унять не могла.

Колчаковские волки
На деревню идут;
Кулаки, втихомолку,
Смертный список введут.

И по этому списку
Самый первый как раз —
Кешка, сын Феокистов,
Лесоруб Бедолаз.

— Не уедешь — пристрелят.
А уедешь — куда?..
Собирая постели,
Баба шепчет: «Беда».

Отрываться не сладко
От родного тепла,
Помыкаться укладкой
Без двора, без угла.

Полночь бьёт на задворках,
Час попутный, пора.
Кешка щурится зорко:
— Быть в тайге до утра!..

Баба в голос заныла,
Слёзы бабьи теплы.
Поглядела уныло
На пустые углы:

— Иннокентий, куда мы?
Лучше здесь помереть!..
Снег шипит под ногами,
Ночь темна на дворе.

Там в саях, по порядку,
Немудрёный запас,
Опоясал укладку
Ремешок-самовяз.

Ветер рявкнул сердито,
Но последним гвоздём
Двери плотно забиты:
— Будем живы — придём!..

Заскрипели полозья,
— Дом отцовский, прости...
Ночь темна и морозна,
Месяц в тучах грустит.

ДАРЬЯ ПАРТИЗАНКА

I

Покидала деревню,
Шла по снежным полям.
Образ бабушкин, древний,
Привязала к саням.

За санями корова,
На верёвке бычок...
Иннокентий суровый
Только молвил: — Ничо́,

— Обойдѣшься помалу,
Будешь нам помогать,
А не хочешь — пожалуй,
Поворачивай вспять.

Поглядела на мужа,
Да ему не понять.
— Там, в тайге-то, ведь стужа —
Пропадѣшь без меня...

II

На становье осела,
Будто так повелось.
Бабе скучно без дела,
Дела много нашлось.

По привычке хозяйской
Целый день у котлов,
И обед партизанский
Раньше срока готов.

На холстине буханки
Из пшеничной муки,
Соль в цветной берестянке
Принесли старики.

Муженёк непоседа —
Раньше не был таков, —
С ним приходят обедать
Сорок пять едоков.

Пулемётную роту
Накормить, напоить,
Потеряешь охоту
Горевать и грустить.

III

В перестрелках таёжных
Дарья с Кешкой рядком,
Смотрит глазом тревожным,
Бога молит тайком.

Ветер свищет ей в ухо.
Сердце словно замрёт.
Знать, любовь-то присуха
В бой за мужем ведёт.

Пулемётчик с разгона
Ленту страшную вьёт.
От пустого патрона
В дрожь бросало её.

От гранаты качалась —
Волны шли под ногой.

Было страшно сначала,
А потом — ничего...

IV

Нынче птица-зорянка
Весть в тайгу принесла,
Как жена-партизанка
Бедолаза спасла...

Дело вышло под вечер,
Бой кончался. Но вот,
Пулей злой покалечен,
Замолчал пулемёт.

Бедолазу навyleт
Прострелили плечо,
Кровь в снегу задымила
Алоцветным ключом.

Колчаковские кони
Надвигались в упор —
Их теперь не отгонит
Пулемётный затвор.

Фланги враз отступили
По опушке лесной.
В суматохе забыли
Бедолаза с женой...

Дарья дико завыла,
Обернулась назад,
Наудачу схватила
Связку добрых гранат,

Поднялась, замахнулась —
Только взрывы гремят.
Будто ветром смахнуло
Колчаковский отряд.

Солнце шапкой багряной
Опрокинулось вниз,
Сизый дым над поляной
Круглой тучей навис...

Тут опомнились наши.
Лыжный выскочил взвод.
И свинцовую кашу
Заварил пулемёт.

С той поры партизанка,
Дочь таёжных невзгод,
В огневых перебранках
В бой с гранатой идёт.

БОЙ НА БАЙКАЛЕ

I

Пушка ударила с берега — бах!
С моря в ответ
Заиграла труба,
Дрогнули в небе вечерние тени,
С дребезгом хрустнул торос голубой,
И в полынью покатались тюлени...

Взводы стрелков,
Набегая гурьбой,
Начали первый байкальский бой...

II

В дальних распадках проснулись медведи,
Белки-горюхи попрыгали в снег.
Через залив, по весенней «налёди»,
Северным ветром ударил набег.

В тыл колчаковской особой бригады
Лыжники сыпали лавой густой,
С флангов ломились лесные засады,
Грохот копыт покачнул ледостой.

Рявкнула сотня лихих запевал:
... Славное море, советский Байкал!..

III

Кешка Бедолаз, с пулемётами, у-ух-ты!
Двинул на санях из Песчаной бухты:
— Бей, голытьба, колчаковских молодчиков!..
Сбросили папахи на́земь пулемётчики,
Как заголосили,
Как закуролесили...
Огненной лавиной
Путь врагам завесили...

Кешка подгоняет:
 Поддай, ребята!..

Снег перетаял,
Дымится лёд,
Падает за горы
Полымя заката,
Солнечными пиками,
По тучам бьёт.

Тучи растекаются
 на юг,
 на запад.
Оттепель в лесу перестала капать.
Вот и пулемёты глохнут от одышки,
Падают стрелки, как под ветром шишки.

То ли надломилась
Ярость бедовая?
То ли задавила
Сила боевая?

Нет, не поддаются,
 бьются партизаны,
Отдыха не знают
 лютые берданы.
Вышел переёмом,
Черепом горы,
Николай Бесхлебных
С Верхней Ангары.

С ним четыре сотни
Бросила гроза
Закалённых в битвах,
Лучших партизан...

IV

Выходили лесорубы,
Распахнув медвежьи шубы,
Выходили зверобои,
Сея смерть перед собою...
Выходили рыбаки,
Зыбля тяжкие клинки.
И шахтёры Черембасса,
Перекликиваясь басом,
Через снежную курью
Били в лоб офицерию.

Шли в атаку хлебوروبы,
Молодые шли стеной,
Шли горячие от злобы,
Наст качая ледяной.
Шли под тёмною метелью,
Пеший в ногу шёл с конём —
Не сгибался под шрапнелью,
Не ложился под огнём.

В снеговые баррикады
Льётся алая вода.
Не дадим врагу пощады!
Не отступим никогда!

V

Песня: Провожали гостей партизаны,
Угощали гостей партизаны:

Подсыпали свинцовых пельменей,
Подносили калёных тайменей;

Пулемёты с низов Ангары
Наметали горячей икры.

Целый вечер гремели гостины.
Тёмной ночью стелили перины.

На снегах, когда звёзды проснулись,
Гости кровью своей захлебнулись.

Славен будет байкальский поход,
Девятьсот девятнадцатый год!

VI

Расколело Байкал пополам.
Тёплый ветер плывёт по щелям.
Как зелёная, злая руда
В полыньях закипает вода.

Бродит полночь за тёмной горой,
Тучи спят над рекой Ангарой.
По заламам размытого льда
Сладко дремлют тюленьи стада.

Ночь идёт тяжела, глубока,
Соболями скользят облака,
Дикой утки глухая свирель
В перелёте встречает апрель.

Непролазная чаша-тайга
Наклонила стволы к берегам;
Под разорванной пушкой глухарь
Начинает весеннюю ярь...

Равнодушна туманная твердь
Это — сон,
Это — ночь,
Это — смерть...

На далёком Гремячем мысу
Волки кровь под сугробом сосут,
И в горах, где растаял закат,
Чужеземные кости стучат.

ЗИМНИЙ ТРАКТ НА БАРГУЗИН

I

Белые совы кричат: «У-гу!»
Горы стоят до колен в снегу.
Кедры распялились — в три объёма.
Дикая падь напролом измята, —
Сотни следов по тропам бирючьим,
Сквозь бурелом, по кустам, по сучьям.
Так начинается тракт к Баргузину:
Через голец, за тайгу, в низину.

.

Вечер январский метелит хмуро,
Сумрак в полнеба — медвежьей шкурой.
Слушая ветра залиvistый вой,
Старые сосны трясут головой.

Рыжая рысь на высоком суку
Лижет горячую шерсть на боку;
Лижет и слушает ухом тревожным,
Как поднимается логом таёжным,
Как по ледяшкам подковой звенит
Дробная поступь тяжёлых копыт.

Ветер холодный гремит с перелога,
Через голец завалилась дорога,
Вправо пошла напроход, в Баргузин,
Влево свернула сугробом низин.
Там, на угорье, четырнадцать ёлок,
Ключ Безымянка и старый посёлок.

.

Топот подков подвигается ближе.
 Под гору ломится гулкая скачь.
 Рысь на суку опустилась пониже,
 Вздрогнул игольчатый стылый кедрач.

Тучи раздвинули сизую пену,
 Конный разведчик привстал в стременах;
 Перекатившись за горную стену,
 Выплыла синяя птица — луна.

Всадник в седле покачнулся, как пьяный
 Конь задрожал и рванул на дыбы:
 Вдоль по дороге стоят истуканы,
 Искрятся льдом голубые столбы...

Лунная синь бредовая такая,
 Ночь ворожит нехорошую быль,
 Белым туманом тайгу обтекает,
 Сеет колючую, мёрзлую пыль.

Путь с Безымянки на тракт — недалёкий,
 Сорок столбов ледяных на пути.
 Встали они по дороге к востоку,
 Будто готовятся дальше ити...

Дымное облако льётся в тревоге.
 Перекреститься бы, да не с руки.
 Вместо столбов на таёжной дороге
 Спят... замороженные мужики.

Спят бородатые пасынки мира,
 Нахолодались, намучились всласть.
 Ставит такие столбы по Сибири
 Христолюбивая белая власть.

Видел ли кто, как сгоняли их стадом?
 Как обливали байкальской водой?
 Как отвечали: «Пощады не надо»...
 Как беднота повстречалась с бедой?

В ночь, когда бились пустые берданы,
В плен захватили стрелков лесовых;
Толстый японец спросил: «Партизаны?»..
И приказал заморозить живых.

Путь с Безымянки на тракт — недалёкий.
Сорок столбов ледяных на пути.
Встали они по дороге к востоку,
Будто готовятся дальше идти...

СУХАРНАЯ ПАДЬ

Есть такие места на Байкале,
Век ищи — не найдёшь с фонарём.
Дикий камень над морем оскален,
Гнётся берег гранитным ребром.

Узловатые корни кривые
Будто змеи ползут на уступ.
Не проедут сюда верховые,
Пешеход обойдёт за версту.

Изюбринные зыбкие тропки
В непролазном сухом кедраче,
Возле самого дула винтовки
Осыпается крик косачей.

А в ущелье пушистая пена,
Голубые стволы тополей,
Хрупкий снег глубиной по колена
И следы молодых соболей...

Есть одна гулевая дорога,
Да немногим известна она —
По ручью на Бобровую прогаль
Тайный брод в ледяных валунах.

Перекаты дымятся с мороза,
От ключей тепловата вода,
Здесь плакучая никнет берёза
И в снегу притаился бадан.

Если выйдешь тропой за болота,
Под шатровой лесиной — курья,

А за ней, в частоколе, ворота
И весёлый дымок зимовья.

Лет за двадцать, а может и дале,
Неизвестно до точности — как,
Убежав в кандалах из централа,
С голодухи здесь умер варнак.

Говорят, что последний сухарик
Сберегал сирота до конца,
И остался сухарь, как подарок,
Для того, кто зарыл мертвеца.

Схоронили его в моховинах,
Даже места теперь не признать.
С той поры объявилась долина
По прозванию Сухарная падь...

Зимовьё разметалось просторно,
Для артельного дела как раз;
Доморощенный мастер топорный
Строил крепко, без всяких прикрас.

Острозубая сталь отсверкала,
Улеглась сосняковая гладь, —
Партизанскому штабу с Байкала
Пригодилась Сухарная падь.

СТАНОВЬЯ БОЛЬШОЙ АНГАРЫ

С четырёх ветров
На огни костров,
С четырёх сторон
На таёжный звон
Покатилась весть в гололедицах:
— Поднялась Сибирь, как медведица...

Пешие шли по глухим местам,
Шли по ночам да аукали.
Утром на роздых присев в кустах,
Бабы ребят забаюкивали.

Парни «обрезы» несли под полой,
Крыли «винты» полушубками,
Старые шли с батожем да с сумой,
Девки вертелись голубками.

Сани скрипели. За возом — воз.
Рухлядь: посуда, съестная сыть.
С каждой деревни идёт обоз:
Где бы ни жить,
Лишь бы живу быть!

Живу быть —
На селе не жить,
Остаёшься жить —
Будешь слёзы лить;

Утирай слезу,
Запрягай коней,
На своём возу
Усади детей.

Захвати топор,
Подтяни ремень,
Вынимай запор,
Развали плетень.

Выгоняй коров,
Выводи телят...
Ото всех дворов —
Все ворота в ряд.

И пошла орда,
Только снег пылит,
Кочевать туда,
Куда мир велит.

Раздавайся вширь,
Мать-земля — Сибирь:
К партизанам жить
Партизаном быть!

...Скачут обозы со всех дорог.
Пешие прут, и откуда их?
Речка за речкой,
Гора в разлог;
Ветер-шалонник
И тот затих.

Кони храпят, удила грызут.
Днище долины — рукой подать:
Пламя костров, как маяк, внизу —
Стан партизанский —
Сухарная падь.

Стан, будто табор. Подвод семьсот!
Лошади собраны всех мастей.
Ульем гудит боевой народ.
Съехались сразу с восьми волостей.

Издали будто бы голый лес:
Каждые сани — оглобли вверх...
Дым смоляной долетел до небес.
Песни и пляски, слёзы и смех.

С дальней дороги готовят еду,
Двадцать котлов, кашеваров сто.
Целых баранов в котлы кладут.
— Сала — не мало? Навар густой...
Здесь и закон и обычай прост:
Всё отдавай,
Ничего не жалея.
Каждый — хозяин, и каждый — гость,
Кушай да пей,
Да гляди веселей!

Чтобы в боях никогда не робеть,
В дальний собравшись путь,
Выучись сердцем своим владеть,
Старую жизнь — забудь!

1929—1934.

ГИБЕЛЬ ДЕРЕВНИ

I

За деревней
Лагерь на поляне.
Закрывает лавочку лабазник.
С хлебом-солью вышли поселяне,
Поп оделся в ризу, — будто праздник.

Господин хорунжий дёрнул стремя,
Перекинул шашку на колени.
Кулаки — догадливое племя —
Полегли на землю, как тюлени.

Поп с крестом отвесил три поклона:
— Заждались мы, ваше благородье...
А на блюде соболь да икона,
Золотое, пышное угодьё.

Сам кабатчик в синей разлетайке
Хлеб и соль подносит, не робеет:
— Выдаём советских без утайки,
Партизан покажем, лиходеев...

Трубачи дудят перепелами,
Верховые двинулись, как тучи;
Пономарь трясёт колоколами,
Медный гул тревожный да тягучий.

Поскакали к избам квартирьеры,
На папахах золото кистями...
— За Сибирь,
— За родину,
— За веру!

— Веселись хозяева с гостями!
... Наливай вина и медовухи,
Приготовь постели пуховые!..

Заскулили девки и старухи:
Гостеньки — разбойники лихие,
Налетели в избы, как вороны.
Слово им не вздумай поперечить,
подавай печёным и варёным,
А не то — нагайкой изувечат.

Дыбом встали избы в Безымянке,
Пьяный зык рокочет с перепоя.

А у самой церкви, на полянке,
Столбовую виселицу строят,
Будут вешать — прочим для примеру:
За Сибирь,
За родину,
За веру.

II

Ч а с т у ш к и:

Распахнулись ворота,
На окошках тает лёд,
Колчаковская пехота
Реквизицию ведёт.

Подтяни затвор потуже,
Штык наточенный — не тронь.
Выворачивай наружу
Деревенское нутро.

Хлеб увозят из амбаров
До последнего зерна:
Говорят, берут не даром —
Рассчитаются сполна.

Вьючат сено фуражиры,
Денщики несут поживы:
Кур, гусей и поросят
Забирают, не спрося.

Гости долго пировали,
Сладко спали,
Сыто жрали.
Хороша в Сибири жизнь,
Крепче за душу держись!

Объедались пирогами,
Угощались омулями,
Осетровою икрой,
Водку пили, ой-ой-ой!

Покорители Сибири,
Колчаковцы-командиры,
Все мордастые подряд,
По-собачьи говорят.

Пулемёты на подводу,
Мужики, не подходи!
Трубачи гремят к походу,
Трёхдюймовка впереди.

Баргузин позёмкой лепит,
Поднимает снежный плат;
Избы тёмные, как склепы,
Мертвецы в сугробах спят.

Хороша в Сибири жизнь —
Крепче за душу держись!

III

Каковы кедровые орехи?
- Ничего не скажешь, хороши!
Захватил в карманы для потехи,
От безделья плюй да шелуши...

Молодые, пьяные солдаты
Развалились в сёдлах.
Скукота...
Старый унтер чёртом бородатым,
Обшлага шинели закатал,
Притащил смолёную лучину,
В трёх бутылках жёлтый керосин:

— Принимай, ребята, для почину,
К партизанским избам подноси...

Солдатыё отплюнуло орехи,
Кони рвут тугие поводá,
В кондовые избы и застрехи
Полыхнула алая вода.

Будто гром ударил Безымянку,
Будто с моря грянула гроза;
Шибанули бомбами в землянку.
Запалили избы партизан.

Брёвна корчит огненная замять,
Головёшки в пене смолевой,
Пепелища чёрные — на память —
Обдувает ветер гулевой.

Вот взметнулись дымные стропила —
Старый дом Бесхлебных на дыбы.
Поднялась изба и раскатилась,
Только печи встали, как столбы.

Только ветер всхлипывает глухо —
Не вернёшь былого всё равно;
Пропадай, челдонская житуха,
Год труда за каждое бревно.

Вдоль по тракту движутся солдаты,
Переходят кони косогор,
Старый унтер — чёртом бородатым,
В бороде — сибирский разговор:

— Каковы кедровые орехи?
— Ничего не скажешь, хороши!
Захватил калёных для потехи,
От безделья плюй да шелуши...

ПАМЯТНИК ХАМАР-ДАБАНСКОМУ ОТРЯДУ

На перевале он стоит ---
Хамар-Дабан.
Ему подножьем
По ущельям пал туман.
Над ним сверкает солнечный поток,
И самолёт идёт «Москва—Владивосток»...
Встречая ветер, переплывший океан,
На перевале он стоит ---
Хамар-Дабан.

Гранитный столб с пятиконечною звездой,
Гранитный столб стоит над каменной грядой.
Заря заката тёмный камень обагрила.
Под этим камнем —
Братская могила...

Из тёмной пропасти,
От шепчущей тайги,
Навстречу холоду —
Предвестнику пурги,
Крутой спиралью автострада поднялась,
Гудроном вымостила северную грязь
И, развернувшись широко у перевала,
Дороги старые бесследно растоптала.

Грузовики бегут на север день и ночь.
Обрывки туч прожектор гонит прочь,
Гудки в ущельях
Рассыпаются до дна;
Дорога горная далёкая видна.
Свободный ветер с океана бьётся всочь.
Грузовики бегут на север день и ночь...

На перевале,
У гранитного столба,
Где славный памятник поставила борьба,
И летом ясным,
И в бушующий мороз
Автомашины обрывают бег колёс:
Здесь проверяются моторы и сердца;
За перевалом —
Путь-дорога без конца...

Пока гудки не протрубят, не позовут,
К столбу гранитному проезжие идут.
Гранитный столб с пятиконечной звездой
Высоко в небо взмыл над каменной грядой.
Заря заката тёмный камень обагрила,
Под этим камнем --
Братская могила...

Здесь клятву дай
И верным быть учишь!
Седому камню, кто б ты ни был, поклонись!
Любовь, и ненависть, и мужество зови...
Запомни, что стоишь ты на крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учишь...

.

Их оцепили здесь в ночной буряи,
На перевале гор Хамар-Дабан,
И командир сказал, сжимая кулаки:
— Патронов нет,
Остались лишь штыки...

Ущелья горные
Запутались в тени,
Когда костёр в последний раз зажгли они.
И песни пели — напоследок так и быть;
Им оставалось до рассвета только жить.

Когда восход багряный крылья распростёр,
На перевал пришёл парламентёр,

Учтивый, выбритый японский капитан
На перевал пришёл к горе
Хамар-Дабан.

На предложенье — выдать всех большевиков—
Увидел он сто пятьдесят штыков,
И к изумлению
Услышал он в ответ,
Что беспартийных партизанов нет.

.

Два дня, две ночи длился смертный бой.
Буран гудел в ущелье огневой.
Приклады грохали
И лязгали клинки,
Но пулемётов не осилили штыки...

- Сто пятьдесят!
Сто пятьдесят!
Их положили в ряд...
И вместе с ними шли в могилу их штыки.
Сто пятьдесят!..
Был славный их отряд:
Все непартийные —
И все большевики.

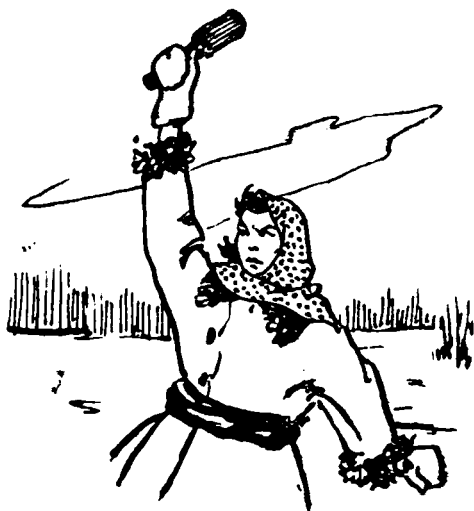
.

Могила братская у них у всех одна,
Но помним нынче все их имена.
В бою погибший
Будет вечно жив,
За счастье родины
Святую кровь пролив...

Великий памятник — гора Хамар-Дабан,
Ему подножьем по ущельям пал туман.
Над ним сверкает солнечный поток,
И самолёт идёт «Москва—Владивосток».
И в небо врезался
Над каменной грядой
Гранитный столб
С пятиконечною звездой...

Здесь клятву дай и мужеству учись!
Седому камню, кто б ты ни был, поклонись!
Любовь и ненависть на память позови,
Чтобы огонь горел в твоей крови.
И если хочешь ты прожить большую жизнь,
Здесь клятву дай
И верным быть учись!

1932—1937. Баргузин — Иркутск.

СИБИРЬ—ЦАРЁВА ВОТЧИНА

(Из старой песни)

БАЙКАЛ

1

...Славное море — священный Байкал,
Славный корабль — омулёвая бочка.
Эй, баргузиң, пошевеливай вал,
Плыть молодцу недалёчка...

С этим напевом,
Покинув тюрьму,
Беглый варнак
Забивался в тайгу.
Ночи аукались
В дрёмную тьму,
Соболь подстреленный
Стыл на снегу.

Бьёт Ангара
На разлив Енисея,
Вспугнутый ворон
Упал между скал.
Строем этапов
Проходит Рассея
Путь столбовой:
Прямиком на Байкал.

Скрипы телег. Бубенцы. Конвоиры.
— Эй, приготовь поселенцам квартиры!

Спины сутулые греют прикладом:
Встреча в Сибири готова — что надо.

-- Здравствуй, мятежник
Бездонный Байкал!..
Слесарь путиловский цепь расковал,
Шапкой слезу одинокую вытер:
— Что ж, до свиданья, расстрелянный Питер.

Кличет империя: «Слово и Дело!»
Песня набатом в тайге загудела:

Славное море —
Священный Байкал.
Вшивый барак —
Александров централ..

2

Море уносит ловецкую лодку,
Ветер грызёт паруса.
Эй, поселенец, веди мореходку,
Сеть приготовься бросать.

Тёмные бездны взрывая горами,
Камень водой напоив,
Море гремит водяными буграми,
Полчищем взмыленных грив.

Ветхий корабль — омулёвая лодка,
Вёсла с кормы унесло;
Завтра по мужу заплачет молодка,
Тяжко его ремесло.

3

...Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В делях не тронул прожорливый зверь...

Вышел беглец из тайги у Байкала,
С песней срубил лиственничный шалаш,
Волчьих щенят приручил за собак,
Лодку смастачил, подвесил ягдташ;
Был каторжанин, а нынче рыбак.

Как выходили ловить на заставах?
Как обмерзали в ночных ледоставах?
Чёртову богу отсыпав поклон,
Так отвечал одичалый челдон:

— В Нерчинске плохо,
Не сладко и здесь.
Пили мы с горя,
Что нечего есть...

НОЧЬ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

— Ночь-то какая, господи боже!
Братцы, товарищи, да вы здесь за что же?

— Мы, папаша,
За бедность нашу!
Носим парашу,
Хрупаем кашу,
Цепи волочим
И день и ночь.
Ложись на нары,
Башку не морочь...

Камера-погреб — чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках,
Семьдесят пар кандалов играют.
— А ну, не робей, ложись с краю...

Бритые затылки,
Лампы-коптилки,
Серые бушлаты
Насквозь дыроваты.
Вши осыпаются на пол горохом.
— Живём, товарищ, не шибко плохо!
Катится жизнь
Под крутую горку,
Утром по морде,
На вечер порку!
Слушай начальство,
Гляди в глаза!
Захочешь поплакать
И то нельзя!..

— Я, например, Иван Бывалый.
Смолоду цепи меня обували,
В жилах осталась хмельная полынь:
Душу забили мою в кандалы.

Что ж, бесталанным пошёл по свету,
Значит, лучшей доли нету.
В каторге много хороших людей,
Ложись, дядя, не очень робей...

Камера-погреб — чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках,
Семьдесят душ не бредят, не спят...
— А как тебя кличут?
— Бесхлебнов, Кондрат...

— Фамилья голодная, дядя Кондрат;
Поди семейный?..
— Трое ребят...
— Ишь ты, сирот, значит, стало боле...
А что же ты, дядя, сделал на воле?

— С голоду, братец, ударил гром:
Пустили в делёжку барский загром,
Два дня поели, а в третий свет...
— Сколько же дали?..
— Пятнадцать лет!..

Камера-погреб — чёртова клетка,
Тёмные окна в железных сетках.
Ветер студёный гремит от Усолья,
Здесь даже камни бредят спросонья.

Лампы-коптилки,
Бритые затылки.

Был человек — да пропал.
Будто неживые
Ходят часовые.

Спит Александров централ.

Он мертвеца узнал-
узнал,
Сухарь из мёртвых пальцев взял.
— Верну, товарищ, ляг и спи,
— Тебе теперь не по пути...

Мелькает день, мелькает пять,
Варнак приходит долг отдать.
Могила вырыта ножом.
Мертвец уложен, обряжён:
Мешочек новых сухарей
На грудь положен меж ветвей...

— Прости, товарищ бедный мой,
Ты жил голодный и больной,
Быть может, мёртвый будешь сыт,
Моей рукой в тайге зарыт...

Качнул башкой и зашагал,
Кедровок в чаще распугал,
Пошёл встречать свою зарю —
На каждый день — по сухарю...

ИДУТ ВАРНАКИ ПО СИБИРИ

1

Под кедровым навесом
Полыхнул костерок;
Ночь висела над лесом,
Тучи шли на восток.

За горой бурелома,
За болотом низин
Ветер плыл незнакомый
По реке Баргузин.

В потаённом разлоге,
Возле самой реки,
Будто звери в берлоге,
Чутко спят варнаки.

Закололи конвойных
И ушли в кандалах;
Сорок дней беспокойных
Промотались в горах.

Шли в чащобах на север,
Сторонились жилья,
Отдыхали в сугреве,
В лиственничных пальях.

Смыли сонную одурь,
Распрямили горбы,
Пили ржавую воду,
Собирали грибы.

Брали мох да бруснику,
Птиц ловили силком;
На сосновую пику
Взят медведь целиком...

Третий месяц в исходе,
Осень ждёт впереди,
На таёжной свободе
Веселее в груди.

За тайгою зарницы
Высоки, далеки...
Как пролётные птицы,
Чутко спят варнаки.

2

Ветер-шалонник
Ломит кедровник,
Ветер-култук
Холодит вокруг.

Белые перья вьёт над водой.
Утром валежник совсем седой,
Мокрый кедрач на ветру измят.
По всем приметам — идёт зима...

Тёмная бухта. Залив Безымянный.
Сиверко гонит сентябрь окаянный.
— Что-то в Рассею меня не тянет,
Дядя Иван, давай пристанем.

— Ладное место, рыбы богато,
Лес подходящий — как раз для хаты...
— Хату не хату, землянку треба.
— Только скучаю, Иван, без хлеба...

— Хлеб добудем, терпи, милок,
Пошарим, поблудим, дай срок...

Море — гремяче. Берег — плот.
Вширь и вразвалку шалаш растёт.
Крыша — кора, под ногой — песок,
Окна прорезаны наискосок.

Ветер-култук
Холодит вокруг,
Снег выпадает
Охапкой вдруг.
— Хата не хата — медвежий закут,
Да, впрочем, и хуже люди живут...

РОЖДЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Одиноким не место в мире:
Лёгкий ветер былинку гнёт.
Испокон веков по Сибири
Человек к человеку льнёт.

Беднота к бедноте прислонится,
Разве скажешь, земля тесна?
Ведь недаром пошла пословица:
«На миру и смерть красна»...

К шалашу Безымянной речки
Через год примостилась изба,
Задымила булыжной печкой,
Заманила бродяжьих баб.

У Бесхлебнова, в третье лето,
Из Рязани пришла жена;
Притащила ребят раздетых,
Самовар и два чугуна.

Побродяжка Иван Бывалый
(Знать недаром большой говорун)
Съездил как-то в Ангарск, к перевалу,
И привёл староверку-вдову.

Голытьба оседала бойко,
За собой нищету вела.
Поднялась избяная стройка —
Кондовые стволы к стволам.

От реки Безымянки посёлок
Безымянкой по кличке пошёл;
Девять изб да четырнадцать ёлок,
Да кругом сетевой частоксл.

Неизвестно с какого года,
По законам или без них,
Объявили «подушную подать»,
Описали «в наличьи живых...»

Это было, кажется, в прздник,
Переписчик домой спешил.
Двадцать душ насчитал урядник,
Получив по рублю с души.

Был он, впрочем, служака старый,
В пьяном виде — любитель забав:
Заглянул к рыбакам в амбары
И Бесхлебнову дал по зубам.

Приказал ему зваться — Б е с х л е б н ы х,
Омулей — для начальства ловить...
Тут добавил он слов непотребных
И на тройке изволил отбыть.

С той поры и пошло на годы
Гореванье — житьё-бытьё:
Сетеставы,
Туман,
Погоды
Да у баб суровьё-шитьё.

СИБИРСКИЕ ГОСТИ

Сибирь — широка,
Торные дороги,
Ледяные облака,
Кресты да остроги.

Над крестами вороньё
Сторожит погосты.
Спят одетые в рваньё
Сибирские гости.

Голытьба и несчастливцы,
Бунтари и воры,
Невесёлые убийцы,
Люди — крохоборы.

Под петлёй и под кнутом
Счастья не досталось,
Жили каторжным скотом,
Хоронили ярость...

Беглецы летят на стан,
Будто птицы в гнёзда;
Не последняя верста,
Умирать не поздно.

По трущобам друг и недруг,
Сторонись, прохожий:
Душегуб под каждым кедром
Кистенём долбёжит...

Сибирь — широка,
Торные дороги.
Ледяные облака,
Города-остроги.

АННА БЕСХЛЕБНЫХ

Молодая была — хохотушкой,
Чернобровая девка была.
За душой ни гроша, ни полушки,
А улыбка всегда весела.

Тяжело сиротливое детство,
Не богатый батрацкий талан;
От родных получила в наследство
Захудалый один сарафан.

Как найдёшь ты счастливую долю?
Непогожие вышли года,
Запряглась в кабалу да в неволю —
Пропадёшь на земле без следа.

Вышла замуж, а легче не стало,
Всё равно ни двора, ни кола.
Только песни играть перестала
Да голодных ребят завела.

Муж попался хороший, но бедный,
По фамильи гораздо чудной,
В самом деле: Бесхлебнов — б е с х л е б н ы й,
Подходящая пара с женой...

Терпелива бедняцкая сила,
Только клином сошёлся весь свет.
Как в Сибирь муженька проводила
Утопиться хотела, да нет,

Помешали соседские бабы...
И, проплакав всю душу свою,
Потащила в лесные ухабы,
Неудачу, суму и семью.

Из Рязани пришла к Енисею,
Подаяньем кормила ребят,
Проклинала родную Рассею,
Не взглянула ни разу назад.

Суматошной, завьюженной стужей
В лапотках по сугробам плелась,
Отыскала пропащего мужа
И взялась за рыбацкую снасть.

Поседели смолёные косы,
Ледешками застыли глаза,
Будто петлю в душе своей носит
И не может никак развязать.

Тёмной ночью поплачет в подушку,
На которой невестой спала...
А когда-то была хохотушкой,
Чернобровая девка была.

ПЕРВЕЙШИЙ ЧЕЛДОН В БЕЗЫМЯНКЕ

Кто такой Пантелеймон Безродный?
Что за гость посетил рыбаков?
Он приехал на тройке залётных,
Ямщика подгонял кулаком.

Хриплым басом увесисто гукал,
Водку пил, не пьянея, в жару.
Сельский староста жал ему руку,
Поп за здравье поднёс просфору...

Не успели покончить с засолом,
Как поставил он зимний барак,
Объявился для всех новосёлом
И открыл в Безымянке кабак.

Рыбу стал покупать по заявке,
Две коптильни открыл на мысу;
А по осени, в новенькой лавке,
Принимал соболей и лису.

Всю округу опутал долгами
Новоявленный, ражий сосед.
Сыпал справа налево деньгами,
Не жалел тароватых бесед.

Сапоги лакированы, с плисом,
Бородёнка — мочёной метлой,
Сам корявый, мордастый да лысый,
А кулак — чугуном налитой.

Разгадай-ка, народ худародный,
Приглядись-ка к нему посмелей:
Кто такой Пантелеймон Безродный,
Самый первый челдон на селе?

Говорят, он бежал с Сахалина,
Золотишко в Олёкме искал,
Ямщиком гулевал на путинах
И недаром зашёл на Байкал.

Говорят, кочевал по Витиму,
Спиртоносом прошёл по Оби,
В снеговую калёную зиму
Двух старателей в ночь зарубил...

К самородочкам кровь не пристала,
А за деньги — любовь и почёт:
Сам урядник забудет уставы,
Лишь бы только наличный расчёт.

Вишь каков он, купчина дородный.
Поневоле отвесишь поклон —
Пантелеймон Петрович Безродный
В Безымянке первейший челдон.

РЫБАЧЬЯ ПЕСНЯ

Баргузин вздувает пену,
Тучи падают с полночи,
Непогоду-перемену
Белокрылка напроочит.
Сиговьё ложится грузом,
Омульём забиты лодки,
Сеть болтается обузой,
Разметало мореходки.

Волны вёсла вырывают,
Бьют в борта холодным громом.
Ходит зыбь понизовая —
Почернел бездонный омут.
Изломались руки, плечи;
Кормщик выпустил рулило,
Берег вздыбился далече,
Землю дымом застелило.

С четырёх сторон морянка
Захватила, закачала:
Штормовая лихоманка
Загуляла вдоль Байкала.
Поддержись, рыбачья сила!
Маяки кричат в затоне:
«Мать-земля тебя носила,
Мать-вода тебя не тронет».

СЛАВНЫЙ КОРАБЛЬ — ОМУЛЕВАЯ БОЧКА

1

В чёрном сарае иркутской бондарни
Делали бочку ядрёные парни;
Клёпка в ободьях зашита на ять,
Днище запарено — не оторвать.

Обод ползёт — деревянная строчка,
Вот какова омулёвая бочка...
Ходит она по следам неводов,
Вес — при улове — шестнадцать пудов.

В морюшке холодно; ветер и гром...
Рыба на днище ложится гуртом;
На берег выкатят рыбные грузы —
Глядь, уже омуль в купеческом пузе.

Купчик-закупщик
Зажал в переплёт,
Ходит рыбак — да затылок дерёт,
Рваный кисет ворошит на боку;
Босый, раздетый,
В долгу, как в шелку.

Сколько ни выловишь — нету недостатков.
Знать и на воле живётся не сладко,
Только и чести: с каких-то времён
Был — каторжанин, а нынче — челдон.

Скупщики-прасолы
Жмут без отсрочки,
Тащат купцы

Омулёвые бочки,
Каждая весом в шестнадцать пудов,
Потом и кровью добытый улов.

2

Утром осенним прибой шевелил,
Бочку пустую качал на мели.

Клёпка в ободьях зашита на ять,
Днище замокло — не оторвать.

Вот ведь какая ловитва досталась:
Лодка разбита, а бочка осталась...

В мокрые доски вцепившись руками,
Старый рыбак выплывает на камень.

Сивая пена стекает с усов,
В море мотало двенадцать часов.

Пальцы — костяшки,
Колени разбиты,

Скулы торчат,
Как булыжные плиты,

На бороде ледешков оторочка...
«Славный корабль — омулёвая бочка...»

Волны, собравшись в последний рывок,
Бросили груз свой на белый песок;

Чайка спустилась, понюхала тело,
Крикнула ветру и вновь улетела.

Солнце на сопку уселось и ждёт:
Если не умер — ещё поживёт...

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ ИРКУТСКОЙ

1

Кличёт кукушка: «Куда, куда?»
Горы да тучи, кругом вода.

Кедры распялились -- в три обхвата,
Дикая падь колесом измята;

Пересекая нору барсучью —
Две колени по камням, по сучьям...

Так начинается тракт к Баргузину:
Через голец, за тайгу, в низину.

2

В летнее утро какого-то года
Солнце глядело с зелёного свода;
Вышел медведь, поглядел на дорогу,
Ухом повёл, оттопырил ногу.
Чу! Бубенцы голосят в полверстах.
Зверь повернулся, залёг в кустах.

Белка-летяга швырнула ветку,
Перескочила к своей соседке.
Чу! Под горой тарахтит телега,
Сивые кони сопят с разбега;
Скачет проезжий,
Как видно, в гости:
Рванный пиджак натянул на кости,
Кепка засаленного фасона...

Не велика бы, кажись, персона,
А в провожатых —

Урядник сам
Гостя везёт по кедровым лесам...
Горы расходятся тёмною щелью.
Не на побывку,
Не к новоселью
Бьёт бубенец под дугой в развилку —
Слесарь путиловский едет в ссылку
Через тюремные двери бунтарь
Вышел этапом в таёжную хмарь:
Мимо гремучих, задебренных скал
Путь столбовой — напрямиком на Байкал.

Сытые коники с горки на горку
Гонят колёсную скороговорку,
Вот уж бубенчик чуть-чуть лопочет.

Белка-летяга опять хлопочет,
Вышел медведь, поглядел на дорогу
Ухом повёл, оттопырил ногу,
Рыжим зрачком поглядел на закат
И вперевалку побрёл назад.

3

Расписался староста в приёме,
Головой сердито покачал:
— Не сиделось что ли тебе дома?
Пропадёшь здесь, парень, невзначай...

Тут тебе не Питер, не столица.
От централа бог тебя упас,
Берегись, чтоб здесь не осрамиться —
Убежишь, так шкуру снимут с нас...

Чтобы, значит, паря, без опаски,
Раз начальство пишет — поселись...
Ночевать ступай на сетевязки
Да поутру снова заявись.

Над заливом падали зарницы,
Грохотал прибой издалека,
Поселился ссыльный из столицы
В захудалой хате варнака.

ДЕРЕВНЯ КУДА

Избы серые с заплотами
О былом не говорят.
Над шатровыми воротами
Невесёлая заря.

Кто там прячется за ставнею,
Жжёт до полночи огни?
Спой мне песенку недавнюю,
Шире душу распахни.

Чтоб в тумане показалось мне, —
Будто снова молодой, —
Я иду дорогой жалостной,
Подгоняемый судьбой.

Будто страшные, железные
Кандалы мои гремят,
Будто слёзы бесполезные
Сердце давят и томят.

Штык конвойного качается.
В поле пусто и темно.
Но сибирская красавица
Смотрит следом мне в окно.

На дорогу многовёрстную, —
Может быть, на жизнь мою, —
Подала мне шаньгу чёрствую,
Словно душеньку свою.

Не с того ли загрустилось мне,
Почитай на двадцать лет,
Что случайной этой милостью
Был когда-то я согрет.

И деревня притрактовая
Не забылась никогда:
Как вопрос, звучит суровая
Кличка странная — «Куда»?

А куда и не ответится,
Сам не знаю я — куда?..
Долго ночью в небе светится
Недоступная звезда.

СЕЛО ОЁК

Пригорки да поля.
Морозная земля.
Тяжёлые снега...
А вдалеке тайга,
Обманчивая синь —
Преддверие пустынь.
И где-то глубоко
Мерцает маяком
Забывтый огонёк —
Село
Оёк.

Заиндевел мундир,
Шагает конвоир.
Он гнать меня устал.
И просто приказал:
— Шагай скорей.
Гляди смелей.
В Оёке будет веселей.
А ну,
Давай,
Не отставай!..

Но вот и огонёк
Дорогу пересёк.
Высокие ряды
Сибирской городьбы.
И между ними избы в ряд,
Закрывшись ставнями, стоят.
Как тихо здесь...
А всё-таки живые люди есть:

Идёт
Старик
И крестит штык.
Смутился, что жи, мой солдат,
Покорно опустил приклад.
И нынче помню, как во сне:
Старик
Идёт
Ко мне.

— Седая борода,
Что ты мне можешь дать?
Измучен я душой,
Якутским трактом шёл.
Один, как огонёк,
В селе Оёк...

Перекрестивши штык,
Поклон мне бьёт старик:
— Прими, варнак!
И подаёт
Пятак.

Пусть будет так!
Отныне прозвище «варнак»
Пойдёт
Со мной,
Не оскорбит меня конвой,
Когда в лесу,
Замедлив шаг,
Услышу крик:
-- А ну,
Варнак,
Быстрее шагай,
Не отставай.
Гляди смелей:
В Оёке будет веселей!

КАЧУГ

Отчего так чайки плачут,
Что тревожит их покой?
Ни село, ни город, —
Качуг
Спит над северной рекой.

Волны маревом дымятся.
Розовеют облака.
Белой ночью сны не снятся
И тоска недалеко.

Затоскуешь поневоле
У этапного крыльца,
Услышав в осеннем поле
Медный рокот бубенца.

Ямщики на Лене бойки,
Не жалеют о чужих,
Подвезут ночные тройки
Стариков и молодых.

А наутро из острога,
В час, когда роса свежа,
Только к пристани дорога
Поселенцев-каторжан.

В карбасах, на север дальний
Путь за тыщи вёрст глухой,
Вместе с песнею прощальной,
Вместе с юностью лихой...

Потому, знать, чайки плачут
Над сибирскою рекой,
Что в тебе, посёлок Качуг,
Я оставил свой покой.

УСТЬ-КУТ

Волны чёрные бегут,
Берега туманы ткут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

Жёлтой лиственницы медь
Не успела догореть.
Между сосен
Бродит осень.
Утром заморозки жгут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

Горы в снежной пороше.
Что-то холодно душе.
Не в тебе ль, моя душа,
Выпадала пороша?

Небосвод ненастный мглист.
Кружит ветер жёлтый лист.
Жёлтый лист на сердце лёг.
А тебе и невдомёк...

Бедный мой забытый друг,
Оглянись ещё вокруг:
Ястреб падает в тайгу,
Тучи к северу бегут,
Берега туманы ткут.
Усть-Кут!
Усть-Кут!

КИРЕНСК

Карбасы плыли у Киренска,
Вниз по осенней реке.
Парень из ближнего прииска
Нас провожал в челноке.

Долго рыдала гармоника:
Будто ей долишки нет.
Так это жалобно, тоненько
Песня плескалась во след.

Дальними, скучными вёрстами
Ветер суровый пахнул.
Город на Киренском острове
Словно в реке утонул.

Лишь над церковными главами,
Грустью забытых пустынь,
Долго качались и плавали
Чёрные крылья — кресты.

Полночь, дождями измятая,
С юга на север плывёт.
Вот и гармонь провожатая
Больше во след не поёт...

1931 — 1941. Якутский тракт.

БАШНЯ В ИЛИМСКОМ ОСТРОГЕ

Ух, как сыро, как холодно!..
Словно подуло
Несусветною вьюгой навстречу, в лицо.
Деревянная дверь покачнулась сутуло,
Под ногой тяжело заскрипело крыльцо.

Плесень, изморозь, слизь...
Опалённые стены
Из обтёсанных, диких чудовищ-бревнищ
Твёрже камня стоят.
И не ждут перемены.
А на старой иконе, сквозь прозелень, нищ
И убог
Улыбается медный Исус...
С высоты
Брезжит жёлтой слюдой подволочная рама.
По ступеням зубчатым подъёмы круты,
Пол разломан.
И под полом яма.

Глухо здесь, в этой башне.
Закроешь калитку.
Два шага. И столетья уходят назад...
Шум на улице. Словно ямскую кибитку
Снеговые ветра опрокинуть грозят.

Померещится... Мёрзлый, рогожанный полог.
Два фельдъегеря. Рваный тулуп ямщика.
Запалённые лошади рвут на пригорок.
Приглядишь и увидишь лицо седока:
Посиневшие губы, небритые щёки...

Это едет Радищев в Илимский острог,
На студёные годы, на мёртвые сроки,
По тайгам, по ущельям забытых дорог.

Не из Санкт-Петербурга в Москву, с подорожной,
Этот путь по Сибири иная гоньба.
Непроглядные ночи в зимовке острожной,
Волчий вой на безлюдьях,
Метельная пляска-гульба...

Тут светлейший Потёмкин для императрицы
В показных деревнях не сгонял поселян.
Над зыбучими пашнями южные птицы
Не летели сюда в предвесенний туман.

Вольнодумец Вольтер здесь бы мог убедиться,
Что калёная стужа клеймит горячо,
Но в стране россиян так легко затаиться,
Что в Сибири
Нашёлся ещё бы маркиз Пугачёв.

Впрочем, ссыльный Радищев и впрямь
Пострашней Пугачёва.

(Так об этом сказала царица сама).
Осуждён... ошельмован... помилован.

Снова —

Кандалы и попы,
Артикулы законов, тюрьма...

Двести зим бушевала, казалось, метель нелюдимо.
Двести лет одичало дремала тайга.
Деревянные башни гудели над старым Илимом,
И отзывное эхо гремело набат в берега.

Долог путь твой, изгнанник, в глуши невесёлой.
Ты его проложил не на год, а на век.
Слышу вольное слово по градам и сёлам
Повторяет воспетый тобой человек.

За калиткой развеялся сумрак столетий.
Всходит солнце, хрусталился ранний снежок.
К нашей школе бегут, улыбаются дети
И, увидев меня, оцепили в кружок:

— Ты о чём это плачешь?
— Ты, может быть, болен?
(Сколько славных и вдруг опечаленных глаз).
— Нет, друзья...
Эти слёзы мои поневоле...
Я здоров. И мне радостно здесь, среди вас.

Поглядите, как солнце плывёт над Илимом.
Мир чудесен, когда в нём свободно мечтать,
Жить свободно. И память героев любимых
Грустью сердца и тёплой слезой вспоминать

1940. Илимск.

ДОСТОЕВСКИЙ

Мёртвый дом засыпает... А ты?
Ты не можешь заснуть поневоле,
Если чёрная пасть пустоты
Распахнулась в сугробистом поле.

Деревянный, угрюмый забор,
Караулы устали шагать.
И заводит ночной разговор
Нехорошая, злая пурга.

Зябко брезжат кой-где фонари,
На погосте хлопочут вороны.
Долог путь к пробуждению зари,
Тяжело под крестом и короной.

Видишь мир? Вдоль бревенчатых стен
На гнилых, переполненных нарах
Он заснул до больших перемен...
Он давно не боится удара.

Кандалы приучился таскать,
Озверело молчать под нагайкой.
И в петле задыхаясь икать,
Называя судьбу негодяйкой...

Помнишь — десять бумажных рублей,
В переплёте библейского шёлка,
Чтобы в каторге было теплей,
Принесла для тебя незнакомка?

Помнишь вечер, когда привели
Полумёртвых татар беглецов?
Как палач полотно расстелил,
Как надламывал розги с концов?

Это просто: четыреста розг,
Отдыхает палач. А в рассвет
Чей-то страшный, расплавленный мозг
Сумасшедшим ушел в лазарет.

Карамазов, Раскольников — здесь,
Научившись терпению другому,
Понесут беспощадную весть
Всероссийскому мёртвому дому.

Это мало: «понять и простить».
Надо мир переделать сначала,
А потом и жалеть и любить,
Чтобы каждая тварь отвечала.

В арестантском кривом колпаке
Ты напрасно доверился богу;
Разуверься в своём двойнике —
Разве бог пробивает дорогу?

Нет! С кайлой, в кандалах, по утрам,
Ты пойдёшь под сибирское небо,
Повинуясь конвойным скотам,
Будешь бить неподатливый щебень.

Не мыслитель, совсем не игрок, —
Рядовым, серолицым рабом
Будешь делать житейский урок
Для жандарма в плаще голубом.

И тебе не простят никогда,
Даже в лучших словах эпитафин,
Исторической правды суда:
Чёрных пятен твоей биографин.

1930. Омск.

КЮХЛЯ В БАРГУЗИНЕ

— Дросида Ивановна! Ах, ты, господи боже.
Дроня, Дронюшка!
Не отвечает. Молчит. Рассердилась жена.
И размолвка теперь на неделю, быть может...

А поэма, казалось, совсем рождена:
Лишь садись да пиши.
А теперь не до Музы!

Почему он, однако, попался в беду?
Ну, допустим, ребята шалят, карапузы,
Изломали какую-то тыкву в саду.
Как за ними усмотришь?
Проглядел. А она осерчала,
Обругала, ушла...

Да, стихов не допишешь никак:
Середина в уме — только нет ни конца, ни начала —
Ах, Дросида Ивановна, что ж это так?..

Поглядел за окно.
Деревянные звери —
Коренастые избы насупились в ряд.
На запорах ворота, калитки и двери,
И на окнах тяжёлые ставни скрипят.

Баргузин, Баргузин!
Отчего здесь тоскливей,
Чем в тюрьме или в крепости было тогда?
Постаревшее сердце грустит сиротливей,
И в забытии встают молодые года.

Пять повешенных.
Пушкин на смертной дуэли.
Бой курантов: «Коль славен».
Седая невеста в гробу.
Лицеисты, которых при жизни отпели.
Всё свершилось.
И он принимает судьбу.

Баргузин, Баргузин!
Забайкальские дали,
Голубые леса на последнем пути.
Слушай, слушай, как песни в душе зарыдали.
Только слов к этим песням тебе не найти.

Вечереет в горах.
Звёзды где-то под спудом.
Мертвоватый безмолвен, забыт городок:
Не тюрьма и не крепость. А впрочем — забудем...
— Дроня, Дронюшка, где ты, откликнись, дружок!

Неуклюже вихляясь, забывши о музах,
Он шагает по улице к тестю.
Огни зажжены.
Вот почтмейстерский дом.
Там опять голоса карапузы,
Тёща будет ворчать.
Он попросит прощенья у взбалмошной, глупой жены.

1936. Баргузин.

КАНДАЛЫ

(Отрывки из поэмы о Чернышевском)

Заковывали в Томске...
Жёлтый вечер
Над городом качал сухие облака.
Тягучий жар, как бы от сотни печек,
Плыл из степей.
Сомлевшая река
Лениво катила глинистые воды...
Было душно.
На улицах похрустывал песок.
Казённые скрипучие подводы
Тянули груз куда-то на восток.

На гауптвахте, где остановились, пахло водкой
Скучали часовые.
Комендант
Беседовал с досужею молодкой...

Не во-время подъехал арестант.
Возись с ночлегом,
Принимай жандармов,
Заказывай на утро лошадей.
А тут еще кузнец ушёл в казармы.
Кого послать за ним?
Свободных нет людей.

По предписанью, данному в столице
«Преступник Чернышевский должен быть,
Прибывши в Томск,
В присутствии полиции,
Немедленно закован...»

А осмелимся спросить:
Ужель в Санкт-Петербурге не нашлось заклёпок?
Зачем везли досюда без оков?
Пугнуть хотят Сибирью?..
Да не робок
Преступник Чернышевский, не таков.
Прослушав предписание, подчинился
Довольно равнодушно.
Пожал плечами,
Поставил ногу на колодку.

Молоток

С железным лязгом звонко опустился,
И кандалы качнулись между ног.
— Носи, не потеряй! — сказал кузнец привычно.
И тут родилась мысль, нелепая, как бред:
«Не потерять бы в самом деле...»
Как обычно,
Внимательный во всём,
Он долго щупал цепь: не свалится ли?
Нет,
Её, оказывается, не скоро снимешь,
Не скоро разомкнёшь.
Она крепка.
И, если на руке её прикинешь,
То удивительно покажется легка:
Как раз пять фунтов весу, по закону,
А на ногах волочишь, словно пуд...

Пять фунтов кандалов нацепят по закону...
А если незаконно душу закуют?
Как тяжело висят её оковы,
Заклёпанные русскою тоской?

И сколько весу в них?

Прикинь

На гирях тысячепудовых,

На бедности,

На ярости людской.

Ощупай цепи — славу лихолетья,

Казённым весом их не измеряй.

Пройдут года, а может быть, столетья.

Ты вспомнишь кузнецца.

— Носи, не потеряй...

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ

Памяти погибших здесь

Пошатнулась стена в опустелом центре.
Умирает зима в казематах.
Только песня осталась: «Вы жертвою пали...»
Только память о горьких утратах.

Я закрою глаза и, прислушавшись к вьюге,
Различаю отчётливый звон кандалов:
Это гонят этапы в Иркутской округе,
Политических, каторжных, бритых голов.

От станков, от семей, от огней Петрограда,
Под крестом и молитвой Гапона,
Их встречала высокая, злая ограда
Императорским сводом закона.

Их встречали ночные провалы подвалов
И в петле календарных отсрочек —
Непроглядные годы железных оскалов,
Сумасшедший режим одиночек.

Мир, застывший кирпичным удавом.
Беспокойная ночь эшафота.
Это прошлое дышит угарной отравой —
Размахнувшись решёткой в воротах.

.....

На тюремном кладбище остались могилы,
Да на них безымянные травы.
Отдыхайте, товарищи! Вас не забыли.
Ваша память — почётная слава.

Ваша гордая песня и нынче поётся
На развалинах тюрем гнилых:
«Дело всегда отзовется
На поколениях живых.. »

1932. с. Александровское

ЛЕНСКАЯ СТАЧКА

1

В шахтах — пусто,
В штреках — пусто;
По утрам гудки молчат.
Клеть тяжёлую не спустит
Оцинкованный канат.

На отвалах мёрзлым пухом
Все тропинки замело,
Только плюхается глухо
Вьюги снежной помело.

Только горная дорога
Гололедицей гремит,
Только тайная тревога
Тёмным облаком летит...

В мастерских потухли печи,
Иней жжёт колосники.
Пыль и ржавчина калечит
Сиротливые станки.

Всё затихло.
Всё остыло.
Всё умолкло... Снег и лёд!
И никто в забой постылый
На работу не пойдёт...

Забойщики, откатчики,
Крепильщики, шахтёры,
Проходчики, накладчики,
Бурильщики, монтёры.
Подземные, надземные,

Драгёры, монтажисты,
Бессменные и сменные
Путейцы, машинисты —
Бастуют все рабочие, все шахты вхолостую.
Бастуют все рабочие, все прииски бастуют.

Порукой кровной связаны,
Рабочей думой — вместе,
Плечом к плечу не раз они
Встречали злые вести.

Не раз, по безработице,
Случалось, голодали;
Не раз пришлось заботиться,
Чтоб вовсе не пропали...

В содружестве приучены
Идти к великой цели,
В ярме лихой покручины
Иные поседели.

Но старые, и малые,
И женщины, и дети
Встречают, как бывалые,
Напасти все на свете.

Не выдадут товарищей:
Стеною друг за друга.
В огне зари пылающей
Витимская округа.

Сибирь, земля кандалная,
Ломай тайгу густую!
Окрестные и дальние — все шахты вхолостую...
Бастуют все рабочие, все прииски бастуют.

Мастер вывезен на тачке.
 Управитель глаз не кажет.
 Сорок дней гуляет стачка...
 — Что-то нам начальство скажет?
 Скоро должен быть ответ.
 Согласятся или нет?..

«...Есть иль нет у нас законы?
 Мы желаем их иметь.
 Пусть берут назад «талоны»
 И деньгами платят впредь.

Что положено — исполни,
 Штрафы, вычеты — должй.
 Чтобы все были довольны
 И обиды никакой.

Труд свободный не насилуй.
 Баб в работе не гноить,
 Мы немного запросили:
 Только б можно было жить...

Честный труд цени по чести,
 Труд рабочих — не игра:
 Пусть надсмотрщики на месте,
 А жандармов — прочь убрать!

Чтоб таёжному народу
 Не пришлось на вас пенять,
 Арестованным — свободу
 И уволенных принять!

Таковы у нас резоны
 На душе и на уме.
 Есть иль нет для нас законы?
 Мы желаем их иметь...»

.
 Сорок дней бушует стачка
 Управитель глаз не кажет,
 Мастер вывезен на тачке...

— Что-то нам начальство скажет?
Скоро должен быть ответ.
Согласятся или нет?

4

Поснедали хлебушка на ужин,
Вместо чая выпили водицы,
Затянули пояса потуже.
Время спать, а никому не спится.

Тараторки-мамки загрустили,
Ребятишек греют на коленях,
Очаги давно уже остыли —
Дров в сарайке нету ни полена.

Все ларьки и лавки позакрыты.
Под замком конторские ворота,
У ворот, на гвоздиках прибитый,
Лист —
Приказ компании Лензото.

...Для охраны вызвали казаков...
...Три дня сроку дали в размышленьё...
...Выселять грозятся из бараков...
...Пишет так из Питера правленьё...

Поздний час, а никому не спится,
Собрались шахтёры думу думать,
Потемнели каменные лица,
Голоса тревожны и угрюмы.

— Как же быть, товарищи, что делать?
--- Голодаем долго... Силы нету...
--- Нам нужна всю душу переела...
--- Жизнь у нас глухая, без просвету...

--- Соглашаться, выйти на работу!..
Подскочил Жиган, остервенился:
— Видно, мало пролили мы поту,
Чтоб хозяин золотом давился.

— На работу выйти? По приказу?..
Значит стачку по-боку?.. В попятный?..
Поднялись, заголосили сразу:
— Нет у нас дороженьки обратной!

Никанор Авдеев крикнул: — Тише!
Головой тряхнул седобородой.
— Надо нам пожаловаться выше,
К прокурору выйти всем народом...
Самокрутки чадно задымились,
Разгадал старинушка задачу.
— Ты скажи, пожалуйста, на милость,
К прокурору... Верно, не иначе...

Обсудили дело дружным кругом,
Все сомненья были перебиты:
Порешили — выйти всей округой
К прокурору. Требовать защиты.

НА БЕРЕГАХ ДАЛЕКОГО ВИТИМА

1

По дорогам приисковым,
По тропинкам вересковым
Шли они со всех сторон.
Горы хмурые стояли,
Реки мутные играли,
Тёмный лес шагал вдогон.

Затянуло солнце дымом,
Тучи плыли над Витимом,
Гулко падала капель, —
И в тайге, в лесных разломах,
На полянах незнакомых
Стаей птиц шумел апрель.

Но зарю весны встречая,
Люди шли не замечая —
Не для них весна цвела...
По увалам и оврагам
Шли они тяжёлым шагом,
И над ними туча шла.

Туча тёмная, густая
Крылья в небе распластала,
Солнце спрятала в башлык.
Обрывая камень дикий,
По ущельям ветер гикал,
А они всё шли и шли.

От шагов земля дрожала.
Впереди их тень бежала,
Тень легла на небосклон:

В полдень — будто в полночи —
Шли две тысячи рабочих
По тайге со всех сторон.

2

Забойщики, откатчики, крепильщики, монтеры,
Проходчики, накладчики, бурильщики, шахтёры.

И старые, и малые, и женщины, и дети,
Голодные, усталые явились за ответом.

Слова у них рассчитаны — чьё сердце не затронут?
Найдётся ли защита им по правде, по закону?

Сошлись они сегодня здесь для мирных разговоров.
Какую же услышат весть две тысячи шахтёров?

Что скажет пасынкам своим таёжная дорога?
Какой ответ готовит им закон царя и бога?..

Но вот последний переход, шагай не отдыхая:
За перевалом прииск ждёт, зарница полыхает.

Солдат-горнист дудит в трубу,
Поёт, рыдает медь:
Иди, встречай свою судьбу,
Кто хочет умереть...

3

Бескозырки. Шинели. Штыки.
Частокол на дороге. «Куда вы?»

Неподвижно стоят горняки.
— Берегитесь, детишек задавят..

— Ничего... потихоньку... пройдем..
Потеснились. Толпа прибывает.
Но солдатские цепи кругом
И колючая сталь, как живая.

И опять засигналил горнист.
— Что вы? Что вы?..
И вдруг — захлебнулись.

Гром! Огонь! И стремительный свист!..
Беспощадно ударили пули.

Беспощадно рокочет сигнал,
С хрипом дышат солдатские груди.
Кто-то крикнул и грузно упал.

И земля покачнулась, и люди.
— Отступайте! Бегите! Назад!!!
Повалились ряды. Застонали.
Кровь и слёзы смешались в глазах,
Но винтовки пощады не знали.

Гром! Огонь! И стремительный свист!
Раскалённые дула дымятся.
И опять засигналил горнист.
— Прощевайте, товарищи, братцы...

Рухнул старый Авдеев. Устало
Бородою уткнулся в сугроб.
Рядом девушка Настя упала,
Зажимая простреленный лоб.
И ещё, и ещё... Повалились...
Закричала Алёна: Спасите!..

На снегу багровелая сырость;
Камни солнцу кричат о защите,
Люди просят пощады у неба.
Но напрасно. Холодные тучи
Надвигает проклятая небыль;
Неприветливо скалятся кручи,
Вешний ветер, как смертная стужа...
Кровь дымится в сугробах и в лужах...

КЛЯТВА НАД ЛЕНСКОЙ МОГИЛОЙ

Не шумит тайга густая, не шумит.
Ночь тяжёлая.
И зверь, и птица спит.
Ночь безлунная, угрюмая темна.
Даже звёздочка на небе не видна.

Тучи путаются низко над землёй,
Сосны старые качают головой.
На лосиных тропах вдоль болот
Куржавеет инея налёт...

В эту ночь на зимовье, в Глухом логу
На витимском леденелом берегу
От раскрывшихся своих кровавых ран
Умирал на топчане старик Жиган...

Привезли его дорогою лесной
Милый сын с любимую женой,
В непогодную распутицу и грязь
Привезли его украдкой хоронясь.

Возле дымного ночного камелька
Умирал он на алёниных руках.
Он не плакал, не прощался, не стонал --
Он товарищей убитых вспоминал...

Не шумит тайга густая, не шумит.
Лёд в разливах нарастает, ветер спит.
Туча крылья тянет низко над землёй.
Горы спрятались в тумане с головой.

Этой ночью, поздним часом не грустить,
Этой ночью поклялись мы отомстить.
На могилах у Витима каждый год
Наша клятва нерушимая встаёт.

Кровь отцов, друзей и братьев — славный стяг.
Поднимает наша клятва грозный шаг.
Шаг рабочий крепнет в буре. Путь — широк.
Клич борьбы летит на запад, на восток...

1936—1938. Ленские прииски.

*Звезды
Полярного круга*

СЕМЁН ДЕЖНЕВ

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами
Тёмный, обрывистый мыс;
Там слетаются ветры из всех неоткрытых Америк
И обтаявший лёд осыпается вниз.

Ясно вижу сквозь тёмную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косою парусок;
Сбоку — бьётся другой;
Распластался оборванный третий...
Завывает ветрище.
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды.
Погибают суда!
Зимовать не легко и обидно:
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить.
Смерть придёт — без могилы...
Поглядите! Они всё идут и идут.
Видно есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинают беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не сгинет»...
Леденеющей бездной,
Последней волной
Вот на отмели эти судёнышки кинет,
И гремучая гибель пройдёт стороной.

Раскололись судёнышки.
Жалкие кочи, —
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь вьюжные ночи,
По студёным морям залетели сюда.

Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещён его именем русский пролив,
А казак-мореход Семка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семён свет-Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд — пронзителен. Речь — скуповата, строга

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих.
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю...»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих.)

Не ослабнешь, Семён свет-Иванович!
Слава
Подняла твоё имя на веки веков:
Этот глыбистый берег
России держава
Закрепила границею материков.

...Опустите бинокли!
Закройте зрачки фотокамер!
Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:
Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,
Вечный памятник русских побед.

ПАМЯТНИК ШЕЛЕХОВУ В ИРКУТСКЕ

Колумб здесь Русский погребён,
преплыл моря, открыл страны без-
вестны...

Г. Д е р ж а в и н. „Надпись на камне могилы
Г. Н. Шелехова в Иркутске“.

Шапки снять!
Здесь лежит открыватель Аляски,
Наш российский Колумб,
Полномочный наместник рубежных морей.
Два столетия о нём повторяет былинные сказки
На границе Полярного круга
Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит.
Изветшала плита над могилой,
Позолота померкла,
Но блещет державинский стих!
Вспоминает его Ангара, налитая стремительной
силой;

Вдохновенные волны поют
О величии предков моих.

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остаётся нетленной крылатая юность мечты.
В заполярную ночь
У последней глухой параллели
Эту старую повесть
По-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам,
На устья неизвестных рек,
Он отсюда прошёл —
Переулком забытым иркутским —
На другой материк,
Заглянув в новый век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной Державы,
А охочие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах пробивались за все
ледоставы,

И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города...

Два столетия
Огнём салютуют вулканы Камчатки,
Новосёлов российских встречая
На грани старинных путей.
Острова алеутов поныне хранят отпечатки
Дружелюбных следов
Величавых и смелых людей.

Спи, Григорий Иванович Шелехов!
Почеть — с тобою!
По открытым морям,
На просторы весенней земли
Молодые преемники твёрдой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Ещё поведут корабли.

ЧКАЛОВ В «ЗОНЕ НЕДОСТУПНОСТИ»

Планета подняла белеющее темя, —
Над океаном вырос льдистый кряж;
Здесь не бывает ночи в это время,
И странный свет расплывчат, как мираж.

Почудилось ему, всего одно мгновенье:
На полюсе — дымящийся костёр.
(Там — четверо, скрывая нетерпенье,
Конечно, поджидают до сих пор...)

А видимость внизу — одни сплошные тучи,
Белёсая, гнилая пелена.
Мотор ревёт, уверенный, могучий,
Но выключилась радиоволна.

Оглохли сразу все приёмные приборы,
Лишь передатчик искрится немой.
Магнитные преграды, словно горы,
А надо пробиваться по прямой.

Пусть компас, вздрогнув будто в лихорадке,
Остановил скользящую иглу.
Мотор не сдаст, пропеллеры в порядке,
Литые крылья режут полумглу.

На этой широте беспомощны покуда
Короткая и длинная волна.
Но Чкалов слышит Родину отсюда.
Душа его спокойна и сильна.

На подвиг послан он своим народом,
Он сталинской заботой ободрён.
Полярный путь всё шире год за годом,
Трудами поколений проторён.

Нет «зоны недоступности» для смелых,
Которым честь и слава суждена:
Над полюсом, в туманах леденелых,
Впервые эта зона пройдена.

1939—1949.

ЛАГЕРЬ НА ВЕРШИНЕ МИРА

Шумные гиганты-самолёты
Помахали крыльями прощально.
Словно бы очнувшись от дремоты,
Ветер засигналил величально.

Смутная стоит Вершина Мира:
Бездна, уходящая в туманы,
Грань, в которой точкою пунктира
Связаны узлом меридианы...

Снег да ледовые пестрядины,
Белые да синие отсветы.
Тучи, распутив свои седины,
Солнцем невысоким подогреты.

Плоская угрюмая равнина,
Призрачные голые трущобы.
Вот она, папанинская льдина,
Вросшая, как памятник, в сугробы!

Чёрная палатка на столетья
Островом останется в пустыне.
Вымпелов пылающих соцветья
Полюс освещает и доныне.

Лагерь дрейфовать уйдёт со льдами,
Море колыхнётся у порога.
Многое забудется с годами,
Эта не забудется дорога.

Может быть, настанет скоро время,
Сбудутся мечтания поэтов:
Вновь поднимет сталинское племя
На Вершине Мира флаг Советов.

Четырём героям выйдет смена —
Армия строителей окраин, —
И пустыню вызволит из плена
Наш полярник —
Полюса хозяин.

1939—1949.

РУССКИЕ ФЛАГИ В АНТАРКТИКЕ

Открытие Антарктиды, 1820 год

По-российски январь, а в Антарктике лето.
Впрочем, мало похоже: то град, то буран.
Ледяные барьеры взрываются где-то,
Чёрный морок слепит — океанский туман.

Чуть вода поугрюмее, вырастут зыби, —
С парусами работа: прибавь да убавь!
Возле самых бортов стеклянеют пловучие глыбы.
Материк потаённый приблизился вьявь.

Вот она, станова́я земля Антарктиды!
В неподвижном овале подзорной трубы
Поклонились гранитные кариатиды,
И навтыяжку снежные встали столбы.

Громыкнула с кормы судовая мортира;
Якоря по-хозяйски оцупали дно.
Легендарная пустошь, окраина мира,
Открывателей ты поджидала давно.

Принимай к берегам своим русские флаги!
Слушай тёплую песню могучих людей!
Покорители мрака, питомцы отваги
Добрались до тебя среди льдов и морей.

Здесь российская вотчина будет отныне,
А Андреевский крест * станет Южным Крестом **:

* Андреевский крест — голубой крест по диагонали на белом поле. Таков был в прошлом военно-морской флаг России.

** Южный Крест — крупнейшее созвездие, видимое в Южном полушарии.

Он затеплил огни в нелюдимой пустыне —
Этот свет разгорится когда-нибудь вечным костром!

Медным гудом запели навстречу утёсы,
Отражённое эхо ложится во льды..
Славен флот россиян; офицеры, матросы,
Карта Мира отметит бессмертные ваши следы.

РЕЙС КИТОБОЙНОЙ ФЛОТИЛИИ «СЛАВА», 1949 ГОД

Экватор пройден.
Солнечная лава
На крайний юг, остывшая, плывёт.
В Антарктику весну приводит «Слава» —
Буксиром солнца стал советский флот.

Во след пловучей базе китобойцы
Распашут льдистый дальний океан.
Друзья весны,
Матросы-комсомольцы,
Я вижу ваш счастливый караван.

На широте, где айсбергов громады
Шатает буря в пенистых валах, —
Плывут киты,
И льются звездопады,
И Южный Крест блестит на вымпелах.

И под созвездьем этим — словно дома —
Советский гимн
Я слышу с кораблей.
Окрайна мира издавна знакома
Друзьям весны — хозяевам морей.

Удачный путь вам,
Труженики моря!
Да будут с вами вёдренные дни!
Добычу прибылую гарпунёря,
Вы в тёмном океане не одни.

Чужие ветры мчатся над волнами,
Оскалится разбитый бурей лёд.
Но с вашими сигнальными огнями
На вахту славы
Родина встаёт.

НАШ КРАЙНИЙ СЕВЕР

ОТКРЫТИЕ ПОЛЯРНОЙ ДОРОГИ

Полюс холода!
Чёрного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлёт.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыхание,
Спирт густеет, а ртуть превращается в лёд.

Заполярье.
По сухим, замороженным тучам
Покатился ущербный осколок луны,
А гранитные глыбы к спадающим кручам
Припаяла, должно быть, рука сатаны.

Край земли!
Тут до дна промерзают озёра,
Под сугробами стелется зябнувший лес,
Исполинские скалы огнём разузоря,
Полыхают сполохи с подножий небес.

Там, за тучами, наша легла «автострада»,
Прорубила у каменных мамонтов лбы,
И уже к океану прошли для парада,
В телеграфных шеренгах, стальные столбы.

Многоцветным полотнищем плещет сиянье.
Правда, митинг недолог и скромнен на вид.
Да ведь здесь иногда замерзает дыхание.
А сегодня оркестр вдохновенно гремит.

С головой завернувшись в косматые шубы,
Встречный марш музыканты усердно дудят.
Хриповато рокочат латунные трубы.
Цельсий скоро покажет мороз — шестьдесят!
Ну и пусть его!
Вспыхнула алая лента:
Путь-дорога открыта.
Две сотни машин,
Нахлобучив на дверцы щиты из брезента,
Полетели по ветру на гребень вершин.

Возле моря мы будем ещё спозаранок,
Над хребтами сполохи зажгли светофор.
Полюс холода нынче простой полустанок,
И его замечает не каждый шофёр.

1941.

РАДИОПОСТ

Четыре домика вдоль берега,
Мы нашей улицей зовём.
Ночное солнце моря Беринга
Земле не даст тепла взаём.

Здесь в сентябре зима нечаянно
Сугробы сыплет, как холмы,
И ветер полюса отчаянно
Ткёт паутину полутьмы.

Сначала мы скучали истово.
Хандра такая, хоть давись.
Потом знакомцами, радистами,
В эфире все обзавелись.

Родилась дружба, пусть заочная
Но и она нам помогла.
Казалась Арктика Восточная,
В таком содружестве тепла.

Мы обживали место новое
(На карте — гиблый уголок).
И небо слишком тут суровое,
И ветер чересчур жесток,

И много было пота пролито
В почти немислимый мороз...
Зато горячим нашим опытом
Согрет арктический форпост.

Всё нам родное стало, кровное:
И низкий берег, и дома,
И море мутное, огромное,
И даже чёртова зима.

Мы и её переупрямили!
Уже не год, а скоро пять,
Мы не замёрзли и не замерли
И остаёмся весновать.

ГАЗЕТНАЯ ПОЧТА В ЗАПОЛЯРЬЕ

На олени рога
Налетает пурга,
Тяжелеет полярная ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухоманное место — урочь.

Месяц — тундровый март.
Место — город Колымск.
Россыпь звёзд накануне весны.

Скрип взлетающих нарт
Бледной вьюги азарт.
Глубоки заполярные сны.

Но у самой последней избы за углом,
Тёплый храп и качанье рогов.
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезённый с других берегов.

Спит ночная река, промерзая до дна,
И ледяшкой стучит почтальон.
На страницах «Известий» приходит весна,
Слышен голос грядущих времён...

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливей соседей-гостей;
Вот и в небе взметнулся полунощный свет
Отраженьем больших новостей...

В многолюдье, оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий —
Пять суток сквозь стену снегов,
Пять завьюженных северных дней;
Сквозь туман колыханье оленьих рогов,
Торопливые скрипы саней.

Ошалелая выюга впадает в азарт,
Но спокойны якутские сны.
Место — город Колымск,
Время — тундровый март,
Россыпь-звёзд — накануне весны.

ОХОТСКИЕ ЖИТЕЛИ

Охотское — море,
Охота — река,
И город Охотском зовётся.
И песня в Охотске поётся:
«Охочему люду работа легка,
С охотою легче живётся...»
На голых песках поднялся городок.
Ни камня, ни деревца нету,
А славен по белому свету.
Он сторожем вышел на Дальний Восток,
Поставил на взморье отмету.

Его подмывала шальная вода,
Морские пески заносили,
И ветры избушки сносили.
И что же? Охочая воля тверда, —
Другую судьбу не просили.

Три века растёт городок да растёт,
Ядрёный, задорный, двужильный,
Добычей всегда изобильный.
И нынче живёт в нём весёлый народ,
И нет там души слабосильной.

Охочие люди в Охотске живут —
Ловцы, пушники, китоловы.
У всех у них песни готовы.
А песни в Охотске недаром поют:
Готовятся, значит, обновы.

И впрямь, обновляется наш городок.
Надёжная радость богата —
Растут и дома и ребята,
И выращен первый кудрявый садок
В песках, пустовавших когда-то.

БЫВАЛЫЙ ПОЛЯРНИК

Не так чтобы молод, не так чтоб и стар,
А за плечами — семнадцать зимовок.
Лицо прокалил медно-красный загар.
Он в кителе новом подтянут и ловок;

Походка пружинит, стремителен взгляд,
Могучие плечи высоки и круты.
Ему непривычен парадный наряд,
И тесно, должно быть, в коробке каюты.

Он ходит по палубе, словно на льду.
Машистая поступь ложится проворно.
Таковыми шагами сквозь ветер идут,
Сквозь смерть переходят легко и упорно.

Как изморозь, в тёмных висках седина.
Ну что же, не красят года и тревоги,
Зато вот душа молода и сильна,
Всегда наготове в любые дороги.

Семнадцать зимовок на картах страны —
Семнадцать форпостов в безлюдье обжито.
Теперь там на рейдах огни зажжены,
Холодное море для жизни открыто.

И уж не туда ли глядит он, назад,
Волнуем одной неотступною думой:
Зимой ледосгазы опять пригрозят
Становью, открытому в бухте Угрюмой.

Как справятся новые люди с пургой?..
Успеют ли грузы убрать от припая?..
Он пристально смотрит на берег нагой,
А там уже первая дымка слепая.

Снежит нынче рано, термометр упал,
Скупая заря полусумраком стёрта...
Сейчас начинается первый аврал:
Матёрые льды лезут с правого борта.

В тяжёлую вахту он с нами пойдёт.
На отдых он едет, да мало охоты:
Бывалый полярник семнадцатый год
Не может и часу прожить без работы.

ОСЕНЬ ЗВЕРОБОЯ

Грузные сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полунощном небе
Солнце сгорело дотла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь подымает погоду —
Гремучую чёрную воду,
Чеканит плешивые ивы
Холодным густым серебром.
Курчавится шерсть горносталя,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбоед на протоке
Хрустит осетровым ребром.

Уложены в сумку заряды,
Обтянуты камусом лыжи,
Как бритва, наточен до блеска
Гранёный увесистый нож.
Теперь бы скорей снегопады
Да к морю податься поближе.
На самом краю перелеска
Звериный заказник хорош.

И зверя и вьюгу я встречу
Колючей, добротной картечью,
Поставлю мои самолёты
На хитрых песцовых следах.

Обшарю приморскую тундру,
Колхозу добуду обновы.
А белого умку-медведя
Ножом доконаю во льдах..

ПЕСНЯ ЛЕСОРУБОВ

Серебряных опилок насыпала метель,
Позёмка расстелила пуховую постель.
Тайга стоит нарядная, хозяев поджидая...
На просеку выходит бригада молодая.

Басит электропильщик, струной режнул лучкист,
На ледяной дороге сигналист тракторист.
Пыхнули ранние костры смолёвыми дымками,
И солнца огненный фонарь поднялся над горами.

Зацвенькали синицы: им любо поглядеть,
Как побежал в испуге разбуженный медведь.
И, словно выполнив маневр, послушные приказу,
Шестнадцать сосен столбовых легли в шеренгу сразу.

Сквозь заросли густые ударил зимний гром —
В тайге зарокотало, аукнулось кругом:
Там поезд тракторных саней, на плотбище въезжая,
Сгружает первые плоды лесного урожая.

Встречай, тайга сибирская, хозяева идут!
Походка богатырская —
Могущественный труд!
С поклонами сгибаются
Столетние леса,
И солнцу откликаются
Стальные голоса!

КАЛЕНДАРЬ ОЛЕНЕВОДА

Время ранних телят

Огнистые брови зажмурил глухарь,
Тетёрки кряхтят на токах;
В тайгу наплывает истомная ярь,
Вскипает вода в родниках.

Сугробы густеют под настом тугим.
Всё чаще и чаще капель.
И вот перелеском, пустынным, нагим,
На север приходит Апрель.

Колхозного стада счастливый пастух,
Ему говорю я: «Пора!
Полсотни ватажных моих оленух
Уже отелились вчера...»

На тоненьких ножках устойчиво встав,
Оленчики маток сосут,
Вдыхают подснежные запахи трав,
Мохнатые рыльца трясут.

Шагай поскорее, ленивый Апрель,
Гони золотое тепло!
Набухла смолистыми соками ель —
Янтарной слезой потекло.

А утром морозцы позёмкой плят...
Зиме говорю я: «Пора!
Мне надо лелеять оленьих телят, —
Полсотни родилось вчера.

Давай-ка подальше сдвигайся, Зима!
Апрель, подогрей её, друг!»
Ручьи принимают в свои закрома
Останки растаявших вьюг.

Пестрят на проталинах свежие мхи,
И скоро гусиный залёт.
Готовьтесь в кочевья, друзья-пастухи,
Считайте ветвистый приплод!

Время летних пастбищ

С моря дует солёными ветрами,
Моховища на тундре богаты.
Кочевыми дорогами летними
Дни проходят, светлы и крылаты

Наши выпасы — место исконное,
Изобильное тучными мхами.
Солнце, в полдень и в полночь бессонное,
Соревнуется тут с пастухами.

Свет его на песках перламутровых
Озерки отражает беспечно.
Благоденствие щедростей тундровых
Стало радостью сердца навечно.

Молодые утехи давнишние —
Летованье запомнится на год.
Словно бархат, кочкарники пышные,
В жёлтом жемчуге кустики ягод.

Не успеешь опомниться, к осени
Подрастут и стада и деревья.
Первый дождь из задымленной просини
Позовёт на другие кочевья.

Ветер с моря хлестнёт в гололедицы.
Одичают быки ездовые.
Семь зрачков Поднебесной Медведицы —
Это наши огни пугевые.

Время оленьих ночей

Облака навалились косматы,
Потушили зарю-завечорку.
Иглы лиственниц ливнями смяты,
Перемёрзли в хрустящую корку.

Снегу падать ещё неохота.
И земля, как железо звеняща.
Куропатки ушли на болота,
Запустела, нахэхлилась чаща...

За становьями, в ночи глухие,
Перелески полны оживленья:
Бьют рога, будто сучья сухие, —
Это осень гуляет оленья.

В трёх шагах от костра зги не видно
Темь густая, хоть щупай руками,
И в неё провалился постыдно
Мой вожак с завитыми рогами.

Потянуло его, забияку,
На любовные игры ночные.
В эту пору, как ввяжется в драку,
Позабудет повадки ручные.

Что поделаешь, ночи-зазимки
Засевают весеннее семя...
Оленухи теперь нелюдимки,
И на пастбищах тихое время.

В первый раз после шумного лета
Пастухи и подпаски — на сборе.
Чаепитье идёт до рассвета,
Трубки дружно дымят в разговоре...

Утром вышел я, вижу: пороша
Кружит белые перья над логом,
У палатки — измят и взъерошен —
Мой вожак... с переломанным рогом.

Время зимних стоянок

По следам голубых индигирских песцов
Снеговая вскипает волна.
На зубчатую стену границы лесов
Медным бубном вкатилась луна.

Он вот-вот загремит под ударом пурги
Или в тундре исчезнет опять...
Уходи под защиту матёрой тайги,
На становья спеши кочевать!

Наши зимние станы закончили путь
В двадцати переходах на юг.
Можно будет оленям теперь отдохнуть,
Не пугаясь назойливых выюг.

За спиной лесотундровых сплюсненных гор
Сторожами стоят валуны.
Бригадиры выходят в летучий дозор,
Проверяют свои табуны.

С лёгким посвистом лыжи вздымают носы,
Карабин наготове всегда,
И оскалили пасти клыкастые псы,
Обегая оленье стада.

Росомаха до пастбищ не смеет дойти.
Пуля есть для полярных волков.
А метель запрокинулась на полпути,
Налетев на заслон сосняков.

Погляди, как спокоен на пастьбе косяк.
Словно лес, шевелятся рога.
Впереди выступает гривастый вожак,
Разбивая копытом снега.

Матки вместе с телятами хрупают мхи, —
Нынче мох уродился богат.
Значит, будем богаты и мы, пастухи,
Гуртоправы колхозных бригад!

КРАСНЫЙ ЧУМ В ЭВЕНКИИ

Стой! Придержи оленей!
Взглянем, что там такое?..
Полная серых теней,
Тундра лежит в покое.

Круглые лбы увалов
Спят, как тюлени в море.
Заросли черноталов
Дремлют на косогоре.

Два светляка чудесных
Словно с небес упали,
Между холмов окрестных
Дружески замерцали.

Эй! Поезжай убродом!
Встречи теплы такие.
Красный чум походом
Двигается по Эвенкии.

На два шатра — палатка.
Два фонаря — у входа.
Дыма густая прядка
Льётся из дымохода.

Ну, заходи смелее...
Ух, как светло и чисто!
Пол снеговой белеет,
Лампы горят лучисто.

Столик складной, просторный.
Россыпь газет и книжек.
В печке огонь задорный
Дверцы узором выжег.

Тундры обычай зная,
Гостеприимством щедрый,
Весело закипая,
Булькает чайник медный.

Лозунги и плакаты
Будто летят с простенков
И говорят крылато
На языке эвенков.

Вот в радиоприёмник
Слышен привет столицы.
Ветер затих, бездомник.
Песни шумят, как птицы.

Здравствуй, товарищ Сталин!
У твоего портрета
Мы сыновьями встали.
Тундра тобой согрета.

Это твоею волей
В зимних становьях здешних
Крепнет весенней долей
Племя людей воскресших.

В северном отдаленье
Наша любовь с тобою!
Сталинское ученье
Речью звучит родною.

Слово вождя — с народом!
Радостны дни такие.
Красный чум походом
Двигается по Эвенкии

НА ТРАССЕ НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

На транссибирских самолётах,
Под флагом рейсовых судов,
Раздвинув горы битых льдов,
В недостижимых широтах
У заполярных городов...
Советский Север — на работах!

Биенье цифр, живые схемы,
Зигзаги ярких диаграмм
Сухим отчётом не отдам!
Госплан уже вошёл в поэмы
И, вдохновляя песню, нам
Раскрыл нетронутые темы.

Я вижу нашу пятилетку
В труде ровесников моих,
В том, что пишу я этот стих,
Готовясь в авиаразведку:
На картах Севера родных
Поставить свежую отметку...

Когда заветные края
Оглянешь с птичьего полёта,
Для наблюдателя-пилота
Большая Родина моя
Открыта сердцу патриота,
Чудесной силы не тая.

Перешагнув за круг Полярный,
Врезаясь в тундровый покров,
Зерно испытанных хлебов

Якут-колхозник благодарный
Взлелеял стойкостью сортов.
Труд урожаен светозарный!

Порывом этого труда
Разбиты скалы Верхоянья.
Теплом могучего дыханья
В пустыне плавится руда,
И новостройки высят зданья,
Где расступилась гор гряда.

Вдоль берегов морей открытых
Не угасают маяки,
Перекликаются гудки.
Для тружеников именитых
Пришли желанные деньки —
Не будет больше мест забытых!

ФЛАГИ НАД МОРЯМИ

НАВИГАЦИЯ В АРКТИКЕ

Тяжёлый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам.
И вот уже у пристаней и моллов
Бурлит в камнях зелёная слюда;
И вот уже над тундровой равниной
Яснеет неба дымчатый сапфир;
В радиорубке клёкот журавлиный,
А наш радист «врывается» в эфир.

— Что там?

— Да что, брат, свистопляска.

Шестнадцать станций сразу говорят!
Прогноз погоды требуют из Спасска,
Охотск оглох,
С Якутией — разлад...

— Ну, ничего, сейчас их «вгонят» в нормы.

Что караваны? Вышли? С двух сторон?

— Идут, браток! На западе сквозь шторы.

А на востоке — льдам наперегон.

Идут. Сюда!..

Я слышу их в эфире,

Я вижу их в разбуженных морях.

Рыбачьи становья на Таймыре

Позолотила тёплая заря.

Зимовки, принаряженные к встрече,

Нетерпеливо бодрствуют и ждут;

Маршрут давно проверен и размечен.

Труби, прибор, труби! Они идут.

Плывут большие наши караваны.
А с ними жизнь сама плывёт сюда,
Весенний свет неся через туманы
В арктические бухты, в города,
В посёлки наших первых пятилеток,
Где новые зарницы поднялись,
Где вологжанин, мой далёкий предок,
Открыл вот этот Зыблющийся Мыс.

А он незыблем. Зыбко только море,
Но берега отечества тверды.
И мнится мне, истаяли в просторе
Тяжёлых лет расколотые льды.
На полюс тянет айсбергов остатки,
А в Заполярье флагов бирюза,
И от дальних гаваней до гаваней Камчатки
У маяков затеплились глаза.

И от Чукотки с утренним рассветом
Сигналят рейды, станции, посты,
Главсевморпуть, командующий летом,
Несёт для нас ожившие мечты.
За журавлями следом самолёты
Над головами нашими летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим мёдом тундру напоят.

АРКТИЧЕСКИЙ ПОРТ

Отбив атаку мутного прибоя,
Стеной граница поднят волнорез.
Знакомый флаг на мачте китобоя
Летит под сводом низеньких небес.

Частенько тут спасаются в отстое
Захваченные бурями суда.
На побережье, некогда пустое,
Глядит, дивясь, Полярная звезда.

Ещё причалы камнем не обуты,
Вода глотает щебень и бетон,
А к нам уже проложены маршруты,
Вступает в строй арктический затон.

Мы ставим порт у самой дальней грани,
На стыке вновь открытых берегов,
Где по утрам мираж рассветной рани
Мостит пролив кусками облаков.

Мы ставим порт — приюгом и заслоном
От штормовых внезапных непогод.
Под этим тусклым, тёмным небосклоном
Не заскучает больше мореход.

На край земли, к распахнутым воротам.
На перекресток сумрачных морей,
Выходят в рейс по северным широтам
Флотилии советских кораблей.

Дорога им по дедовскому следу,
По маякам постов передовых,
Где, трудовую праздную победу,
Зажглись сиянья бухт сторожевых.
И новый порт войдёт в сиянье это, —
Его огнями льды озарены;
Дыханьем нашим будет обогрето
Строительство окраины страны.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, тёмное,
Диким ветром взбаламучено.
Будто судорогой окручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами талыми;
Берега твои бескрайные,
Редки гавани причальные.

Но прекрасно, даже гневное,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.

Люди русские, — всегдашние, —
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чалились.
Не робели, не печалились,
Проторили тропы правнукам.
Нашим доблестным полярникам.

Имена их светят скромные,
Словно звёзды, в ночи тёмные —
Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И ещё с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

Плыву туда, где Беринг плыл, —
На рубежи,
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжёлый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведёт?

Быть может, Дежнева суда,
Навстречу мне,
Под ветром тянутся сюда
В крутой волне?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведёт эскорт.

Два ледореза впереди
Взметнули флаг.
Дана команда: «Подходи,
И следуй так».

Зарокотали дизеля.
Вперёд, вперёд!
Большая русская земля
Сигнала ждёт.

Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:
 Проходим Берингов пролив,
Отставших нет...

Отставших нет. Проверен путь,
Не нужен лот.
На всех путях удачлив будь,
Советский флот!

ПОДЪЕМ МОРСКОГО ФЛАГА

Корабельное время пришло на побудку.
Заливается боцманский свист:
Старый друг мой рокочет неистово в дудку,
По утрам он всегда голосист.

Вишь, как рявкнул у самой каюты!
Это значит, чтоб я не проспал,
Чтоб одеться успел за четыре минуты
И к поднятию флага попал.

Повинуясь порядку большого похода,
Торопливо бегу на корму,
Где упругие волны с бортов парохода
Снеговую трясут бахромю.

Море нынче в зыбучем, слоистом тумане,
И опять запоздала заря.
Только боцманский свист никогда не обманет,
И вставал я так рано не зря.

Как торжественны люди на вахте рассветной!
Вот ударили склянки. Гляди...
На железную мачту, родной и заветный,
Поднимается флаг впереди.

Он над судном парит золотыми огнями,
Герб отчизны могуче подняв.
Он, как солнце, свободно проходит морями,
Непогоду в пути обогнав.

Потому-то торжественно замерли люди
И у всех потеплели глаза.
Никакая пурга нас теперь не остудит,
Никакая не сломит гроза.

Поднят флаг.
А заря, как всегда, поздновата.
Хлещет ветер знобящей струёй.
В этот час сухопутное сердце солдата
Побраталось с матросской семьёй.

БУХТА АМБАРЧИК

Чем ты славишься, бухта Амбарчик,
Я пока никому не скажу.
Заколдованный северный ларчик,
Я с востока к тебе подхожу.

Но и тот, кто плывёт мне навстречу,
Ждёт твои голубые огни
И в июльский оранжевый вечер
И в сентябрьские серые дни.

О тебе говорят мореходы,
Ледоколы стремятся к тебе.
Ты встаёшь сквозь заслон ненагоды,
Угнездившись в прибрежной резьбе.

Неказисто кругом, неприглядно,
И суров после шторма прибой.
А полярному сердцу отрадно
Повстречать твой огонь молодой.

Лишь бинокли тебя обнаружат,
Посветлеет в пустынях ночных,
Забывается знобкая стужа
И коварство полей ледяных.

Заколдованный северный ларчик,
На далёком скупом берегу
Ты прославишься, бухта Амбарчик,
Честным словом поклясться могу!

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи,
Эмалевые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь это?
Но облачные перья
Не потеряли света.

А на часах двенадцать,
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся
Такие ж, как повсюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу заворожённый:
Чудесный свет лучится,
Бессмертием рождённый.

В теплеющем заливе
Заснувшего китёнка
Волна неторопливо
Качает, как ребёнка.

А дальше мать-китиха,
Полна большой заботы,
Фонтан пускает тихо
Под синие высоты.

С волною вместе лодки
На отмели вкатились,
И вот земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат или мой пращур,
Не знаю, кто встречает,
А сердце бьётся чаще
И другу отвечает.

Нам радостны приветы
Полночной этой жизни, —
Не ею ли согреты
Окраины отчизны?

Чукотские просторы,
Задымлённые кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

ЛЕДОВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Серые мокрые птицы
На борт садятся рядами.
Тусклое море дымится,
Сжатое грузными льдами.

Сея колючие иглы,
Тучи темны, как берлоги.
Ранняя осень настигла —
Пройдено лишь полдороги.

Тяжко вздыхают машины,
Гулко грохочет железо:
Рвёт голубые плешины
Вздыбленный нос ледореза...

В бочке, на мачте гудящей,
Вахту несую ледовую,
Словно бы в люльке висящей
Мчусь в пустоту штормовую.

Льды, и разводья, и тучи
Видно отсюда, как с горки.
А в телефоне хрипучи
Штурмана скороговорки:

- Как там?
- Да так, ледовито...
- Ладно идём?
- Без сомненья...

Мачта гудит басовито,
Судно полно нетерпенья.
Мне хорошо в непогоду:
Вахта на бочке — по нраву.
— Ходу, товарищи, ходу!
Пас не догнать ледоставу.

БОЛЬШОЙ ДИОМИД

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт пополуночи светел.
Не во сне ли всё я увидал?

Многоликие идолы-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках травяные узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солёно и пряно,
Зверобой сидят у костров.
Это племя детей океана —
Обитатели двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер, —
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почёта
Мясо мне подают на доске;

Вилки мы заменяем руками.
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками.
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои яркие краски.
Неотрывно гляжу в океан:
На мысах недалёкой Аляски
Истлевает вчерашний туман.

Говорят, тут проходит граница
Между прошлым и нынешним днём.*
Этот остров в проливе, как птица,
Озарился рассветным огнём.

И недаром сюда эскимосы
Приезжают с чужих берегов, —
Здесь долларовой взятки не спросят,
Кочевых не ограбят шатров.

Кто свободную землю увидел,
Не вернётся в туманную тень.
На советском Большом Диомиде
Начинается завтрашний день.

* Между островами Большого Диомиды (СССР) и Малого Диомиды (США) в Беринговом проливе проходит наша государственная граница и международная граница дня.

КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА

Будь я скульптором, честное слово,
Изваял бы его фигуру.
И гранит, может быть, сурово
Вплотил бы в себе натуру...

Вот он встал у командной рубки,
В задубелом морском кожане.
Горьковатым дымком из трубки
Потянуло в ночном тумане.

Седоватые брови хмуря,
Он читает радиосводки,
Где обещаны снова: буря
И сплошной ледогон с Чукотки.

Командиру это не в диво.
Пепел трубочный выбив за борт,
Принимает он терпеливо
Новичка аварийный рапорт.

Новичку первый рейс не шутки,
И на сердце, ей-ей, тревожно.
Дрейф идёт уже третьи сутки.
Зазимуем? Да разве можно?

Трое суток рычат турбины.
На винте обломилась лопасть,
Под кормой громяют льдины
И бездонная бьётся пропасть.

Меднолицый, широкоскулый
(Острый глаз в голубом накале)
Командир наш, всегда сутулый,
Распрямился вдруг на аврале,

Словно вырос он как-то сразу.
Даже поступь потяжелела.
Всё послушно его приказу
Он хозяин души и тела.

Всё живое на ледоколе
Поднял дух командирской силы.
Подчиняясь могучей воле,
Вахты смен себе не просили.

Мне теперь будет долго сниться
Дрейф ночной возле скал Чукотки:
Мокрый ветер и снег в ресницах,
Луч прожектора,
Скрип лебёдки,

И высоко, над верхней рубкой,
Я вижу и через годы
Силуэт человека с трубкой —
Победителя непогоды...

НАД КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДОЙ

Как спины каменных китов,
Овалы плоских островов
Внизу ныряют между туч...

Сегодня утром ветер жгуч:
Кидает клочьями туман,
В бугры взрывает океан.
Прибой намылив, островки
Распластывают плавники.

Буруны хлещут на камнях,
Кипит чешуйчатый размах.
Посадки бухта не даёт...

Тяжёлый гидросамолёт,
Завинчиваясь в высоту,
Разбрызгивает мокроту.
Перепотелое стекло
Дождём холодным обтекло.

Внизу — Курильская Гряда.
Ползут транзитные суда,
Рыбачьи катеры бегут.

Сигналы реют там и тут.
Живёт окраина, живёт!
Задумчиво глядит пилот,
Насупилась густая бровь.
Привиделось, наверно, вновь:

Грозовый сорок пятый год,
Осенний штормовой поход
И высадка десантных групп...

В туман, на остров Итуруп,
Вот здесь, с дождливой вышины,
Торжественно напряжены,
Нацелившись на тёмный мыс,
Десантники бросались вниз.

Зенитки лаяли внизу.
Два дня гремело на мысу.
Японский сдался гарнизон.

Он был бы вовсе истреблён,
Да оглушённый штурмом враг
Покорно поднял белый флаг,
И был салютом осяян
В то утро Тихий океан.

ВЕСНА ОКРАИН

И жизнь
хороша,
И жить
хорошо.
В. В. Маяковский.

ПРИЗЫВ К ТРЕМ СТИХИЯМ

Ты, море,
Порывом певучим
Ударь в предвесенние дни,
Раздвинь ледовитые кручи,
Сугробы снегов всколыхни.

Ты, ветер,
Рукою широкой
Сорви пелену облаков,
В пустыне моей одинокой
Затеpli огни маяков.

Ты, солнце,
Лучами обрызни,
Счастливым теплом напой
Окраины милой отчизны,
Холодные тундры мои.

Свой голос я к вам подымаю,
Великого отклика жду,
Навстречу желанному маю
В последнюю вьюгу иду.

ПОЛЯРНЫЙ ЗОВ

Думы, думы мои, смутьяны,
Вы приходите каждый год.
Горный ветер с верховьев Яны
За собою к морям зовёт.

Тёплой песней, ещё не петой,
Похваляются журавли.
Как противиться силе этой
Полюбившему край земли?

Пароходы уже в проливах.
Самолёты штурмуют высь.
На дорогах весны счастливых
Все друзья мои вновь сошлись.

Среди полночи утро встало.
Факел солнца неугасим.
Разве мне отставать пристало,
Старожилу полярных зим?

Нет, и я попрошу путёвку,
Инвалидный листок верну:
Пусть назначат меня в зимовку,
Чтоб я снова узнал весну,

Чтобы ветер с низовьев Яны
Журавлям подпевал за мной,
Чтобы думы мои, смутьяны,
Всколыхнули простор земной.

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это — башни, дворцы, терема,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, дома...

Ты мне скажешь, утёсы? Да что ты!
Это стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты..
Ты толкуешь: «Причуды камней».

Но вот это, конечно, не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шолом.

Там, подальше, стоят великаны:
Опустившись по пояс в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали!..
Дремлют палицы, спят бердыши.
На секирах насечки пропали.
Только копья ещё хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели
Это ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим — и не скучно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские воды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской советской стране!

ОЛЁКМИНСКАЯ ПРИСТАНЬ

Легки и серебристы
Над Леной облака.
Плывёт в туман пушистый
Просторная река.
И вдруг гудок басистый
Запел издалика:
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Встречай-ка земляка!

И вот летучий, быстрый,
Задорный ветерок
Прорвал туман пушистый
И вдоль и поперёк...
С вершины гор лесистых
Спустился городок.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань —
Заветный уголок!

Бегут, бегут навстречу
И люди и дома.
Всем сердцем им ответчу...
А где же ты сама?
И где твой шарф цветистый
В девической руке?
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань
На северной реке.

Подняв свою котомку,
По сходням прохожу,
Смотрю на незнакомку
И слов не нахожу.
Лишь взгляд родной, лучистый
Сказал, что это — ты...
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Далёкие мечты.

В тяжёлые годы
Мы закалялись, друг,
Блестят на нас седины...
Но солнечно вокруг.
Черёмуха душиста.
Прошла тоска зимы.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань
Опять счастливы мы!

ПРОВОДЫ ДРУГА

Б. Долгих

По широкому Енисею
Ветер гонит туманный след.
Заполярному Одиссею
Улыбается рассвет.

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов
Чахлой ивой да черноталом
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожаки.
От кочёвий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой,
И разорваны наши руки:
— До свиданья, товарищ мой!

Ты пройдёшь знатоком пустыни
В неизведанные края,
Под тобою протают льдины,
Но не дрогнет душа твоя.

Твёрдоглазый и смугловатый,
Ты пойдёшь за Полярный круг
Новым рейсом — в набег крылатый,
Победителем тёмных выюг.

И когда тебя скроют ветры,
Ты почувствуешь, как близка
Через чащи и облака,
Через тысячи километров
Дружбы ласковая рука.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ В СЕРГЕЛЛЯХЕ

Сыну моему Рюрику

Тёплые ручки на Сергелляхе,
Тёплая весёлая трава.
Небо в розовеющей папахе
В полночь затуманится едва.

Солнце не спускается за горы.
Березняк густеет с каждым днём.
Северные дальние просторы
Зеленеют бархатным руном.

И с утра до позднего заката
Радостно в Якутии везде.
Смуглые колхозные ребята
Плещутся в сиреневой воде.

Лагерь пионерский на пригорке,
Будто муравейник, хлопотлив.
И горнист трубит на каждой зорьке,
Жаворонка песню повторив.

В трусиках и в маечке с заплаткой,
Почернев на солнышке, как грач,
Перед штаб-квартирной палаткой
Бойко заливается трубач.

И, послушно детскому сигналу,
Лето продолжает свой поход:
Солнце, приготовившись к привалу,
Снова поднимается, идёт.

В ливнях согревающего света
Длится благодатная пора.
Зорькой пионерскою согрета,
Наша подрастает детвора.

Перед штаб-квартирной палаткой
Будущность выходит на дозор:
В трусиках и в маечке с заплаткой.
Маленький трубач сигналил сбор.

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний радующий день...
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло тёплые лучи.
— Здравствуй, друг мой! — солнцу
я отвечу...
И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим...

Там живёт хорошая, такая —
Поневоле можно полюбить.
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь — больше не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горностаю,
Коготь рыси, лебедя крыло,
Чтобы вместе с песней вырастая,
Наше счастье солнцем расцвело.

НАКАНУНЕ ЗИМОВКИ

Вечерних сосен разговор
В горах.
Закат раскинул свой ковёр
На янтарях.

Оранжевый стекает свет
В тайгу.
Я отыскал прощальный след
На берегу.

Где разлучились мы с тобой
В тот год,
Оставил выпел голубой
Пилот.

Флажок я поднял, стало вдруг
Теплей.
Я буду ждать, далёкий друг,
Весны твоей,

И восемь месяцев зимы
Наедине
И сто ночей полярной тьмы
Не страшны мне.

ПОЛЯРНОЕ ЛЕТО

На бледном небе, плавающем в зное,
Встаёт прозрачность солнечного шара,
И даже в полночь — небо золотое,
И берега в сверкающем пожаре.

Стеклянной зыбью взбученное море
В нагретый полдень манит на купанье,
Цветёт прибой в причудливом уборе,
И на песке холодное сиянье.

Посёлок пуст. На ловле поморяне,
Сырые избы выбиты ветрами.
Глухая верба падает и вянет
От зыбкой почвы, высланной камнями.

Чужие сети сушатся на палках
И прямо пахнут рыбою и псиной...
Седой помор проходит вперевалку,
Согнув свою натруженную спину.

А за посёлком тундровые дали —
Олений мох на солнце серебрится.
Там, на озёрах, гуси задремали,
И мошкара над кочками клубится.

В торфяники, за летним поселеньем,
Я прохожу сбивающимся следом.
Потоптан вереск стойбищем оленьим,
Дымятся сажей чумы самоедов.

Я возвращаюсь к полночи обратно:
У берегов карбасы на причалах,
Теплеет взморье бронзою закатной,
А солнце снова в окна постучало.

Белеет ночь. С далёкой рыбосолки
Доносит ветер запахи трески.
Мои собаки, тощие как волки,
Несут оттуда рыбные куски.

Иду туда. Там мурманские бабы
Ведут напевы сказочных былин,
В сырых корзинах ракушки и крабы,
А в бочках — мякоть жирных палтусин.

Тресковый пласт и водорослей плети
Мелькают в бойких жилистых руках...
Улов хорош. И завтра на рассвете
Суда уйдут на полных парусах.

И впереди, пузатыми бортами
Вспугнув казарок утренний полёт,
Ударит воду пенными валами,
Пока единственный, моторный бот.

1927. Мурман.

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Где рвутся свирепые норды
И низкою кажется высь,
Медвежьей, ощеренной мордой
Обвал опускается вниз.

И медленно в зёве обвала
Валами вскипает вода,
А небо куда-то прогнало
Свои голубые стада.

Кричат одиноко гагары
Над гладью застывшей воды.
Уходят в провалы, в пожары,
Полярные синие льды.

На зыбь наступили утёсы;
Велик и суров океан.
Плывёт в полыньи и торосы
Холодный, певучий туман.

1929.

— —

ЛЕДЯНЫЕ САДЫ

И тучи, и ветер,
И всплески воды.
В далёких просветах
Лиловые льды.

Белёсые чайки
На каменный мыс
Разбитою стайкой
Легко пронеслись.

И чудится мне:
У зелёной воды
Цветут в тишине
Ледяные сады.

Высокие горы
На Новой земле,
Холодным простором
Застыли во мгле.

Сквозь синий туман,
Неизмерен и дик,
Ползёт в океан
Первобытный ледник.

Чудовищной льдиной
С обрывов и скал
И белый, и синий
Грозится оскал...

А льды расцветают
Причудливей снов,

И отблеск сверкает
В разбеге валов.

Пингвин не кричит
У зелёной воды
И время хранит
Ледяные сады.

1926. Мурманский Берег.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

В чёрном небе
Даль в огне,
Лунный гребень
Снится мне.
Под горами,
Ледниками
Белый лебедь
На волне.

Покачулся
Небосвод.
Вихрь метнулся
Зыбью вод.
Цветом радуг,
Жёлтым градом,
Развернулся
Сад высот.

В тундре стылой
Мёртвый сон,
Чайки взмыли
На затон.
Над волнами
Бьют крылами,
Расцвели
Чёрный склон.

Тучи гаснут
Всё сильнеей.

Пена красная
Бледней...
Искры тают,
Облетают,
В свете ясном
Новых дней.

1926.

*Депутаты
тундры*

ДЕПУТАТЫ ТУНДРЫ

(Поэма)

Песня ненецких пастухов

Дети тундровых поселений,
Не жалейте ремней лосиных,
Выбирайте лучших оленей,
Тонкорогих, широкоспинных,
Самых сильных и быстроногих...
Пусть прославится наше стадо.
Для счастливой большой дороги
Самых лучших оленей надо.

Снег ложится на новоселья,
Все дороги для нас открыты!
Дети тундрового поселения,
Нарты праздничные берите,
Нарты писанные, резные,
Полоз с выгнутыми концами,
Нарты новые, разъездные,
Изукрашенные бубенцами.

Завтра утром поедет знатный
Гуртоправ наш — Калтан Бодонов,
Тундрой выдвинутый в депутаты,
От полярных оленегонов.
Он поедет подлеском частым
Прямо к Тясинской культбазе,
К избирательному участку...
Повезёт он с собой в наказе
Волю сердца ненецкой тундры,
Радость жизни ненецкой новой
И мудрейшему из мудрых
Благодарности нашей слово...

Нарты праздничные украсим,
Самых лучших впряжём оленей
И костров своих не погасим
На окраинах поселений.

По дорогам большим и малым
Снег ложится пушистой пеной,
По дорогам большим и малым
Мы погоним своих оленей.
Завтра праздник советской тундры!
Завтра праздник колхозной тундры!
Завтра праздник весенней тундры!
Завтра праздник свободных ненцев!

Калтан Бодонов — оленный пастух — едет на выборы

Пёстрые ленты по ветру вьются,
Ветру навстречу нарты несутся.
Сытые олени друг за другом
Топают копытами по застругам...

Лог, перелог,
Бугор, низина,
Мёрзлое озеро,
В снегу — трясина,
Кустарник,
Кочкарник,
Даль голубая.
Как широка ты,
Тундра родная!
Всё здесь знакомо
Вдоль-поперёк:
Каждое озеро,
Каждый лог...

Долгие годы неволи былой
В памяти встали метельной волной.

Здесь кочевали
Отцы и деды,
Счастья не знали
Друзья-соседы.

Чумы дырявы,
Оленей мало,
Соболь повымер,
Песца не стало;
Местный купец
Да шаман-скупец
Тундру родную
Зорили вконец.

Водкой купец торговал с прибытком.
Знахарь-шаман забирал пожитки.

— Пей, молись!
В три поклона гнись!..
Плакал бедняк
Не слезами — кровью,
Ехал бедняк
Горевать к зимовью,
Ехал бедняк
Бобылить, батрачить,
Чужие стада
На приплод артачить.

Солон, жесток кулацкий хлеб.
Батрачил отец, пока не ослеп:
Съела трахома отцовы глаза,
Мёртвой росой стала слеза.
Так и пошли они, вьюги, невзгоды —
Тёмные зимы, мутные воды.
Возле дверей у чужого жилища
Вырос Қалтан, бесприютный и нищий.
Холодно спать у чужих очагов!
Голодно жить у кулацких шатров!

Горькую долю приняв по наследству,
Батрачить Қалтан пошёл с малолетства:
Только одна у него дорога —
Гарь моховая, пастушья берлога.
Только одна у него забота —
Чтобы олень не ушёл с болота,
Чтоб хозяин не выгнал голым,
Чтоб не избил прутягом тяжёлым.

А жизнь проходила,
Кострами дымила,
Хозяйским обедком
Калтана кормила,
Обноском хозяйским
Его одевала,
Плёткой хозяйской
Его подгоняла...

Годы летят, как нарты с горы.
Память костром придорожным горит.
Ярче костёр пламенеет на старость:
В чумы приходит заветная радость.
Солнце блеснуло лучом Октября:
Шире и выше над тундрой заря,
Вихрем великим развеян туман.
Молодо голову держит Калтан,
Ветер играет его сединою —
Семьдесят зим над его головою.

Был он безвестен,
 бездомен,
 забыт,
Нынче Бодоново имя гремит:
Лучший пастух у колхоза — Калтан.
Гордо он едет на славный суглан*.
Много ещё в нём осталось задора,
Нет у него ни заботы, ни горя...

В лучшей упряжке,
На лучших оленях
Мчится он мимо ненецких селений.
Нарты обшиты багряным сукном,
Праздничный мех серебрится на нём,
Шуба блестит голубыми песцами...
Дружно олени трясут бубенцами.
Мимо кустарников,
Вдоль перелога
Лентой широкой

* Суглан — собрание, съезд.

Струится дорога.
Мимо ненецких свободных селений
К Тясинской базе несутся олени...

Тясинская культбаза — избирательный участок ненецкой тундры

На перекрёстке кочевых дорог,
Где зверолов встречал оленевода,
Валунный камень мамонтом залёг
На месте встреч ненецкого народа.

Отсюда шли аргишить через горы,
Ловить песцов брели на океан;
Здесь родовые распри и раздоры
Судил сутяга, бешеный шаман.

Но глубоко кочевий тропы взрыли
Нагую грудь болотистой земли,
И сколько «инородцев» ни крестили,
Их приучить к покорству не могли.

Народ ненецкий клял царя и бога,
Свою вражду и ненависть таил
И песни пел в кочующих дорогах,
У родовых стоянок и могил.

Встречает зверолов оленевода
На перекрёстке кочевых дорог, —
На месте встреч свободного народа
Валунный камень мамонтом залёг.

На месте встреч построена культбаза:
Широкие и светлые дома,
В которых отражается стоглазо
Сиянием полярная зима.

Здесь интернаты,
школы,
магазины, —
В просторе тундры новый городок, —
В глухом краю промёрзнувшей низины
Певучей жизни светится поток.

И у ненцев в каждой семье
Есть родной условный знак;
В каждом чуме, в каждом жильё
Хорошо его знает всяк.

Это подпись, печать семьи,
Называется он — т а м г а,
Этим знаком родные, свои,
Отличают друзей от врага.

Зверобой на деревьях тайги
Оставляет товарищу весть;
Рыболов по рисунку тамги
Узнаёт, кто на ловле здесь.

Пастухи ягельных болот
Режут метку в оленьих ушах,
И фактория счёт ведёт
По тамгам на песцовых мехах.

Житель тундры, юн или сед,
Путь-дорогу найдёт в пургу,
Знает грамоту или нет,
Но всегда прочтёт тамгу

В магазине культбазы с рассвета
Покупателей шумный ряд;
Покупают книги, портреты.
Буквари берут нарасхват.

Покупают внуки и деды.
Звероловы и пастухи.
Молодые друзья-соседы
Ищут пушкинские стихи.

Заявил продавцу Бодонов,
Что хотя и малограмотен он,
Книгу жизни правдивых законов
Покупает сегодня Бодон.

И ещё попросил Бодонов
Дать портрет ему, лучший, тот,
Где великий отец народов
Взором дружбы к себе зовёт.

К избирательному бюллетеню
Был приложен простой портрет
Славы нашего поколенья,
Вдохновителя всех побед.

Ветер Заполярья

В бескрайных просторах кочуют стада,
Косматые топчут мхи;
Весною, едва задымится вода,
Приплод перечтут пастухи.

На синих отрогах блистающих гор
Дороги кочевий слились.
Богатая тундра, широкий простор:
Работай, живи, веселись.

Мышкуют песок, куропатка летит,
Нерестится рыба озёр...
Посёлки колхозов на дальнем пути
Приветливо радуют взор.

Хозяина тундры — ненецкий народ, —
Весенняя песня, прославь!
Сегодняшний день заполярных широт —
Мечта, обращённая в явь.

Лихие столетья, ярмо кабалы —
Вчерашний несолнечный сон.
Сердца, пробуждённые светом, теплы
В заре величавых времён.

Жизнь — праздник труда,
и борьбы,
и побед...

Мечты и надежды сбылись.
Оставь на земле свой отмеченный след:
Работай, люби, веселись!

Проталины ширятся в снежных полях,
Могуче гудит ледоход.
Встречает весну молодая земля
И добрый хозяин — народ.

Служба погоды

СЛУЖБА ПОГОДЫ

Поэма

...вступая в ряды Вооружённых сил,
принимая присягу и торжественно
клянусь быть честным, дисциплиниро-
ванным, бдительным воином... до по-
следнего дыхания

Военная Присяга.

(Из Устава внутренней службы
Вооружённых сил Союза ССР).

1

На месте Кенигсберга встал Калининград.
Советский вымпел плещет в Порт-Артуре.
И я давно, как будто, не солдат...
Но боевая выучка в натуре.

Жизнь проверяет пропуск фронтовой
Возьмём анкету,
Наново заполним.
И если нас окликнет часовой,
Пароль объявим,
Лозунги напомним.

Мы держим сердце честно и открыто:
Оно в «запас» не выйдет никогда.
Ничто не будет сердцем позабыто,
Ничто в нём не исчезнет без следа.

Ты спишь сейчас на подступах к Петсамо,
 Закутанная тундровой пургой.
 Мерцающее, радужное пламя
 Полнеба опоясало дугой.
 Легчайшие, прозрачные пушинки
 Над холмиком могильным шелестят.
 Согбенные берёзы-нелюдимки
 Серёжками хрустальными блестят.
 Как холодно!..

А, помнишь, как с тобою в Институте
 Синоптикою мы оба увлеклись*,
 Погоду изучая на маршруте,
 Который нам прокладывала жизнь?

И, помнишь, как потом мечтали
 Уехать на Чукотку зимовать
 И пальцами дрожащими листали
 Челюскинца знакомого тетрадь?

Пусть до Чукотки мы не дослужили,
 Путёвки были только на Таймыр.
 Тепло нас привечали старожилы,
 Лелеяла Восточная Сибирь.

Я помню нашу первую зимовку.
 Шестидесятиградусный мороз
 Потребовал особенной сноровки:
 Ошибочен был первый наш прогноз.

Был уговор у нас — не зазнаваться.
 В «краткосрочных»
 Ты ушла вперёд.
 А мне хотелось, надобно признаться,
 Погоду предсказать на целый год!

* Синоптика — современная наука предсказания погоды. Отсюда синоптик — учёный специалист, работающий в области составления прогнозов (предсказаний) погоды. Прогнозы различаются «краткосрочные», например, на текущий день, на следующие сутки, за несколько дней вперёд, и «долгосрочные» — за несколько недель, месяцев и т. д. (Примечания автора).

Однажды погордились мы «ошибкой».
Я — сына предсказал, как все отцы,
Ты — дочь ждала и спорила с улыбкой.
А вышло, что родились близнецы:
И дочь, и сын.

Они уж пионеры.
По-взрослому со мною говорят.
Сын хочет быть «пилотом стратосферы»,
Дочурка собралась растить на тундре сад.

Я верю, их мечты осуществимы.
Судьба не будет мачехой для них.
Заботами отечества хранимы
Мечтания наследников твоих.

А ты лежишь на подступах к Петсамо,
И не ответишь мне...
Прощай, прости!
Пурга гремит жестоко и упрямо,
И долго мне тебя не навестить.

3

Работа. Дети. Горькое сиротство.
Я думал, что не выдержу.
А вот,
Стихиям и страданиям в превосходство,
Прогнозы ставлю твёрдо, пятый год.
Ошибки стали реже.

В кабинете,
В Бюро погоды
Видно мне сейчас,
Как ураган подходит на рассвете,
В твою холодную постель стучась.

Грохочет ночь.
Я вижу и с Чукотки
Едва заметный белый бугорок,
Прижатый камнем краешек пилотки,

Расколотого деревца кусок,
И звёздочку со ржавью, жёсткую,
Осыпанную пылью снеговой,
И надпись неуклюжую, простую
Над бедною твоею головой.

Как эта надпись кратка и сурова!
За десять тысяч вёрст её видать:

Людмила Николаевна Багрова,
сержант-синоптик части «205».

И всё...

И даже не заплакал я, как будто.
В последний раз тебя поцеловал.
Потом работал, помню очень смутно;
Хотя прогнозы ясные давал.

Не вспомнить только час, когда тебя убили.
Не записал в дневник.
Но, знаешь ты сама,
Ведь было наступление, Людмила,
Была такая грозная зима.

Воздушная эскадра в эти сутки
Не дождалась семнадцати машин.
Я сам запрашивал метеобудки,
Определяя утренний режим.
Он был ужасен.

В штабе все молчали,
Когда я объявил прогноз в «ноль-ноль».
И ты поймёшь, что все мои печали
Влились в большую яростную боль.
Мы потеряли много в этот день.

И, всё же,
Торпедоносцы справились с врагом,
А путь назад... для них был невозможен:
Циклон взревел —
На триста миль кругом.

...Через неделю, в сумерках дымящих,
На леденелом, тёмном берегу
Оплакал я и лётчиков пропавших
И бедный холмик, спрятанный в снегу.

4

На Крайнем Севере погоду делал дьявол.
(Так говорят легенды якутов).
И кто в Чукотском море нынче плавал,
Поверить будет этому готов.
Все наши предсказания браковались.
Восточный Сектор получил упрёк из Центра.
А районы надрывались,
Покуда летний шёл грузопоток.

Весь август каменела ледяная прорва *.
Сентябрь разводья дал у берегов,
План перевозок не был сорван
Благодаря упорству моряков.

Вся Арктика соревновалась с ними.
Морские перевозки в этот год
Казались мне делами фронтовыми.
Скажу одно: гвардейский был поход!

Тяжёлый шаг линейных ледаколов
Пробил дорогу транспортным судам,
И дьявол севера от пристаней и молов,
Ощерясь, отступил по собственным следам...

Как делает погоду дьявол?
В сказке — просто.
На Оймяконе буйством холодов * *
Мерзлотной, нарастающей коростой
Он держит влагу западных ветров.

* Август—сентябрь, наиболее судоходные месяцы в Восточной Арктике.

** Оймякон — район Северной Якутии, где недавно определён мировой «полюс холода». Ранее «полюсом холода» считался соседний район Верхоянска.

В какие-то невидимые щели,
Загнав Гольфштрема греющий поток,
Матёрым льдом с последней параллели
Открытые проливы заволок.

Спрессованную полюсную стужу,
Охапками рассыпав на легу,
Он в Океан ворвался, словно в лужу,
И спрятался в густую темноту.

Но это сказка, или полусказка.
Проделки дьявола нам видимы всегда.
Метеосводок подлинная связка
Погоду нам покажет без труда:
Опишет то, что было или стало
В любом квадрате карты СССР.

Однако этого сегодня мало...
Что будет завтра?
Или, например,
Через неделю, месяц или полгода?
Где будет тихо, где рванёт гроза?

Грядущего неведома погода.
Её-то нам и надо предсказать.

5

Поэзию и точную науку
Объединяет кровное родство.
И, проходя сквозь творческую муку,
Чудесное рождается мастерство.

Поэт — всегда синоптик по природе,
Синоптик — по профессии поэт.
Они заране мыслят о погоде,
Которой еще не было и нет.

Хотя не совершенны предсказанья
(Синоптика — наука молода),
Но разуму высокого дерзанья
Поможет ваше сердце иногда.

Оно подскажет многое такое,
Чего метеосводки не дадут.
И тайное, быть может, роковое,
Чего ещё не ждали и не ждут.

Используйте, друзья, военный опыт,
Кровавую науку прошлых лет.
Пусть ваша память мужественно копит
Сигналы поражений и побед.

Не забывайте павших!
Наши дети
Сиротеть вторично не должны.
Любую бурю грудью надо встретить,
И предсказанья верные нужны.

На всех границах, внутренних и внешних,
На суше, в море, в воздухе, —
Всегда.
В сиянье полдней, в сумерках кромешных
Погоду не на месяц,
На года
Обязаны мы знать.
И без ошибок
В очередном прогнозе изложить.
Циклон прошёл. Но климат Мира зыбок,
И нам, синоптики, придётся послужить.

6

Земля Советская!
Великая Полярная Держава!
От Печеньги к Курильским островам
Прошла её полунощная слава
По всем проливам, рекам и морям.

Тропинки первых русских мореходов.
Казачий поиск, ошупью, во льдах.
Столетия отчаянных походов.
Могилы на потерянных следах.

Всё взято с бою!
Натиском, упорством,
Подвижничеством дедов и отцов,
Самоотверженным российским благородством,
Отвагою и волей храбрецов.

Всё взято честно,
Доблестно, открыто:
Вся Арктика освоена трудом
Людей, чьи имена не позабыты,
По чьим путям и нынче мы идём.

Подвижников бессмертная плеяда!
Светлейшие зарницы-имена!
Вам суждена достойная награда —
Всех вас увековечила страна.

Семён Иванович Дежнев.
Беринг Витус.
Лаптёвы.
Прончищев.
Седов...*

И в этот ореол
Вошли челюскинцы,
Папанинцы,
И наш воздушный витязь —
Валерий Чкалов, северный орёл.

И ты вошла в бессмертие, Людмила.
В созвездии хранителей мечты
Ты мне дорогу жизни осветила,
Я снова у арктической черты.

7

Вот я и дослужился до Чукотки.
А ты... со мной не будешь зимовать,
Не будешь поджидать ночные сводки
И некого мне больше ревновать.

* Первоисследователи Русской Арктики.

И голос твой я больше не услышу,
Украдкою тебя не обниму.
Ты спишь,
Вокруг тебя метель снега колышет.
Не холодно ли сердцу твоему?

Я бы согрел тебя своим дыханьем,
По-юношески снова бы любил...
Вернись!
Мне больно жить скупым воспоминаньем,
Ведь впереди ещё вторая жизнь.
И я любви твоей, клянусь, достоин буду.
Я не запью и не сойду с ума.
А в смертный час печаль свою забуду.
(Тогда придёт спокойная зима).

Я потерплю, я выдержу, Людмила!
За жалобы меня ты не кори.
Бывает, знаешь...
Вьюга так уныла,
И мне, вдовцу, не спится до зари.

Вдовец!
Какое пасмурное слово.
В нём горький привкус
Траурных седин,
Безлюбья,
Одиночества ночного...

Но я с детьми. Я в доме не один.
Благодарю тебя, моя Людмила,
Твое наследство я оберегу.
Ты щедро за любовь вознаградила,
Я не останусь у тебя в долгу.

Всё будет так, как мы с тобой мечтали.
Полярниками выращу детей,
Утешу их сиротские печали
Заветом светлой памяти твоей.
Я приучу их к всяческой погоде:

Чтоб стойкими, упорными росли,
Солдатами бывальыми в походе
Невзгоды стойко все перенесли.

Во сне они сейчас бормочут: «мама...»
А утром на портрет твой поглядят.
Им всё понятно:
Ты убита под Петсамо,
Под Печеньгой,
Пять лет тому назад.

Они все помнят.
Может и с Чукотки
Им видно, даже явственней, чем мне:
Прижатый камнем краешек пилотки,
И мамина могилка на войне.

Твоя медаль
«За Оборону Заполярья»
Спокойно в детской комнате лежит.

Циклоны Западного полушарья
Не перейдут за наши рубежи.

8

Новёшенькою картою сверкая,
Сынок вчера устроил мне аврал:
— Да, разве наша Арктика такая?
А где Норильск*?
Куда он запропал?

Дочурка, иронически-обидно,
Показывала пальчиком пятно,
Что означало тундру, очевидно:
— Ты знаешь, папочка,
Тут Новый Порт давно!
Взгляни-ка...

-- Да, действительно, неладно
Ветхозаветно что-то...
Как-никак,
Не школьникам, а всей стране досадно:

* Город Норильск — один из крупнейших новых заполярных центров
Восточной Сибири.

Пробел на карте — вовсе не пустяк!
Учебник географии стареет
Покамест напечатают его,
А составитель высказать не смеет,
Что жизнь вперёд уходит без него.

Пока ещё корректоры, зевая,
Вставляют запятые перед «и»,
На пристани неведомого края
Причалили вторично корабли.
Пока ещё готовят переплёты
И тиражей дожждётся Учпедгиз,
Освоены высокие широты,
И рельсы в Заполярье прорвались.

Фундамент довоенных пятилеток
Достроила на Севере война.
Но в хронике спецкоровских заметок
Гигантская картина не видна.

Что пишется о Севере?
Морозы.
(Ну, ясно, нет тропической жары!)
Олени.
(Есть олени, и оленсовхозы!)
Охотники.
(Здесь промышляют даже маляры!)

А что еще?
Пессы, медведи, льдины,
Собаки, чумы, лодочки, моржи..
Ну, словом, архидревние былины.
Вы спросите: «а чем их освежить?»
Не спорю, описания, правдивы.
Да разве это всё?
Нет!
Школьники правы:
Описывая Арктики заливы,
Дополните ещё две-три главы.

«Челюскин» принял гибель не напрасно.
 Папанин не для спорта дрейфовал.
 Теперь географ может безопасно
 Перелететь за Северный Урал,
 Заночевать, допустим, под Картымом,
 А через двое суток в Уэлькан,
 Где Дежнев-Мыс стоит неборимо,
 Отбив щитом аляскинский туман.

И даже при таком вот перелёте
 Географ бы заметил без труда:
 Полярный Круг — в весеннем повороте.
 Не стойбища шумят, а города.

Географ, загляните в наши школы,
 На станции полярные, сюда!
 Порадуйтесь, как люди-новосёлы
 На тундрах оседали навсегда.

По-русски оседают: домовито,
 Со всем своим семейным багажом,
 Со всей роднёй,
 И с тем советским бытом,
 Который мы законно бережём.

Сдают зачёт вторые поколения,
 Здоровых сыновей и дочерей.
 Таких ребят, полярников с рожденья,
 Которым Север их всего милей.

Отрадней им затундренные дали,
 Просторы океанской стороны.
 Они здесь радость жизни увидали
 И будут солнцу Арктики верны.

Географы, приблизьтесь к нашей яви!
Ведь компаса стрелу не повернуть,
И, говоря о северных просторах,
Пора в учебники ввести Главсевморпуть.

10

Я не имею родословной.
Дед батрачил,
Гонял плоты по Северной Двине.
Отец на рыбных промыслах маячил.
И утонул в неведомой волне.
Под парусами шхуночки ловецкой
Мальчишеская плавала заря.
На Мурмане,
В моей просторной детской,
Бродягой юнгой дожил я до Октября.

Потом ликбезы, курсы и рабфаки,
И, наконец, заветный институт,
Который все полярные вояки
Отцовским домом с нежностью зовут.

И, в самом деле, там усыновляли:
Учили душу,
Сердце берегли,
А после в дальний путь благословляли,
Во все края затундровой земли.

Там повстречалась мне моя Людмила.
Наука предсказаний и примет —
Синоптика — с любовью породнила:
Мы кончили особый факультет.

Затем пять лет зимовок..
Да, в анкете,
Вы говорите,
Надо повторить
Всё, что в военном значится билете, —
Иначе рвётся фабульная нить?

Вам нужен возраст?
Сорок лет.
Что дальше?
Партийность?
Большевик.
Каков партстаж?
С тех дней, когда мы на походном марше
Сказали северному дьяволу: «шабаш».

Не принимаете метафор?
Ставлю дату.
Март. Тысяча девятьсот тридцать девятый год.
Чем вы удивлены?
Забывчивость по штату
Нам не положена, товарищ патриот.
Давайте, проведём политбеседу.
«В те дни был Восемнадцатый Партсъезд...»
Ну вот и вспомнили.
По солнечному следу
Пошла тогда весна далёких мест.

Да, да, я говорю о директиве,
В ней съезд приказывал:
Немедля развернуть
Весенний фронт в Арктическом массиве,
Командовать назначен был Главсевморпуть.

11

Главсевморпуть!
Посельщик заполярный.
Бессонный сторож полюсных широт.
В ночных морях прожектор лучезарный.
Горячий вымпел, рвущийся вперёд.

Главсевморпуть!
Советский мореходец,
Рыбак, оленевод и китобой,
Электрик, лесоруб, горнопроходец, —
Владеющие сушей и водой.

Главсевморпуть!
Учитель, медик, лётчик,
Шофёр, радист, кессонщик-водолаз,
Литейщик, зверолоз, водопроводчик.
(Синоптика я ставлю здесь в «запас»).

Главсевморпуть!
Художник и профессор,
Строитель, астроном, экономист, —
Содружество ремёсел и профессий.
И я, его поэт-пропагандист.

12

Немецкий снайпер был разорван миной,
Примерно через час
После того, как он тебя убил,
Тот выстрел был его последним...

Над равниной
Чуть брезжило.
Морской прибой рябил
Свинцово-маслянистыми валами.
Позёмка раздувала белый прах.
Мотали тучи серыми полами,
Передний край постреливал впотьмах.

Оттуда мне и позвонили...
Твой приятель
Гвардеец-лейтенант сочувственно басил
О том, как минометчик-наблюдатель
Прямым накрытием немца «погасил».

Покашляв, лейтенант спросил погоду
И, вдруг, разъединили телефон...
Арктическому дьяволу в угоду
На Печеньгу надвинулся циклон.

Сумятица в эфире. Грохот ветра.
Крутящиеся ленты телеграмм.
И где-то близко, за два километра,
Тебя везут на нартах по снегам.

Везут ко мне — прощаться...
Как я встречу?
Об этом и помыслить я не мог.
Командующий ждал: что я отвечу?
Прогнозы все оправдывались в срок —
Была надежда на ошибку...

И напрасно.
Я знал, что не затихнет ураган.
Сухие цифры говорили ясно —
Взбесился Ледовитый Океан.
Торпедоносцы не могли вернуться с моря.

Семнадцать экипажей — без следа!
Крупинку моего большого горя
Не сразу я почувствовал тогда.

Начштаба дал мне отпуск —
Два часа страдания.
Когда работал, боль была глухой.
А тут... могила, мука расставанья...
И этот снег, назойливый, сухой.

Всё сердце мне насквозь запорошило.
Пока ты уходила от меня.
И долго-долго голову кружило
От вспышки автоматного огня.

Две «очереди» скромного салюта.
Обратный путь, отчаянный, без слёз.
Горбатая, томительная смута
Со мной уселась вместе за прогноз.

13

По виду, говорят, я был в порядке.
Работал, как обычно, по часам.
Курил, обедал, спал на плащпалатке.
И лишь никак не мог проснуться сам, —
Меня будили силой.
А спросонок

Мерещилось, что я лежу в снегу,
Среди спирально-выющихся воронок,
Лежу и приподняться не могу.

Врачи зовут такое состоянье шоком.
Не знаю, так ли... Ясно только мне:
В холодном отупении глубоком
Без смерти можно согнуть на войне.

Я одеревенел совсем, Людмила.
Погиб бы я тогда, наверняка.
Да помогла мне дружеская сила,
Товарищества тёплая рука.

Моё непоправимое несчастье
Не выросло в калечащий недуг,
Суровое солдатское участие
Невидимо затеплилось вокруг...

Какие-то посылки собирали
И спрашивали адреса детей.
Знакомые радисты с магистрали
К чему-то мне послали сухарей.

Огромный ворох ёлочных игрушек
Откуда-то доставил медсанбат.
Передавая сказочных зверушек,
Посыльная сказала: «для ребят...»

Пять лет прошло в надежде, и в тревоге.
Проверив сердце тысячей невзгод,
Стою я на арктической дороге
Разведчиком невидимых погод

Весеннее предвидя наступленье,
Зарю встречая в бездне темноты,
Держу я боевое охраненье
На подступах высокой широты.

Ещё не совершенны предсказанья
(Синоптика — наука молода),
Но разуму окрепшего дерзанья
Поможет сердца опыт иногда.

Поможет наша воинская дружба,
Рождённая победами в борьбе.

На службе я. Но разве это служба?
Моя работа — памятник тебе!

14

По островам ночного океана,
Вдоль берегов разбуженных морей
Встречают нас, всплывая из тумана,
Столпы пирамидальные камней.

Уложенные чьими-то руками
Они далёко в небо ворвались,
Как будто тёмный выщербленный камень
Подняться хочет в солнечную высь.

По-беломорски столп зовётся «гурий» *.
Откуда это прозвище, бог весть.
Но в тех краях, где слишком часты бури,
Заветное во всём значенье есть.

Столпы такие ставились извечно
По перепутьям встречи и разлук,
Над павшими в страданиях скоротечно,
У перекрёстков бедствия и выюг.

Столпы перебратались с маяками,
Как памятники встали — навсегда.
Их тысячи стоят над берегами.
А, впрочем, кто считал их и когда?..

И лишь сердца полярных капитанов
Хранят их, как сигнальные огни.
Да штурманом в маршруте караванов
Заботливо отмечены они.

* Гурий — так называются на всём Крайнем Севере груды камней, уложенные наподобие колонн. В советское время «гурии» ставятся экспедициями как условные гидрографические знаки; это же назначение выполняют и старые «гурии». именно столпы в подлинном значении этого русского слова.

Поставлю я тебе высокий гурий.
Родная, ненаглядная жена.
Такой, чтобы в пылающей лазури
Судьба твоя была отражена.

Пусть будешь ты, на взморье заполярном,
Сегодня и пять тысяч лет потом,
В созвездии героев легендарном
Как звёздочка над Северным путём!

15

Когда-нибудь, припомнят эти годы
Поэты совершеннее, чем я.
Синоптикам устойчивой погоды
Останется лишь лирика моя.

Но до отставки мы не дослужили.
Туманность застилает кругозор.
Прошла война.
Бураны откружили.
А климат Мира зыбок до сих пор.

Просматривая рубрики газеты,
Прогноз как будто ставить мудрено.
Однако и случайные приметы
Не спрячутся сегодня под сукно.

В Аляске копят атомные бомбы.
Испытывают танк в гренландском льду.
В метельные зарывшись катакомбы,
Авианосцы «черчиллей» идут.

Куда они идут?
Почти на полюс!
Что надо им?
Там вовсе не курорт,
Десантники спустились в снег по пояс.
Военная игра?
Новейший спорт?
Понятно!

Только бомбы атомные ваши
Рекомендуем
Сдать в архивы, господа.
Атолл Бикини можно ошарашить *,
Но здесь не юг.

Тут подмандатных территорий нету.
На Север Азии — у нас лежит мандат.
И, если вы не верите поэту,
Тогда я заявляю, как солдат.

Наш Север, от Петсамо до Чукотки
Зарницами Победы осиян.
Всё взято с бою,
Жертвами, трудами...

И, если где-то ветер посвежел,
Поднимем Солнце выше надо льдами,
Циклон остановив на рубеже.

* Атолл Бикини — коралловый остров в Тихом океане, где американской военщиной были проведены демонстративные испытания атомных бомб.

*Резьба
на бивне*

РЕЗЬБА НА БИВНЕ

Поэма

1

Ночью беззвёздной зимней,
Чукча старый, Альтак,
Резчик мамонтовых бивней
Мне рассказывал так:
«В котле, распарена в меру,
Податлива стала кость.
Бери кусок — по размеру
Чтоб замыслу впору пришлось.
Творенье не любит шума,
Слова не нужны тебе:
Любая мастера дума
Слышна в его резьбе...»

И вот, горбатый обрубок
Качнулся вперед-назад.
От наших горячих трубок
Поплыл синеватый чад;
И ночь поплыла куда-то,
Должно быть пурге во след;
И вспыхивал скуповато
Коптилки неровный свет.
И так полетело время:
Недели, месяцы, дни...
Чуть только сгустится темень,
Мы с мастером вновь одни.

Из шумной радиорубки,
С дежурства, сквозь снег и тьму,
Учиться точить обрубки
Захаживал я к нему.
Я стал вырезывать кубы,
Потом небольшие шары,
Потом угловаты и грубы
Игрушки для детворы.

Насечка простых узоров
С трудом удавалась мне,
И часто, стыдясь зазоров,
Работу я жёг в огне.
Казалось, не так, не этак
Рисунок ложится мой;
Пунктиры несложных клеток
Маячили передо мной.
Пугаясь глубин объёма,
По плоскости резал я,
И тут, у краёв излома,
Крошилась резьба моя.

В руке долотцо дрожало,
А лезвие вкривь и вкось
Тянуло стальное жало,
Дробило тугую кость.
Сомнение, как похмелье,
Мешалось то там, то тут.
Не кончив одно изделие,
Я брался за новый труд.
Ведь замыслов было много,
И думалось — все легки!
Быстрее создать манило...
Но всё крошилось в куски.

Менял я обрубки кости,
Отбрасывал грубый брак,
И ждал в непонятной злости:
Не скажет ли что Альтак?
А мастер, всё с тем же бивнем,
Поскрипывал и сверлил,

И лишь на исходе зимнем
Нежданно заговорил:
«Гляди, завершаю дело!..»
Он поднял кусок клыка,
В котором как бы желтело
Сиянье издалека.

На нём было много вмятин,
И я не успел понять
Прорезов, углов и пятен,
А мастер сказал опять:
«Гляди, ты увидишь судно...»
Три раза ударил нож.
И стало мне как-то чудно,
В душе колыхнулась дрожь.
Я сразу заметил шхуну,
С серпом и молотом флаг...
Попутной волной в лагуну
Свой замысел вёл Альтак.

Источенный нож буравил,
Похрустывал плотный клык.
В искусстве не было правил,
Но знал мастерство старик.
Когда, уже перед рассветом,
Отделку закончил он,
Я понял каким поэтом
Был старый Альтак рождён.
Модель промысловой шхуны
Легла на его руке,
И возле бортов буруны
Завихрились в завитке.

Сквозь сеть костяных хрусталин,
В звезде пятилучевой
Взглянул задумчиво Сталин,
Прищурившись, будто живой.
Я знаю вождя портреты
И в бронзе, и на холстах, —
Знакомые всем приметы
В скульптуре, в плоскостях.

Но здесь было всё иначе:
Не контур, не горельеф.
Резьбою едва обозначен
Рисунок был, как напев.

Прекрасный, неуловимый,
Тончайший ложился штрих,
И образ, почти незримый,
Звучал, словно яркий стих:
Он всё заполнял собою —
Величественной светлотой,
Невыдуманной красотой —
Душевною теплотой.
И всё это было просто,
Размером всего — с ноготок:
Пластинка прозрачной кости,
Резьбы кружевной виток.

2

Искусство кажется — чудом.
Так многие говорят.
Секрет мастерства под спудом
Лежит, как волшебный клад.
А где здесь секрет, — какой он?
Взволновано сердце, — чем?..
Вот мастер, старик, спокоен,
А слёзы в глазах, — зачем?
А сам-то зачем я плачу,
Созданию дивясь его?
Свою позабыв неудачу,
Радуюсь я, — отчего?

Откуда сила творенья
Беспомощного старика?
Каким резцом вдохновенья
Водила его рука?
Изделий схожих немало
Встречалось и прежде мне,
И там мастерство бывало,
Доступное лишь во сне.

Но тут, на краю планеты,
В исходе метельных дней
Весенней зари отсветы
Сверкнули в душе моей.

Я чувствовал ясность темы:
Ведь Сталин — весна и свет!
Об этом поют поэмы
И прошлых и нынешних лет.
И в этой резьбе величье
Правдиво отражено,
Простое вождя обличье
Чудесно воплощено.
Так только талант иль гений,
Раскрыв себя целиком,
Находят черты сравнений
Художническим языком.

Есть высшее счастье в жизни —
Своим показать трудом,
Что к зодчеству коммунизма
Ты шёл всегда за вождём,
Что каждою каплей крови,
Каждым вздохом своим,
Мыслью, делом и словом
Был нераздельно с ним.
В годы тягот и бедствий,
В годы победных дел,
После себя наследство
Миру создать хотел.

3

...Пока я курил, мечтая,
Альтак положил модель,
Поставил котёл для чая,
Присел на свою постель.
Растроганный необычно,
Он, будто помолодев,
Баском хриповатым зычно
Рассказывал нараспев:

— Удачи и неудачи
Бок о бок с нами идут.
Способность многое значит,
Но главное всё же — труд!

Конечно, талант — с рожденья!
Незрячему — всё темно,
Глухому и землетрясения
Услышать не суждено.
Один не чувствует линий,
Красок не видит иной,
Третьему крик журавлиный
Невнятен даже весной.
Но есть у каждого дело,
Дороже себя всего,
Призвание наше велело
Усердьем познать его.

Мы все начинаем с кубов,
Как резал всю зиму ты.
Талантливость трудолюбов
Выгранивает мечты.
Бывает, что эти кубы
Не сможешь и перейти:
Как мамонт, теряя зубы,
Состаришься ты в пути.
Иступишь ножей десятки,
Истратишь весь пыл страстей,
А видишь одни загадки,
Да мёртвый оскал костей.

С годами приходит опыт.
(Приходит и холодок!)
Рука напряженье копит,
И ты создаёшь виток.
Проявится чувство меры,
Сдружится с тобою резец:
Начнёшь понимать размеры,
Приглядывать образец.
В просторах трёх измерений
По разному ходит всяк.
Всегда лучом дерзновений
Отметится верный шаг.

Наступит пора такая,
(Достигнешь её и ты!)
Мертвейшую кость ссекая
Живые родишь черты.
Всё то, что под пеплом тлело,
Костром запылает вдруг.
Настойчиво, чисто, смело
Прорежется ясный звук:
Твоё запоёт искусство,
Полярный огонь блеснёт.
Учись выращивать чувство,
А разум своё возьмёт.

4

Модели судов, фигуры,
Я с детства точить привык.
Любые свои натуры
Я быстро врезаю в клык.
Ты видел, этой зимою
Работалось мне не так:
Как будто медлил с резьбою
Твой друг, косторез Альтак?
Рассказываю не скрывая,
Волнение пойми моё:
Шхуна ведь не простая —
Сталин ведёт её!

Лик вождя вдохновенный,
В звезде пятилучевой
Высится над вселенной,
Радостный, огневой.
А я вот всплакнул с тобою,
Ты думаешь, почему?
Исполнилось прошлой зимою
Семьдесят лет ему,
Семьдесят зим тогда же,
В тот день, исполнилось мне...
Позёмка времени глаже
Ложится по седине.

Только молодость вечна.
Но Сталин — молод всегда!
Слава его бесконечна,
Негаснущая звезда.
Нет на земле человека,
Который не знал бы о нём.
Светоч нового века —
Так мы его зовём.
Сила сталинской жизни
Познаётся вновь и вновь.
Отца счастливой отчизны
Славит моя любовь.

.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Поэт Анатолий Сергеевич Ольхон родился в 1903 году, в семье рабочего обувной фабрики в г. Вологде. Трудовую жизнь начал после окончания четырёхгодичной «приходской» школы. Работал «мальчиком» в магазине, певчим в хоре, рабочим на сплаве леса, сортировщиком книжного склада. Октябрьская революция открыла возможности дальнейшего образования: поэт работал в советских учреждениях и с перерывами учился, закончил среднюю школу, ряд курсов и педагогический институт.

Анатолий Ольхон прошёл сложный творческий путь от корреспондента молодёжной газеты до профессионала-писателя. Стихи писал с детства. Печататься начал в 1924 году в комсомольской газете «Юный Строитель» (Вологда). В 1926 году редакция этой газеты выпустила отдельным изданием его поэму «Тундра», после чего поэт полностью переходит на литературную работу. В качестве корреспондента газет и журналов Анатолий Ольхон совершает ряд длительных поездок по Крайнему Северу, Средней Азии, Закавказью, Сибири и Якутии. Журналистская работа помогла писателю глубоко ознакомиться с жизнью родных окраин. В годы 1926—1950 стихи, поэмы, очерки и др. произведения Ольхона появляются во многих альманахах, журналах и газетах центра и периферии. Переводы некоторых произведений печатаются в коммунистических изданиях за границей. В издательствах СССР вышло более 40 книг стихотворений, поэм, переводов, очерков и др. литературных работ Анатолия Ольхона, общим тиражом свыше трёхсот тысяч экземпляров.

Наиболее известными книгами поэта являются: «Далеко, в стране Сибирской» (1939), поэма «Енисейская легенда» — о пребывании тов. Сталина в Туруханской ссылке, вышедшая двумя изданиями в Сибири и впоследствии неоднократно перепечатывавшаяся в различных сборниках, поэма «Ведомость о Чернышевском» (издана в Иркутске, Новосибирске и в Якутске в 1941, 1943, 1946 и в 1948 гг.). Итоговыми работами Анатолия Ольхона являются сборники стихов «Байкал» (Москва, «Советский Писатель», 1945), однотомник «Стихи и поэмы за 20 лет» (Иркутск, ОГИЗ, 1946), «Восточный Сектор Арктики» (изд-во Главсевморпути, М.—Л., 1949), «Окраины Милой Отчизны» (ОГИЗ, Иркутск, 1948; второе издание «Советский Писатель», Москва, 1950).

Переводческие работы Ольхона наиболее полно представлены в его книгах: «Песни Дальнего Севера» (1946), «Северное сияние» (1947), «Источники песен» (1948). В этих книгах собраны переводы фольклора и национальной поэзии якутов, бурят-монголов, эвенков и других народов Восточной Сибири. На Всесоюзном конкурсе детской книги, за пере-

вод и обработку для детей военных легенд якутов, Ольхону присуждена поощрительная премия («Созвездие Смелых», Детгиз, Москва—Ленинград. 1948). Из прозаических переводов необходимо отметить перевод с якутского романа Эрилика Эристина «Марыкчанские парни», повести Николая Якутского «Золотой ручей» (1950 г.).

Из прозаических работ следует указать на очерки «Большевик Костюшко-Валюжанич» (изданы в 1940 и в 1949 гг.), посвящённые жизни одного из замечательных деятелей большевистской партии в Сибири, организатора и председателя первого в России Читинского Совета солдатских и казачьих депутатов.

В 1948 году издана драма «Вилуйский узник», в которой Ольхон показывает великого демократа, пробывшего долгие годы в заточении на Вилуе.

В годы 1941—1950 Ольхон выпустил ряд книг для детей, преимущественно сказок, написанных по мотивам творчества северных народов («О Феде и Белом Медведе», 1941. «Сказки Тайги и Тундры», 1948. «Якутские волшебные сказки», 1950).

В годы Великой Отечественной войны поэт много работал в области сатирической поэзии и написал 300 текстов к иркутским агиткам.

В последнее время Анатолий Сергеевич Ольхон работал над большой поэмой «Резьба на бивне». Поэма осталась незавершённой, но и то, что сумел сделать поэт, является несомненным вкладом в его многообразное поэтическое творчество.

Литературная работа А. С. Ольхона отмечена двумя правительственными наградами.

СОДЕРЖАНИЕ

Певец окраин милой отчизны	3
Енисейская легенда	
Енисейская легенда (поэма)	17
Сибирь—советская земля	
Сибирские бывальщины	
Усольская колокольня (красноармейская бывальщина)	27
Военмор в Сибири	31
Мои байкальские знакомцы	
Песня	34
Послание с Байкала	35
Поликарп Двоедан — сетовщик-бригадир	37
Настенька-рыбачка	39
Омулёвый лов	42
Загон лося	44
Моя прабабушка Устинья Ильинична	47
Вечерины	52
Байкальское сердце	58
Прибой на острове Ольхоне	60
Охотник	62
Ульян-белковщик	64
Трактовые перевозки Золототранса	65
Ангарский лучкист	68
Сплав леса	70
Зимняя путина	72
Искатели металлов	73
Исток Ангары	75
Ангара	76
Солдатские проводы (поэма)	77
Падунский порог на Ангаре	89
Яблоня «Жёлтый челдон»	91
Сибирь—партизанская родина	
Собирались отряды	94
Партизаны	96
Кешка Бедолаз в партизаны идёт	100
Дарья партизанка	102
Бой на Байкале	106
Зимний тракт на Баргузин	110
Сухарная падь	113

Становья Большой Ангары	115
Гибель деревни	118
Памятник Хамар-Дабанскому отряду	122

Сибирь—царёва вотчина

Байкал	126
Ночь в Александровском центре	129
Песня о сухарях	131
Идут варнаки по Сибири	133
Рождение деревни	136
Сибирские гости	138
Анна Бесхлебных	139
Первейший челдон в Безымянке	141
Рыбачья песня	143
Славный корабль — омулёвая бочка	144
Далеко, в стране Иркутской	146
Деревня Куда	148
Село Оёк	150
Качуг	152
Усть-Кут	153
Киренск	154
Башня в Илимском остроге	155
Достоевский	158
Кюкля в Баргузине	160
Кандалы (отрывки из поэмы о Чернышевском)	162
Александровский централ	164
Ленская стачка	166
На берегах далёкого Витима	171
Клятва над ленской могилой	174

Звёзды Полярного круга

Семён Дежнев	179
Памятник Шелехову в Иркутске	181
Чкалов в «зоне недоступности»	183
Лагерь на Вершине Мира	185
Русские флаги в Антарктике	187
Рейс китобойной флотилии «Слава», 1949 год	189

Наш Крайний Север

Открытие полярной дороги	190
Радиопост	192
Газетная почта в Заполярье	194
Охотские жители	196
Бывалый полярник	197
Осень зверобоя	199
Песня лесорубов	201
Календарь оленевода	202
Красный чум в Эвенкии	206
На трассе новой пятилетки	208

Флаги над морями

Навигация в Арктике	210
-------------------------------	-----

Арктический порт	212
Восточно-Сибирское море	214
По следам Беринга	216
Подъём морского флага	218
Бухта Амбарчик	220
Белая ночь на Чукотке	221
Ледовой наблюдатель	223
Большой Диомид	225
Командир ледокола	227
Над Курильской грядой	229

Весна окраин

Призыв к трём стихиям	231
Полярный зов	232
Ленские скалы	233
Олёкминская пристань	235
Проводы друга	237
Пионерский лагерь в Сергелляхе	239
Весна в Бурульзае	241
Накануне зимовки	242
Полярное лето	243
Ледовитый океан	245
Ледяные сады	246
Северное сияние	248

Депутаты тундры

Депутаты тундры (поэма)	253
-----------------------------------	-----

Служба погоды

Служба погоды (поэма)	265
---------------------------------	-----

Резьба на бивне

Резьба на бивне (поэма)	287
Биографическая справка	295

Редактор Н. Н. Соколова
Художник В. Дружинин
Техн. редактор Ф. Г. Фёдорова
Корректор Е. Б. Гринберг

Сдано в набор 31 июля 1951 г. Подп. к печати 27 октября 1951 г.
Печ. л. 17,1. Уч.-изд. л. 11. Бумага 60×84/16. Тираж 5000. Заказ № 1399.
НЕ 05232. Цена книги 11 р. Переплет 1 р.

Отпечатано в 12-й типографии треста „Росполиграфпром“,
г. Иркутск, улица К. Маркса, 11.